Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 10 **ЖУРНАЛИСТИКА**

Издательство Московского университета

№ 4 • 2019 • ИЮЛЬ—АВГУСТ

Выходит один раз в два месяца

СОДЕРЖАНИЕ

Современная журналистика: тематика и проблематика

Зуйкина К. Л., Соколова Д. В. Специфика контента российских фейковых новостей в Интернете и на телевидении 3

Хамизова К. Х. Освещение ТЭК в газете и информационном агентстве: сходства и различия 23

Новые медиа

Гладкова А. А., Гарифуллин В. З., Рагнедда М. Модель трех уровней цифрового неравенства: современные возможности и ограничения (на примере исследования Республики Татарстан) 41

История журналистики

Алексеев К. А. Политика руководящих организаций по изданию физкультурно-спортивной периодики в 1920-е годы 73

Бакунцев А. В. И. А. Бунин в газете «Общее дело» (1920–1922) 94

Поддубцев Р. А. «Калишские беглецы»: поэты-футуристы в газете «Новь» ... 114

Веред Ю. Т. Журналисты и литературные деятели как участники и посредники межкультурного диалога эмигрантской России и Франции в 1920-х гг. 126

Палахан Н. История российско-таиландских отношений на страницах тайской версии журнала «Советский Союз» 144

Зарубежная журналистика

Чикишев Н. А. Современное состояние цифровой аудитории во Франции (обзор отраслевых докладов) 163

CONTENTS

Modern Journalism: Subjects and Issues

Kristina L. Zuykina, Daria V. Sokolova. Content Specifics of Russian Fake News on the Internet and on Television 3
Karina Kh. Khamizova. Coverage of Fec in Newspapers and News Agencies: Similarities and Differences 23

New Media

Anna A. Gladkova, Vasil Z. Garifullin, Massimo Ragnedda. Model of Three Levels of the Digital Divide: Current Advantages and Limitations (Exemplified by the Republic of Tatarstan) 42

History of Journalism

Konstantin A. Alekseev. The Policy of Leading Organizations on Publishing Sports Periodical Press in 1920-ies 73
Anton V. Bakuntsev. I. A. Bunin in Newspaper "Obshcheye Delo" (1920–1922) 94
Ruslan A. Poddubtsev. "Kalishskie Begletsy": Futurist Poets in the Nov Newspaper 114
Julia T. Vered. Journalists and Literary Figures as Participants and Mediators in the Intercultural Dialogue between Emigrant Russia and France in the 1920-ies 126
Nattanop Palahan. History of Russian-Thai Relations in the Thai Version of Sovetsky Soyuz Magazine 144

Foreign Journalism

Nikolai A. Chikishev. Current State of the Digital Audience in France (a Review of Industry Reports) 163

© Издательство Московского университета.
«Вестник Московского университета», 2019

СОВРЕМЕННАЯ ЖУРНАЛИСТИКА: ТЕМАТИКА И ПРОБЛЕМАТИКА

Зуйкина Кристина Львовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник кафедры социологии массовых коммуникаций, факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; e-mail: kris.zuy@gmail.com

Соколова Дарья Валерьевна, кандидат филологических наук, научный сотрудник кафедры новых медиа и теории коммуникации, факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; e-mail: darina0306@gmail.com

СПЕЦИФИКА КОНТЕНТА РОССИЙСКИХ ФЕЙКОВЫХ НОВОСТЕЙ В ИНТЕРНЕТЕ И НА ТЕЛЕВИДЕНИИ

В данной статье представлены результаты первого этапа исследования фейковых новостей. Авторы концентрируют внимание на особенностях контента популярных фейковых новостей, вышедших в российских интернет-СМИ и на телевидении за последние пять лет. На основании полученных результатов сделан вывод о мимикрии фейковых сообщений под реальные новости: популярные фейковые новости схожи с новостями реальными и структурно их повторяют. Отличия фейка от реальной новости проявляются только на содержательном уровне. Источником распространения фейковых новостей являются не только социальные сети и подозрительные сайты, но и федеральные СМИ.

Ключевые слова: *фейк, фейковые новости, онлайн-новость, Интернет, интернет-коммуникация, телевидение.*

Kristina L. Zuykina, PhD in Philology, Senior Researcher at the Chair of Sociology of Mass Communications, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: kris.zuy@gmail.ru

Daria V. Sokolova, PhD in Philology, Researcher at the Chair of New Media and Communication Theory, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: darina0306@gmail.com

CONTENT SPECIFICS OF RUSSIAN FAKE NEWS ON THE INTERNET AND ON TELEVISION

Fake news has widely spread over recent years, especially during the Brexit process, Ukrainian conflict and US presidential election campaign. Collins English Dictionary chose the word "fake" as the word of the year 2017. This study looks at the

content specifics of fake news on the Internet and on Russian television. The sample consists of 22 pieces of fake news that spread in social networks and online media (the audience for each piece amounted to more than 1 million people). The authors draw a conclusion about fake news mimicry to real news (structural similarity). The difference appears only at the level of content. The major means of spreading fake news are not only social networks and dubious websites but also the federal media.

Key words: *fake, fake news, online news, the Internet, online communication, television.*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2019.322

Введение

Фейки, как продукт медиаресурсов, стали предметом широкого обсуждения в последние несколько лет, получив особое распространение в период Брексита (выхода Великобритании из Евросоюза), военных столкновений на территории Украины и президентских выборов в США. Конечно, использование недостоверной информации не ново: дезинформацию в качестве метода воздействия на врага советовал использовать еще китайский полководец Сунь-Цзы. Однако именно в последние два года слово *фейк* стало употребляться на 36,5% чаще[1]. Повсеместное распространение Интернета, возросшая популярность социальных сетей обусловили частичный переход коммуникации, в том числе политической, в онлайновую среду, что стимулировало распространение фейков. Мета-анализ цифровых ресурсов США показывает, что активны свыше 100 сайтов, которые регулярно публикуют фальсифицированную информацию (Shao, Ciampaglia, Flammini, 2016: 746). А в России распространение фейковых новостей приняло такой масштаб, что Государственная Дума ввела наказание за распространение недостоверной общественно значимой информации.

Исследователями высказывается предположение, что алгоритмическое производство контента позволяет сайтам, специализирующимся на распространении недостоверной информации, автоматизировать производство новостей (Vargo, Guo, Amazeen, 2017: 16). В некоторых исследованиях первопричиной распространения подобного контента называют погоню за сенсацией (Иссерс, 2014: 117).

Кроме того, публикация фейковых новостей может приносить неплохой доход владельцам сомнительных ресурсов. Во время президентской гонки в США в 2016 г. около 150 англоязычных сайтов, поддерживающих Дональда Трампа, были зарегистрирова-

ны в небольшом македонском городе Велес. Ресурсы ежедневно публиковали множество фейковых сообщений о кандидате в президенты, поскольку те были востребованы у аудитории. Новости о Трампе оказались самым прибыльным способом генерировать трафик, «причем, настолько выгодным, что если сначала новости просто копировались с американских консервативных сайтов, то потом македонцу пришлось нанимать американских авторов» (Козловский, 2018).

Понятие и сущность фейка

Один из ведущих словарей английского языка – британский *Collins English Dictionary* – выбрал *фейк* главным словом 2017 г. И действительно фейки стали предметом пристального внимания как зарубежных, так и российских исследователей. Было предложено множество определений фейка и фейковой новости, однако до сих пор не принято единой дефиниции. Фейк определяют как журналистское сообщение, опубликованное в СМИ, содержащее недостоверную и непроверенную информацию, не соответствующую реальным фактам и эмпирической действительности (Ильченко, 2016). Также фейковыми называют «сфабрикованные новостные материалы, ложь в которых можно распознать и разоблачить, хотя она и способна ввести аудиторию в заблуждение» (Распопова, Богдан, 2018: 5). Аналогичное определение предлагают профессора Олкотт и Генцкау (Allkott, Gentzkow, 2017: 213).

Другие исследователи предлагают употреблять термин *фейк-новости* для «маркировки незаконных коммуникативных действий в пространстве Интернета, создания поддельных сайтов, которые почти невозможно отличить от настоящих» (Синельникова, 2014: 97). Фейковые новости также отождествляют с дезинформацией (Самошкин, 2017: 180).

В данном исследовании под *фейком* понимается намеренное искажение или конструирование действительности, а под *фейковой новостью* – новостные сообщения, основанные на намеренном искажении фактов, созданные для извлечения определенной выгоды (например, увеличения трафика или цитируемости).

С. Эдсон, Ж. Лим, Р. Линг на основе анализа научных статей, опубликованных в период 2003–2017 гг. и посвященных распространению фейковых новостей, предлагают следующую типологию фейков: сатира в новостях, пародия, фабрикация, манипуля-

ция, пропаганда и реклама (Edson, Zheng, Ling, 2018: 141). Таким образом, к фейкам относят пародийные программы, использующие юмор или преувеличение для презентации аудитории новостей. Подобные сатирические программы «играют важную роль в медийной экосистеме. Использование юмора не поверхностно. Отнюдь, юмор часто используется, чтобы критиковать политические, экономические и общественные события» (Там же). Классификация, предложенная отечественными медиаисследователями, основана на манипулятивных приемах, заложенных в фейковых сообщениях: интернет-утка, псевдоновости, фотоподделка, видеоподделка, аккаунты в «Твиттере» заведомо ложного содержания, мошеннические сайты с фальшивыми комментариями от несуществующих пользователей (Павлютенкова, Маркова, 2017: 142).

Кроме того, фейковые сообщения могут создаваться и распространяться для достижения различных целей: развлечения аудитории, повышения трафика, достижения политических или конкурентных преимуществ, дискриминации определенных групп лиц, привлечения внимания к отдельной личности или компании, мошеннического завладения деньгами или имуществом пользователей, нанесения ущерба информации, хранящейся в компьютерах пользователей (Суходолов, Бычкова, 2017: 160–162).

При этом аудитория зачастую не в состоянии отделить настоящую новость от фальшивой из-за низкого уровня медиаграмотности. Так, по данным Национального агентства финансовых исследований (НАФИ), индекс медиаграмотности россиян, т. е. проверка достоверности новостей, поиск новостей в разных источниках, понимание того, что новости могут освещаться не полностью, составляет 65% из 100 возможных. Более того, 51% опрошенных не сопоставляют сведения из разных источников СМИ[2], а значит, склонны доверять одной точке зрения, которая может оказаться фейком.

Даже спустя время примерно половина аудитории помнит фейковые сообщения и продолжает им верить (Allcott, Gentzkow, 2017).

Недостоверная информация в эпоху новых медиа появляется не только в мейнстримных медиа, но и в социальных сетях – оптимальном канале для распространения фейков (Vosoughi, Roy, Aral, 2018: 1146–1151). По мнению некоторых исследователей, пользователи распространяют информацию низкого качества, чтобы она стала виральной в соцсетях, поскольку считают, что они

заслуживают большего доверия, чем мейнстримные медиа (Al-Rawi, 2018: 2).

Фейковые посты с высоким уровнем вовлечения аудитории зачастую воспринимаются пользователями как достоверная информация. Так, пользователи «Фейсбука» (*Facebook)*, которые указывают эту сеть в качестве основного источника получения новостей, более восприимчивы к фейковым заголовкам: в 83% случаев недостоверные новости не вызывают сомнений в подлинности (Silverman, Singer-Vine, 2016). Фальшивые новости получают широкое распространение во многом благодаря особенностям аудиторного поведения: пользователи делают репосты для увеличения интеракции с собственной аудиторией, в некоторых случаях – для формирования социальной перцепции. По данным исследовательского центра *Pew Research Center,* около четверти американцев делились на своей странице в «Фейсбуке» фейковыми новостями, хотя знали, что заявленная информация не соответствует действительности[3].

Теоретико-методологическая основа исследования

Актуальная тема фейков привлекает внимание все большего числа исследователей. Однако по большей части изучается природа фейковых новостей (Vargo, Guo, Amazeen, 2017; Vosoughi, Roy, Aral, 2018; Ильченко, 2016; Котова, Дукян, 2016; Синельникова, 2014). Данное исследование сосредоточено на выявлении особенностей контента популярных фейковых новостей в российской интернет-среде и на телевидении. Это первый этап исследования, целью которого является выявление ключевых характеристик контента фейковых новостей, благодаря которым они становятся схожими с реальными новостями и привлекают внимание пользователей.

Среди *задач исследования*:

- подготовка необходимого исследовательского инструментария для реализации цели исследования;
- определение ключевых характеристик фейковых новостей, механизмов их распространения;
- характеристика структуры, *портрета* фейковых новостей в сравнении с реальными новостями.

Объектом исследования являются российские фейковые новости, получившие большой общественный резонанс (с 2014 по 2018 г.),

благодаря распространению в ведущих российских СМИ и соцсетях. *Предметом* – специфика контента данных новостей.

В качестве *рабочей гипотезы* служит предположение о том, что популярные фейковые новости действительно схожи с новостями реальными и структурно их повторяют (наличие визуальных элементов, что характерно для интернет-коммуникации в целом, порядок написания новости – перевернутая пирамида). Однако на содержательном уровне проявляются отличия фейка – прежде всего, ложная аргументация сообщения (к примеру, ссылка на несуществующее исследование) или отсутствие таковой.

Среди основных работ, которые были использованы при подготовке нашего исследования, можно выделить три группы:

- работы, связанные с вопросами происхождения фейков, их видами, механизмами распространения (Edson, Lim, Ling, 2018; McNair, 2017; Распопова, Богдан, 2018; Суходолов, Бычкова, 2017);

- работы, посвященные изучению контента новых медиа, в том числе фейкового (к примеру, Al-Rawi, 2018; Иссерс, 2014);

- работы, в которых предприняты попытки изучить восприятие аудиторей фейковых новостей (Nelson, Taneja, 2018; Silverman, Singer-Vine, 2016).

Выборка. Для проведения исследования были отобраны фейковые новости, значительно распространившиеся на телевидении, в российских интернет-СМИ и социальных сетях (топ-10). Выбор телеканалов и интернет-СМИ обусловлен характером медиапотребления в России: по данным медиаметрических исследований, ключевыми источниками новостей для жителей страны являются Интернет (79%) и телевидение (67%)[4]. По уровню медиаохвата в России лидируют также Интернет и телевидение[5]. Отметим, что фейковая новость, заявленная на телевидении, далее получала распространение именно в Сети, поэтому акцент в исследовании сделан на рассмотрении сетевого контента.

Выборка формировалась в несколько этапов. Вначале авторы рассмотрели рейтинги фейковых новостей за выбранный период исследования (рейтинги «Медиалогии», «Би-би-си» *(BBC)*, «ТиДжорнал» *(TJournal)*, а также фактчекинговых ресурсов «СтопФейк» *(StopFake)* и «Лапшеснималочная»), при формировании которых учитывалось значительное распространение новости, а также высокий уровень цитирования.

Далее фейки были разделены по тематике. Первичный анализ фейковых новостей показал, что большинство из них связано с

политической тематикой, в частности политическими событиями на Украине. Стоит отметить, что сообщения, касающиеся других тем, так или иначе затрагивают внешнюю и внутреннюю политику Российской Федерации. Например, фейковое сообщение о том, что Украина хочет обменять Крым на Приднестровье, напрямую затрагивает внешнеполитические интересы России. Выдуманные сообщения об отъезде А. Макаревича из России и огромной толпе у американского посольства в Москве также имеют политический подтекст. Полученные данные относительно тематики фейковых новостей можно соотнести с данными исследования профессора Технологического университета Квинсленда (Австралия) Б. Мак-Нейра (McNair, 2017), выявившего, что фейки стали центральным элементом политической коммуникации в последние годы.

На следующем этапе с использованием автоматизированной системы мониторинга социальных сетей и СМИ *BrandAnalytics* были отобраны фейки, аудиторный охват которых в Сети был больше 1 млн чел. В конечном итоге выборка составила 22 фейковых новости, включая 7 фейков, посвященных политике, и по 3 новости на темы экономики, общества, культуры, спорта и науки.

Авторы с помощью новостных агрегаторов «Гугл.Новости» *(Google News)* и «Яндекс.Новости», а также ручного поиска определяли распространение того или иного сообщения и выявляли первоисточник фальшивой новости. Новостные сообщения идентифицировались как фейковые на основании опровержения в публичном пространстве (см. табл. 1). Если же опровержения не последовало, информация проверялась авторами исследования самостоятельно.

Подчеркнем, что в выборку вошли только крупные фейки, со значительным охватом аудитории, отсюда и небольшой объем выборки. Кроме того, исследование является пилотным, выборка не претендует на репрезентативность, однако предполагается, что полученные результаты позволят сделать некоторые выводы, касающиеся контента, которые лягут в основу второго этапа исследования, посвященного вопросам восприятия фейков.

Основным методом исследования послужил контент-анализ, позволяющий выделить и охарактеризовать ключевые особенности фейковых новостей. Для исследования был разработан кодификатор, включающий пять категорий: внешняя структура, аргументация, жанр, тональность и главный субъект.

Таблица 1

Выборка исследования

Фейк	Источник фейка	Распространение публикации на сайтах СМИ и в соцсетях	Опровержение
Политика			
В одном из ресторанов Нью-Йорка появился «пятиэтажный» бургер, названный в честь В. В. Путина	RT*	ТАСС, ИА Regnum, Эхо Москвы, НТВ, КП, URA.RU, Ридус +соцсети	Лапшеснималочная[6]
Появление В. В. Путина на фотографии с саммита G-20 (фотомонтаж)	Инстаграм-аккаунт Дмитрия «Гоблина» Пучкова	Только социальные сети, включая аккаунт журналиста В. Соловьева и писателя И. Меркури	TJournal[7]
Попытка суицида Родченкова	ИА «Панорама» (https://panorama.pub/)	RT, РИА Новости (2 публикации), РСпорт, СпортЭкспресс, Sports.ru, Championat.com, Звезда, Вести.ру, Известия, Life.ru, Gazeta.ru, АиФ, Dni.ru, Говорит Москва, МК, Вечерняя Москва, URA.RU, радио «Маяк» +соцсети	TJournal[8]
Политика (подтема Украины)			
Украина хочет поменять Крым на Приднестровье	Аккаунт в соцсети «Фейсбук» Ирины Фриз*	Lenta.ru, Рамблер.Новости, Московский комсомолец, риа ФАН, Свободная пресса, dni.ru, pravdanews.info	СтопФейк[9]
В Славянске украинские военные распяли мальчика	Первый канал	Только социальные сети	Рипаблик[10]
П. Порошенко предложил вывести Крым из состава Украины	Известия	Рамблер.Новости, ИА «Амител», Русская правда, Антимайдан+соцсети	Крым. Реалии (украинская редакция «Радио Свобода»)[11]
Украинцы расплачиваются в общественном транспорте солью	Первый канал	Только социальные сети	Вести Украина[12]

Продолжение таблицы 1

Общество			
Около американского консульства в Москве выстроилась огромная очередь	РИА Новости	Парламентская газета, РЕН ТВ, Звезда, lenta.ru, life.ru, Деловой Петербург, Вести. ФМ, телеканал 360, РИА МО, Сплетник, inforeactor.ru, mosday.ru +соцсети	Посольство США[13]
Интервью «погибшей» в Керчи девочки в эфире программы «60 минут»	Россия 1	Только социальные сети	Ольга Скабеева[14]
Девушка предлагает интим в обмен на новую модель Iphone	ВКонтакте*, Лента.ру	Метро, РИА «ФАН», Rsute.ru, Vladtime.ru, Informing.ru, VistaNews.ru +соцсети	TJournal[15]
Культура			
А. Макаревич заявил, что покидает Россию	ИА «Амител»	АиФ Украина, Ura.ru, Novayagazeta-UG.ru, SahaPress.ru, Informvest.net, Comandir.com, vg-news.ru+соцсети	TJournal[16]
Роскомнадзор запретил показ мультфильма «Трое из Простоквашино»	ИА «Панорама», поддержал продюсер М. Фадеев в своем аккаунте в «Фейсбуке»	70 публикаций (Kurgan.ru, Сиб.фм, Vlasti.net, Империя, ИА «Версия») +соцсети, включая аккаунт продюсера М. Фадеева	Роскомнадзор[17]
Конкурс «Евровидение» перенесут из Киева в Берлин	Фейсбук-аккаунт Алексея Столярова	Life.ru, Inforeactor.ru, Finam.info, Mos.news+соцсети	Крым.Реалии[18]
Спорт			
Н.Валуев станет главным тренером ФК «Зенит»	Аккаунт в «Твиттере» Николая Валуева	Комсомольская правда, радио «Балтика» +соцсети	Официального опровержения не последовало, поскольку это была первоапрельская шутка боксера

Продолжение таблицы 1

Болельщик ЦСКА пришел на матч с «Ромой» с ножевым ранением	Комсомольская правда	Спортэкспресс, Вести.ру, Нева спорт+соцсети	Чемпионат[19]
Украина не будет транслировать чемпионат мира по футболу-2018	Урядові курір	RT, Коммерсант FM, Парламентская газета, Спорт Экспресс, Труд, Gazeta.ru, АиФ Украина, Росбалт, Экономика сегодня, Новый день, Свободная пресса, Глас народа, Nation-news.ru, ivbg.ru, newinform.com+соцсети	Стоп. Фейк[20]
Наука			
Гены космонавтов-близнецов изменились после полета в космос	Хайтек	РИА Новости, Российская газета, Комсомольская правда, Московский комсомолец, Пятый канал, Спутник, Афиша.Daily, Метро, Моя планета, Вести.ру, телеканал 360, Пикабу, gazetadaily.ru, paranormal-news.ru+соцсети	TJournal[21]
Российские ученые клонировали египетского фараона	Smixer	Maxpark.com, dgzzz.ucoz.ru+соцсети	Сайт специализируется на фейковых новостях
А. Гитлер был похоронен в Парагвае в 1973 году	Звезда	Спутник, vsevesti24.ru, rodina.news, nazireich.net+соцсети	Официального опровержения не было, серьезные СМИ игнорировали сообщение
Экономика			
В Германии приравняли криптовалюту к платежным средствам	РБК	Телеканал «Мир», Вести. Экономика, banki.ru, investfuture.ru, socportal.info, bloomchain.ru, mining-cryptocurrency.ru, Роскомсвобода+соцсети	Герман Клименко[22]

Окончание таблицы 1

Дж.Сорос заявил, что Европе не выжить без России	РИА Новости	АиФ, телеканал «Звезда», РЕН ТВ, РИА ФАН, Правда-тв, Красноярские новости, dni.ru, rodina. news+соцсети	Лапшесни-малочная[23]
Угроза финансового краха: Атлантический океан впервые в истории свободен от грузовых судов	Блогер Алексеич	Пикабу, maxpark.com, newsland.com, Оккультные новости+соцсети	Лапшесни-малочная[24]

** Оригинальная публикация удалена*

Результаты

Результаты анализа показали, что источником распространения фейковых новостей являются не только социальные сети и подозрительные сайты, но и федеральные СМИ, в которых должен быть налажен механизм фактчекинга и верификации информации («Первый канал», «Россия 1», «Звезда», *RT*, «Известия», РИА Новости, РБК). Это подтверждается и данными проведенного ранее исследования (Соколова, 2018: 15).

Федеральные СМИ искажают реальные факты. К примеру, «Известия» некорректно интерпретировали интервью депутата Верховной Рады, приписав его слова П. Порошенко, якобы давшему распоряжение вывести Крым из состава Украины. В некоторых случаях СМИ сознательно дезинформируют аудиторию (например, история о распятом мальчике на Украине от «Первого канала» или новость о нью-йоркском «Путинбургере» от *RT*). Конструирование альтернативных фактов вписывается в концепцию постправды, при которой не имеет значения, реальна новость или нет, важно, чтобы она соответствовала эмоциональному настрою аудитории и политическим целям коммуникатора (Чугров, 2017: 46).

В сообщениях подобного рода коммуникатор апеллирует к эмоциям, поскольку восприятие информации, содержащей готовые выводы, формирует мотивы и установки, определяя поведение аудитории. При этом 8 из 22 проанализированных текстов вообще не содержали какой-либо ссылки на источник. Как показал анализ, для подтверждения достоверности транслируемых сообщений авторы фейковых новостей дополняют реальность отдель-

ными выдуманными *фактами* или придумывают событие. Как пример искажения, дополнения реальности можно привести фотомонтаж снимка с саммита *G*-20: фотография реальная, соответствует событию, но с помощью компьютерной обработки был добавлен новый *участник* – президент России.

Часто СМИ используют реальных людей или реальные организации, но приписывают им мифические слова или вкладывают в уста спикеров информацию, не соответствующую действительности. Например, РИА Новости приводят слова Дж. Сороса, что Европе не выжить без России, инвестор видит спасение в «плане Маршалла» и призывает Евросоюз сотрудничать с Москвой. Агентство ссылается на реально существующее издание «Немецкие экономические новости» *(Deutche Wirtschafts Nachrichten)*, взявшее интервью у Дж. Сороса во время Давосского форума. В реальности Сорос участвовал в форуме и давал интервью, но только агентству *Bloomberg* и говорил о России в другом контексте.

Стоит выделить случаи намеренного искажения информации, а порой и откровенной фабрикации фактов, якобы озвученных реально существующими людьми, чьи высказывания транслировали федеральные СМИ. В эфире «Первого канала» лидер мелитопольского «Бессмертного полка» Екатерина Уманец заявила, что в стране нищета и украинцы расплачиваются в маршрутном такси солью. Данное сообщение не соответствует действительности, но телеканал не опроверг слова гостьи эфира.

При распространении фейков используются информационные жанры, крайне редко – аналитические (21 текст к 1). Данное соотношение можно объяснить тем, что фейки направлены на максимальный охват аудитории, а большей популярностью пользуются короткие информационные жанры, не отнимающие много времени у читателей. Федеральные новостные интернет-издания выпускают преимущественно короткие, до 126 слов, материалы (83% от общего числа материалов в месяц), а аудитория охотнее вовлекается в чтение коротких материалов, нежели длинных[25]. Данные нашего исследования также подтверждают, что длинные тексты, в том числе аналитические, менее востребованы. Создатели фейковых сообщений ориентируются на более популярный у аудитории контент.

Внешняя структура фейковой новости, как правило, не отличается от структуры обычной новостной заметки и строится по типу *текст и изображение* или *текст без иллюстративного сопровожде-*

ния. Практически не используется видеоконтент, что объясняется большей трудоемкостью его фальсификации по сравнению с другими типами контента. Исключением являются материалы телеканалов, где фальсификация может проводиться намеренно (например, сюжет «Первого канала» о том, что в Славянске украинские военные «распяли» мальчика). Полученные эмпирические данные подтверждаются результатами предыдущих исследований: композиционно фейковые новости ничем не отличаются от новостного дискурса (Панченко, 2013: 166). Структурно они построены как обычные новости с аналогичной композицией, стилистикой, диалектическими ответами на триаду вопросов – Что? Где? Когда? (Ефанов, 2018: 163).

Что касается тональности материалов, то превалируют нейтральные сообщения, не содержащие оценок, экспрессивной или эмоционально окрашенной лексики (нейтральных материалов – 13, отрицательных – 6, положительных – 3). Выбор тональности также соотносится с внешней структурой фейковых сообщений, мимикрирующих под обычные новости в Сети. Использование нейтральной тональности направлено на то, чтобы ввести в заблуждение рядовых интернет-пользователей, не имеющих профессионального журналистского образования и не обладающих навыками фактчекинга. Таким образом, пользователь видит перед собой новостную заметку, практически ничем не отличающуюся от реальных новостей, и может принять содержащуюся в ней информацию за правду.

Главным субъектом фейковых новостей становятся реальные личности или известные организации (18 новостей). К созданию фейковых личностей для распространения ложной информации прибегают редко (авторы фейка о запрете Роскомнадзором мультфильма «Трое из Простоквашино» ссылаются на несуществующее исследование выдуманного профессора). Предполагаем, что этот факт связан с психологическим восприятием информации: новость, в которой есть известная личность или организация, вызовет больше доверия, сочувствия, нежели новость с субъектом, о котором читатель слышит впервые.

Выводы

Интернет позволяет практически каждому человеку стать субъектом информационного пространства, при этом большинство не осознает свою ответственность за распространение сведений, ко-

торые не имеют под собой и доли истины. Проблему усугубляет наличие у людей определенных стереотипов и мифологем, что позволяет в открытом информационном пространстве *больших данных* принимать на веру информацию, которая просто отвечает их интересам, тем самым освобождая от проблемы выбора. В итоге общество постправды формируется за счет стереотипизации восприятия реальности, а ключевую роль в данном процессе играют медиа.

В данной статье представлена первая часть результатов исследования популярных фейковых новостей в Интернете и на телевидении, которые позволяют сделать некоторые выводы.

- Ключевым источником распространения фейковых новостей являются не только социальные сети и подозрительные сайты, но и федеральные СМИ, в которых должен быть налажен механизм фактчекинга и верификации информации («Первый канал», «Россия 1», «Звезда», *RT*, «Известия», РИА Новости, РБК). При этом новость, появившиеся в федеральных СМИ, активно подхватывается социальными сетями, что позволяет за несколько минут распространить фейк среди нескольких сотен тысяч человек. Мы предполагаем, что причиной сложившейся ситуации становится редакционная политика, направленная на оперативность публикации в ущерб фактчекингу.

- Фейковая новость мимикрирует под новость реальную и повторяет ее внешнюю структуру: строится по типу *текст, дополненный изображением, или текст без иллюстративного сопровождения*.

- Схожесть с реальными новостями наблюдается и на уровне жанра и тональности фейковых публикаций. Так, в большинстве случаев фейковая новость подготовлена в формате новостной заметки. При этом информация представляется в нейтральной тональности, что характерно для публикации новостных материалов в Сети (Зуйкина, 2017: 84). Возможно, авторы фейковых сообщений намеренно отказываются от использования экспрессивной и эмоционально окрашенной лексики, поскольку данная лексика чужда новостным сообщениям и ее использование может служить первичным маркером *поддельности* транслируемой информации. Данное умозаключение авторы планируют верифицировать на втором этапе исследования.

- Кроме того, главными субъектами в фейковых публикациях выступают реальные люди, которым приписывают выдуманные слова, или организации, о которых сообщается информация, не соответствующую действительности.

- Значимым отличием фейка от реальной новости зачастую является отсутствие какой-либо аргументации, подтверждающей за-

явленную информацию. В сообщениях подобного рода коммуникатор апеллирует к эмоциям, поскольку восприятие информации, содержащей готовые выводы, формирует мотивы и установки, определяющие поведение аудитории. Другой вариант – ссылка на выдуманный источник, несуществующую личность или же ссылка на несуществующий результат деятельности известной личности или организации.

Фейковая новость, таким образом, это симулякр – копия, у которой нет оригинала, сформулированная Жаном Бодрийяром (Бодрийяр, 2017). В эпоху постправды новостные сообщения не отражают реальность, а маскируют ее, подменяя вымыслом отсутствие факта, что приводит к потере связи с реальностью. Реальность перенасыщена мнимыми событиями и персонажами, которых не в состоянии идентифицировать как фейковые не только аудитория, но и профессиональные производители информации. В данном контексте уместно вспомнить эксперимент по внедрению в повестку российских медиа вымышленного спикера – В. Габриакова, эксперта по урбанистике. За два месяца продвижения несуществующего эксперта в СМИ вышли 19 оригинальных публикаций, было получено 3 приглашения к участию в мероприятиях (Милославская, 2018: 96–97). Даже после уведомления журналистов о фейковизации спикера многие СМИ не удалили статьи и комментарии Владимира Габриакова, в том числе до сих пор на сайте ТАСС можно обнаружить профайл *эксперта* и его комментарии[26], хотя эксперимент был проведен еще в 2014 г. Подобная ситуация в российской медиасфере не уникальна: из 22 отобранных авторами для анализа фейков лишь в трех случаях были удалены оригинальные публикации, хотя новостные сообщения были признаны не соответствующими действительности и опровергнуты в публичном пространстве.

Полученные авторами результаты позволили определить некоторые особенности контента популярных фейковых новостей. На втором этапе исследования планируется изучить специфику восприятия фейковых новостей, выделить структурные и лексические элементы новостных сообщений, влияющие на принятие потребителями информации решения об их истинности или ложности, а также понять, в состоянии ли аудитория отличить вымысел от правды, какие факторы влияют на эту способность. Второй этап позволит, во-первых, верифицировать результаты первой части исследования, а во-вторых, определить, какие факторы влияют на доверие к фейковой информации в Сети.

Примечания

[1] Roy A. Fake news in real news. *The Telegraph*. (2017, November 3). Режим доступа: https://www.telegraphindia.com/india/fake-news-in-real-news-183083 (дата обращения: 04.11.2018).

[2] Цифровая грамотность для экономики будущего. НАФИ, 2018.

[3] Many Americans Believe Fake News Is Sowing Confusion // *Pew Research Center*. Dec. 15. 2016. Режим доступа: http://www.journalism.org/2016/12/15/many-americans-believe-fake-news-is-sowing-confusion/ (дата обращения: 02.02.2018).

[4] Медиапотребление в России-2018. Исследовательский центр «Делойт». Режим доступа: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/research-center/media-consumption-in-russia-2018-ru.pdf (дата обращения: 22.12.2018).

[5] Как читают медиа в России 2017–2018. С. 17. Медиатор, Mail.ru Group. Режим доступа: https://mediator.media/doc/Mediator_2018_How_People_Read.pdf (дата обращения: 24.12.2018).

[6] #ПутинБургерГейт: как российские СМИ выдумали «подарок Путину» // Лапшеснималочная. 08.10.2017 Режим доступа: https://noodleremover.news/fake-putin-burger-c4431e377df7 (дата обращения: 01.11.2018).

[7] Фейк: Путин в окружении Трампа и Эрдогана // TJournal. 08.07.2017. Режим доступа: https://tjournal.ru/flood/46208-feyk-putin-v-okruzhenii-trampa-i-erdogana (дата обращения: 01.11.2018).

[8] *RT* выпустил эксклюзив о попытке суицида Родченкова. Многие детали совпали с заметкой пародийного сайта // TJournal. 27.06.2018. Режим доступа: https://tjournal.ru/media/72843-rt-vypustil-eksklyuziv-o-popytke-suicida-rodchenkova-mnogie-detali-sovpali-s-zametkoy-parodiynogo-sayta (дата обращения: 01.11.2018).

[9] Фейк: Украина хочет обменять Крым на Приднестровье // StopFake. 22.11.2017. Режим доступа: https://www.stopfake.org/fejk-ukraina-hochet-obmenyat-krym-na-pridnestrove/ (дата обращения: 01.11.2018).

[10] Журналисты не нашли подтверждение сюжету «Первого канала» о распятом в Славянске ребенке // Republic 14.07.2014. Режим доступа: https://republic.ru/posts/l/1126851 (дата обращения: 01.11.2018).

[11] Фейк российских новостей: Порошенко поручил вывести Крым из состава Украины // Крым.Реалии. 11.07.2017. Режим доступа: https://ru.krymr.com/a/28610184.html (дата обращения: 01.11.2018).

[12] «Украинцы расплачиваются за проезд солью». Соцсети получили новый мем после эфира на РосТВ // Вести Украина. 26.05.2017. Режим доступа: https://vesti-ukr.com/strana/240189-ukraintsy-rasplachivajutsja-za-proezd-solju-sotsseti-poluchili-novyj-mem-posle-efira-na-rostv (дата обращения: 01.11.2018).

[13] Консульство США в Москве во вторник работает в обычном режиме, без очередей и ажиотажа // Интерфакс.Туризм. 22.08.2017. Режим доступа: https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/43171 (дата обращения: 01.11.2018).

[14] Личный аккаунт ведущей программы «60 минут» Ольги Скабеевой. Режим доступа: https://www.instagram.com/p/BpRtM5KFHcV/ (дата обращения 01.11.2018).

[15] Желаемое за действительное: растиражированные предложения интима за iPhone 7 оказались вымыслом // TJournaL 09.09.2016. Режим доступа: https://tjournal.ru/flood/34078-zhelaemoe-za-deystvitelnoe-rastirazhirovannye-predlozheniya-intima-za-iphone-7-okazalis-vymyslom (дата обращения: 01.11.2018).

[16] Фейк: Отъезд Андрея Макаревича из России // TJournaL 08.01.2016. Режим доступа: https://tjournal.ru/flood/20415-feyk-otezd-andreya-makarevicha-iz-rossii (дата обращения 01.11.2018).

[17] Официальная страница Роскомнадзора в «Фейсбук». Режим доступа: https://web.facebook.com/roskomnadzor.official/photos/a.1485309358414507/2029424720669632/?type=3&theater (дата обращения: 01.11.2018).

[18] Фейк российских новостей: «Евровидение» перенесут из Киева в Берлин // Крым. Реалии 06.04.2017. Режим доступа: https://ru.krymr.com/a/28413687.html (дата обращения 01.11.2018).

[19] В российском посольстве опровергли информацию о ножевом ранении фаната ЦСКА // Чемпионат. Режим доступа: 23.10.2018 https://www.championat.com/football/news-3577905-v-rossijskom-posolstve-oprovergli-informaciju-o-nozhevom-ranenii-fanata-cska.html (дата обращения: 01.11.2018).

[20] Фейк: Украина не будет транслировать Чемпионат мира по футболу 2018 в России // StopFake. 12.05.2018. Режим доступа: https://www.stopfake.org/fejk-ukraina-ne-budet-translirovat-chempionat-mira-po-futbolu-2018-v-rossii/ (дата обращения 01.11.2018).

[21] Фейк: Гены астронавта Скотта Келли изменились навсегда после года в космосе // TJournal. 16.03.2018. Режим доступа: https://tjournal.ru/science/67734-feyk-geny-astronavta-skotta-kelli-izmenilis-navsegda-posle-goda-v-kosmose (дата обращения: 01.11.2018).

[22] Заявление Гемана Клименко в Телеграме. Режим доступа: https://cryptorussia.ru/news/novost-o-priznanii-kriptovalyuty-platezhnym-sredstvom-v-germanii-nazvali-feykom (дата обращения: 01.11.2018).

[23] Что на самом деле сказал Сорос в интервью *Bloomberg* про Россию и ЕС // Лапшеснималочная. 23.01.2016. Режим доступа: https://noodleremover.news/soros-fake-interview-ca5ea449d079 (дата обращения 01.11.2018).

[24] Нет, мировая экономика не обрушилась, или о фабриках лапши // Лапшеснималочная. 11.01.2016. Режим доступа: https://noodleremover.news/noodle-factories-5840361de0ff (дата обращения: 01.11.2018).

[25] Там же. С. 36–38.

[26] По состоянию на 05.02.2019. Профайл Владимира Габриакова. Режим доступа: доступен по ссылке: https://tass.ru/opinions/experts/4611

Библиография

Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М.: Постун, 2017.

Дубровский И. Д. Обман: философско-психологический анализ. М.: Канон+, 2010.

Ефанов А. А. Функционирование псевдоновости в полях телевидения и Интернета: типология, практики, социальные эффекты // Коммуникология. 2018. Т. 6. № 1. С. 156–165. DOI: 10.21453/2311-3065-2018-6-1-156-165.

Зуйкина К. Л. Особенности политической коммуникации в блогосфере России и США: дис. ... канд. филол. наук. М., 2017.

Ильченско С. Н. Фейк в практике электронных СМИ: критерии достоверности // Медиаскоп. 2016. Вып. 4. Режим доступа: http://www.mediascope.ru/2237 (дата обращения: 16.06.2019).

Иссерс О. С. Медиафейки: между правдой и мистификацией // Коммуникативные исследования. 2014. № 2. С. 112–123.

Котова Н. С., Дукян С. С. Феномен «фейка» в политическом дискурсе эпохи «постправды» // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2018. № 2. С. 130–135.

Козловский Б. Максимальный репост. Как соцсети заставляют нас верить фейковым новостям. М.: Альпина Паблишер, 2018.

Милославская З. А. Современный текст средств массовой инофрмации в аспекте аксиологии журналистики: дис. ... канд. филол. наук. М., 2018.

Павлютенкова М. Ю., Маркова Е. А. Информационно-коммуникационные технологии в создании политической медиареальности в России Проблемы постсоветского пространства // Post-Soviet Issues. 2017. № 4 (2). 137–147. DOI: https://doi.org/10.24975/2313-8920-2017-4-2-137-147

Панченко Н. Н. Фейк-новость в аспекте достоверности // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. 2013. Т. 8. Вып. 1. Нижний Новгород: Изд-во НГЛУ имени Н. А. Добролюбова, 2013. С. 164–169.

Распопова С. С., Богдан Е. Н. Фейковые новости: информационная мистификация: учеб. пособие для вузов. М.: Аспект-Пресс, 2018.

Самошкин Е. А. Институты борьбы с дезинформацией и мисинформацией в СМИ // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2017. № 6. С. 176–190.

Синельникова Л. Н. Информационная война ad infinitum: украинский вектор // Политическая лингвистика // ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». Вып. 2 (48). Екатеринбург, 2014. С. 95–101.

Соколова Д. В. Фактчекинг и верификация информации в российских СМИ: результаты опроса // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2018. № 4. С. 3–25. DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2018.325

Суходолов А. П., Бычкова А. М. «Фейковые новости» как феномен современного медиапространства: понятия, виды, назначение, меры противодействия // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. Т. 6. № 2. С. 143–169. DOI: 10.17150/2308-6203.2017.6(2).143-169

Чугров С. В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 42–59. DOI: 10.17976/jpps/2017.02.04

Allcott H., Gentzkow M. (2017) Social Media and Fake News in The 2016 Election. *Journal of Economic Perspectives* 31 (2): 211–236. DOI: https://doi.org/10.1257/jep.31.2.211

Al-Rawi A. (2018) Gatekeeping Fake News Discourses on Mainstream Media Versus Social Media. *Social Science Computer Review*: 1–18. DOI: https://doi.org/10.1177/0894439318795849

Edson C., Tandoc Jr., Zheng W. L. & Richard Ling (2018) *Defining "Fake News", Digital Journalism, 2017.* DOI: 10.1080/21670811.2017.1360143

McNair B. (2017) *Fake News: Falsehood, Fabrication and Fantasy in Journalism*. New York: Routledge.

Nelson J. L., Taneja H. (2018) The small, disloyal fake news audience: The role of audience availability in fake news consumption. *New media & society* 20 (10): 3720–3737. DOI: https://doi.org/10.1177/1461444818758715

Shao C., Ciampaglia GL, Flammini A. (2016) Hoaxy: a platform for tracking online misinformation. In *Proceeding of the 25th International conference companion on world wide web, international world wide web conferences steering committee, April*. New York: ACM. Pp. 745-750. DOI: 10.1145/2872518.2890098

Vargo C. J., Guo L., Amazeen A. (2017) The agenda-setting power of fake news: a big data analysis of the online media landscape from 2014 to 2016. *New Media & Society*: 1–22. DOI: https://doi.org/10.1177/1461444817712086

Vosoughi S., Roy D., Aral S. (2018) The spread of true and false news online. *Science* 359: 1146–1151. DOI: 10.1126/science.aap9559

Notes

Silverman C., Singer-Vine J. (2016) Most Americans Who Sees Fake News Believe It, New Survey Says. *BuzzFeed*, 7 Dec. 2016.

References

Allcott H., Gentzkow M. (2017) Social Media and Fake News in the 2016 Election. *Journal of Economic Perspectives* 31 (2): 211–236. DOI: https://doi.org/10.1257/jep.31.2.211

Al-Rawi A. (2018) Gatekeeping Fake News Discourses on Mainstream Media Versus Social Media. *Social Science Computer Review*: 1-18. DOI: https://doi.org/10.1177/0894439318795849

Baudrillard J. (2017) *Simulyakry i simulyatsiya* [Simulations and Simulation]. Moscow: Postun Publ. (In Russian)

Chugrov S. V. (2017) Post-Truth: transformaciya politicheskoj real'nosti ili samorazrushenie liberal'noj demokratii? [Post-Truth: the Transformation of Political Reality or Self-Destruction of Liberal Democracy?]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* 2: 42–59. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2017.02.04

Dubrovskij I.D. (2010) *Obman: filosofsko-psihologicheskij analiz* [Deception: a Philosophical and Psychological Analysis]. Moscow: Kanon. (In Russian)

Edson C., Tandoc Jr., Zheng W. L. & Richard Ling (2018) Defining "Fake News". *Digital Journalism, 2017*. DOI: 10.1080/21670811.2017.1360143

Efanov A. A. (2018) Funkcionirovanie psevdo-novosti v polyah televideniya i Interneta: tipologiya, praktiki, social'nye ehffekty [Operation of Pseudo News on Television and on the Internet: Typology, Practices and Social Effects] *Kommunikologiya* 6 (1): 156-165. (In Russian). DOI: 10.21453/2311-3065-2018-6-1-156-165.

Il'chensko S. N. (2016) Fejk v praktike ehlektronnyh SMI: kriterii dostovernosti [Fakes in the Electronic Media Practice: the Criteria of Credibility]. *Mediaskop* 4. (In Russian). Available at: http://www.mediascope.ru/2237 (accessed: 16.06.2019)

Issers O. S. (2014) Mediafejki: mezhdu pravdoj i mistifikaciej [Media Fakes: Between the Truth and Mystification]. *Kommunikativnye issledovaniya* 2: 112–123. (In Russian)

Kotova N. S., Dukyan S.S. (2018) Fenomen «fejka» v politicheskom diskurse ehpohi «postpravdy». Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie [The Phenomenon of "Fake" in Political Discourse in an Era of "Post-Truth". Governmental and Municipal Management]. *Uchenye zapiski* 2: 130–135. (In Russian)

Kozlovskij B. (2018) *Maksimal'nyj repost. Kak socseti zastavlyayut nas verit' fejkovym novostyam* [Ultimate Repost. How Social Networks Make Us Believe in Fake News]. Moscow: Al'pina Publisher. (In Russian)

McNair B. (2017) *Fake News: Falsehood, Fabrication and Fantasy in Journalism*. New York: Routledge.

Miloslavskaya Z. A. (2018) *Sovremennyy tekst sredstv massovoy inofrmatsii v aspekte aksiologii zhurnalistiki: dis. ... kand. filol. nauk* [Modern Text of Mass Media in the Aspect of Axiology of Journalism: PhD philol. sci. diss.]. Moscow. (In Russian)

Nelson J. L., Taneja H. (2018) The Small, Disloyal Fake News Audience: the Role of Audience Availability in Fake News Consumption. *New media & society* 20 (10): 3720–3737. DOI: https://doi.org/10.1177/1461444818758715

Panchenko N. N. (2013) Fejk-novost' v aspekte dostovernosti [Fake News in Terms of Credibility]. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty izucheniya rechevoj deyatel'nosti* 8 (1): 164–169. (In Russian)

Pavlyutenkova M. Yu., Markova E. A. (2017) Informacionno-kommunikacionnye tekhnologii v sozdanii politicheskoj mediareal'nosti v Rossii. Problemy postsovetskogo prostranstva [Information and Communication Technologies in Constructing Russian Media Reality. Post-Soviet Issues]. *Post-Soviet Issues* 2: 137–147. (In Russian). DOI: https://doi.org/10.24975/2313-8920-2017-4-2-137-147

Raspopova S. S., Bogdan E. N. (2018) *Fejkovye novosti: informacionnaya mistifikaciya. Ucheb. posobie dlya vuzov* [Fake News: an Information Mystification. A Study Guide for Universities]. Moscow: Aspekt-Press. (In Russian)

Samoshkin E. A. (2017) Instituty bor'by s dezinformaciej i misinformaciej v SMI [Institutions Combating Disinformation and Misinformation in the Media]. V*estn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika* 6: 176–190. (In Russian)

Shao C., Ciampaglia GL, Flammini A. (2016) Hoaxy: a Platform for Tracking Online Misinformation. In *Proceeding of the 25th International conference companion on world wide web, international world wide web conferences steering committee, April*. New York: ACM. Pp. 745–750. DOI: 10.1145/2872518.2890098

Sinel'nikova L. N. (2014) Informacionnaya vojna ad infinitum: ukrainskij vector [The Information War Ad Infinitum: the Ukrainian Vector]. *Politicheskaya lingvistika / FGBOU VPO «Ural. Gos. ped. Un-t»* 2 (48): 95–101. (In Russian)

Sokolova D. V. (2018) Faktcheking i verifikaciya informacii v rossijskih SMI: rezul'taty oprosa [Fact-Checking and Information Verification in Russian Media: Survey Results]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika* 4: 25. (In Russian). DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2018.325

Suhodolov A.P., Bychkova A.M. (2017) «Fejkovye novosti» kak fenomen sovremennogo mediaprostranstva: ponyatiya, vidy, naznachenie, mery protivodejstviya ["Fake News" as a Phenomenon of Modern Media Landscape: Concepts, Kinds, Purpose and Countermeasures]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki* 6 (2): 143–169. (In Russian). DOI: 10.17150/2308-6203.2017.6(2).143-169

Vargo C. J., Guo L., Amazeen A. (2017) The Agenda-Setting Power of Fake News: a Big Data Analysis of the Online Media Landscape from 2014 to 2016. *New Media & Society*: 1–22. DOI: https://doi.org/10.1177/1461444817712086

Vosoughi S., Roy D., Aral S. (2018) The Spread of True and False News Online. *Science* 359: 1146–1151. DOI: 10.1126/science.aap9559

Zujkina K. L. (2017) *Osobennosti politicheskoj kommunikacii v blogosfere Rossii i USA: dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.10 / FGBOU VO MGU* [Political Communication in the Blogosphere of Russia and the USA: PhD philol. sci. diss.: 10.01.10 / FGBOU VO MGU]. P. 162. (In Russian)

Поступила в редакцию
25.12.2018

Хамизова Карина Хусеновна, корреспондент отдела «ТЭК и Химия» редакции экономической информации МИА «Россия Сегодня», Москва, Россия; e-mail: karina.khamizova@gmail.com

ОСВЕЩЕНИЕ ТЭК В ГАЗЕТЕ И ИНФОРМАЦИОННОМ АГЕНТСТВЕ: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

В настоящей статье анализируются особенности освещения топливно-энергетического комплекса России в информационных агентствах «Интерфакс», РИА Новости, ТАСС, а также в газетах «Ведомости», «Коммерсантъ» и РБК. Исследование направлено на выявление отличий в освещении деятельности ТЭК в информагентствах и газетах с точки зрения источников информации, тематических доминант и редакционной оценки материалов. Автор заключает, что СМИ уделяют наибольшее внимание нефтегазовому сектору и журналисты пишут наиболее «глубокие» материалы по этой теме. В информационных агентствах проблемы ТЭК освещаются поверхностно, основываясь только на фактических данных, без анализа, с небольшой долей эксклюзивной информации.

Ключевые слова: *статья, новость, ТЭК, редакционный материал, источники, тематическая доминанта.*

Karina Kh. Khamizova, Correspondent of the Energy and Chemistry Department at the Economic Information Newsroom of MIA Rossiya Segodnya, Moscow, Russia; e-mail: karina.khamizova@gmail.com

COVERAGE OF FEC IN NEWSPAPERS AND NEWS AGENCIES: SIMILARITIES AND DIFFERENCES

Every theme covered in mass media calls for the use of its own journalistic approaches and methods. This paper analyzes the coverage of the Russian fuel and energy complex by the Interfax, RIA Novosti and TASS news agencies as well as by the Vedomosti, Kommersant and RBC business newspapers. The aim of the study is to reveal the characteristics of FEC-related texts in the news agencies and newspapers in terms of information sources, thematic dominants and editorial assessment of the materials. The author concludes that in covering the themes of the Russian fuel and energy complex newspapers pay special attention to the oil and gas sector and journalists specializing in this field write the most profound texts. In news agencies, however, the FEC-related themes are covered in a superficial manner; the texts draw only on factual data, they lack analysis though have a small proportion of exclusive information.

Key words: *article, piece of news, FEC, editorial copy, sources, thematic dominant.*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2019.2340

Введение

Деловая пресса освещает все сферы экономики, финансов и бизнеса, при этом одной из наиболее популярных отраслей является топливно-энергетический комплекс (ТЭК), который включает такие тематические направления, как нефть, газ, электроэнергетика и нефтехимия. Вполне логично, что журналисты уделяют пристальное внимание этой отрасли, поскольку ТЭК обеспечивает существенную часть дохода бюджета Российской Федерации и именно он является базисом национальной экономики.

При этом влияние публикаций в СМИ на бизнес-процессы растет. Так, сообщения СМИ о больших убытках энергетической компании могут существенно снизить котировки акций на бирже, информация из доклада Управления по энергетической информации *(EIA)* о запасах нефти США может подтолкнуть цены на нефть к резкому росту или падению, что автоматически сказывается на финансовых показателях нефтетрейдеров.

Темой деловой журналистики занимались многие авторитетные ученые. Известный исследователь Д. А. Мурзин в работе «Деловая пресса» (2001) отмечал, что деловая пресса – это в целом «специальный взгляд на информацию». В. Л. Иваницкий (2007) описал проблемы становления экономической темы в деловых изданиях. Интересная статья К. Мамиконяна «Основные типологические характеристики российской деловой журналистики» (2012) была опубликована в журнале «МедиаАльманах».

Ряд работ посвятил деловой прессе А. В. Вырковский. Так, исследователь описал экономический, организационный, творческий аспекты деловых СМИ в России и за рубежом в период кризиса (2010), а также изучил развитие деловой прессы в постсоветской России (2007).

Некоторые исследователи рассматривали непосредственно топливно-энергетический комплекс как объект внимания журналистов. Так, авторы работы «Деловая журналистика» под редакцией А. В. Вырковского (2012) описали специфику работы корреспондента при освещении ТЭК. Исследователи выделили пять основных информационных поводов для написания материалов о нефтегазовой отрасли: конъюнктура мировых сырьевых рынков, изменения в порядке налогового и таможенного регулирования отрасли, распределение новых сырьевых запасов, ценовая ситуация на внутреннем рынке нефтепродуктов, чрезвычайные ситуации техногенного характера.

М. А. Разумова в диссертационной работе «Тематические приоритеты и база источников информации деловых СМИ» (2016) доказала, что тематические доминанты деловых газет напрямую не связаны с изменениями в экономической системе страны. Также она пришла к выводу, что основными для деловых СМИ являются источники информации в самой компании.

Особенности отражения в российской медиасистеме работы топливно-энергетического комплекса подробно не изучены, хотя представляют большой интерес.

Для начала определимся с предметом исследования: топливно-энергетический комплекс (ТЭК) включает группу отраслей, которые занимаются добычей, переработкой и доставкой потребителю энергоресурсов. ТЭК в целом можно разделить на две большие группы: топливную промышленность (добыча и переработка нефти, газа, угля) и электроэнергетику (генерация электроэнергии на ТЭС, ГЭС, ГРЭС, АЭС, передача электроэнергии по линиям электропередачи и ее сбыт). При этом в состав ТЭК входят не только сама добыча и переработка энергоресурсов, но и ее распределение.

Наше исследование охватывает материалы, посвященные всем элементам ТЭК.

Методология исследования

Данная статья является лишь первым этапом в эмпирическом изучении того, как современные СМИ освещают базовую для национальной экономики отрасль: какие темы предпочитают корреспонденты, какие источники используют, какие темы редакция предпочитает ставить в печатные версии газет и на открытые ленты информагентств.

Объект исследования в данном случае — публикации по теме ТЭК в деловых газетах «Коммерсантъ», «Ведомости», РБК, а также в «большой тройке» информагентств: ТАСС, РИА Новости («Россия Сегодня»), Интерфакс. Предметом исследования является специфика тематических доминант, источников информации и подачи публикаций по теме ТЭК.

Целью работы стало выявление различий в освещения тем ТЭК в деловых газетах и информационных агентствах.

Гипотезой нашего исследования стало предположение о том, что современные деловые СМИ при освещении ТЭК основное

внимание уделяют нефтегазовой отрасли, при этом при выборе формата и способа подачи материала на первый план выходит эксклюзивность информации.

В качестве базового исследовательского подхода был выбран количественный контент-анализ. Мы, прежде всего, отмечали, какие темы доминируют в публикациях в разделе ТЭК, какие источники информации используются, какие материалы чаще редакция ставит на открытые ленты информагентств и печатные версии газет.

В нашем исследовании мы проанализировали по 8 номеров «Ведомостей», «Коммерсанта» и РБК – итого 24 номера (с 1 января 2015 г. по 31 декабря 2016 г.). Восемь номеров были отобраны по принципу случайной выборки, в которую попадал номер, вышедший 15 числа во втором месяце квартала (т. е. I кв. – 15 февраля, II кв. – 15 мая, III кв. – 15 августа, IV кв. – 15 ноября). Таким образом, мы получили 24 номера, каждый из которых представляет картину происходящего в определенный момент времени. В каждом номере мы вручную отбирали материалы, посвященные ТЭК. Так, в нашу выборку попало 27 статей и 92 новости из «Ведомостей», 18 статей и 66 новостей из «Коммерсанта», 12 статей и 53 новости из РБК.

При выборке материалов информационных агентств мы прибегали к механическому отбору новостей: в выбранные дни мы отбирали из общих закрытых лент новости, посвященные ТЭК. Так, в нашу выборку попали 534 новости агентства ТАСС, 576 новостей агентства «РИА Новости» и 482 новости «Интерфакса». Итого – 1592 новости и 57 статей.

Все материалы, опубликованные в выбранных номерах, распределялись по тематикам внутри большого тематического блока ТЭК. При этом мы использовали корректирующий коэффициент для учета материалов, в которых та или иная тема упоминается *вскользь*, притом что сам текст может быть сфокусирован на другой отрасли. Так, каждый материал, в котором тот или иной аспект деятельности ТЭК затрагивался частично, учитывался при итоговых подсчетах с понижающим коэффициентом 0,5.

Кроме того, в ходе исследования выявлялись источники информации, на которых построен текст: пресс-релиз, официальный документ, материалы для инвесторов, статистика/данные торгов, спикер на мероприятии, аналитики, другое СМИ.

Отдельным направлением было изучение того, насколько высоко редакция оценивает качество и значимость материала. Базовым инструментом в данном случае был подсчет текстов, публику-

емых либо в печатной версии (для газет), либо в открытой ленте новостей (для информагентств).

Результаты исследования

Первой задачей нашего исследования было определение тематических доминант в теме ТЭК в выбранных нами изданиях. При анализе контента газет мы по отдельности рассматривали новости и статьи, поскольку значимость этих материалов для газет разная: более существенными оказываются аналитические статьи, написанные профильными корреспондентами, что и является целевым продуктом газет. Новостями в деловых изданиях занимается отдельное подразделение, которое отслеживает и отражает общий информационный фон.

В 2015–2016 гг. лидирующие позиции в публикациях газеты «Ведомости» занимает тема *нефть*: 67% от общего количества статей и 74% от общего числа новостей. Затем по количеству новостей идет тема *газ* – с долей 16%, а по количеству статей на втором месте стоит *электроэнергетика* – с долей 22%.

Большая доля *нефти* в общем количестве новостей обусловлена высокой ее волатильностью на биржевых торгах. Поскольку цена на нефть является определяющим фактором для развития базовых российских компаний, налоги которых формируют большую часть дохода федерального бюджета, любые изменения стоимости нефти моментально освещаются СМИ. Большая часть подобных публикаций остается в формате новостей. Объемные аналитические статьи пишутся только в исключительных случаях, когда принимаются глобальные решения на уровне ОПЕК и независимых производителей нефти, что напрямую влияет на рынок.

При освещении газовой тематики «Ведомости» редко публикуют аналитические статьи. В нашей выборке всего две статьи были связаны с деятельностью «Газпрома». Количество новостей по теме *газ* у «Ведомостей» занимает 16% от общего числа новостных материалов, посвященных ТЭК.

Что касается электроэнергетики, то в «Ведомостях» на эту тему приходится 22% аналитических статей и 8% от общего количества новостей топливно-энергетического комплекса. Аналитические статьи по энергетике часто касаются сугубо отраслевых тем – освещение ценовых зон или оптового рынка электроэнергии и мощности.

Таблица 1

Доля статей определенной тематики от общего количества статей по теме ТЭК в газетах (%)

Тема	Ведомости	Коммерсант	РБК	Итого
Нефть	67	28	67	54
Газ	4	44	17	19
Электроэнергетика	22	22	(0)	18
Атомная энергетика	4	(0)	(0)	2
Прочее (нефтехимия, уголь)	4	6	17	7
Итого	100	100	100	100

Таблица 2

Доля новостей определенной тематики от общего количества новостей по теме ТЭК в газетах (%)

Тема	Ведомости	Коммерсант	РБК	Среднее значение
Нефть	73	50	57	62
Газ	16	42	26	27
Электроэнергетика	8	22	8	6
Атомная энергетика	(0)	5	4	2
Прочее (нефтехимия, уголь)	2	3	6	3
Итого	100	100	100	100

В газете «Коммерсантъ» долевая структура материалов по теме ТЭК очень близка к ситуации в «Ведомостях». Нефтегазовое направление существенно превалирует над энергетикой, в том числе и ядерной (72% материалов). Просматривается интересная тенденция: доля статей про нефть ниже доли статей про газ (28% и 44% соответственно), при этом в новостях картина меняется с точностью до наоборот: 50% новостей по теме *нефть* против 42% новостей по газовой тематике.

В номерах, попавших в выборку, отсутствовали аналитические статьи посвященные нефтехимии и углю, однако традиционная электроэнергетика заняла 22%.

В газете РБК не оказалось статей про электроэнергетику и атомную энергетику. Большая часть статей посвящена нефти. Это отчасти объясняется тем, что в газету попадает небольшая доля материалов, поскольку РБК ориентирован на аудиторию в Интернете и формат издания позволяет публиковать материалы сразу, по мере их готовности. В этом выражается существенное отличие РБК от двух газет («Ведомости» и «Коммерсантъ»), которые публикуют материалы на сайтах в ночь, а утром выпускают печатный вариант.

Особенностью лент по теме ТЭК в информационных агентствах является освещение деятельности зарубежных компаний, в частности эта особенность относится к нефтегазовому сектору. Агентства анализируют отчетность крупнейших компаний: *Shell, Enel, ExxonMobil, Total*. Такая характеристика нефтегазового направления объясняется влиянием мирового рынка, а также реализацией многих инвестпроектов с участием иностранных компаний.

Тематический разброс информационных поводов по теме ТЭК более нагляден при анализе лент информационных агентств, поскольку они ориентированы на охват всего информационного поля, а не только на поиск эксклюзивной информации. Вместе с тем здесь превалирует контент о нефтяной отрасли: в среднем этот показатель составляет 49%. Причем показатели у всех трех агентств практически на одном уровне: разница не превышает 2%. На лентах информационных агентств на долю электроэнергетики приходится в среднем 17% от количества новостей по темам ТЭК.

Таблица 3

Доля новостей определенной тематики от общего количества новостей по теме ТЭК у информационных агентств (%)

Тема	ТАСС	РИА Новости	Интерфакс	Среднее значение
Нефть	50	48	49	49
Газ	27	21	23	24
Электроэнергетика	14	18	20	17
Атомная энергетика	7	8	6	7
Прочее (нефтехимия, уголь)	2	4	3	3
Итого	100	100	100	100

Итак, и у информационных агентств, и у газет превалирует нефтяная тематика. У газет на долю *нефтяной* информации в новостях приходилось 62% материалов, в статьях – 54%. Средний показатель по информагентствам составляет 49% материалов.

Деятельность газовой промышленности занимает второе место по количеству новостей, при этом средние показатели у информационных агентств и на новостных лентах газет примерно одинаковы – 24% и 27% соответственно. Однако доля материалов по газовой тематике именно в статьях меньше и составляет 19% – более чем в два раза меньше материалов по нефтяной теме. Возможно, это связано с трудностью получения эксклюзивной информации по газовой тематике (что часто является определяющим фактором при написании статей в газетах). Кроме того, на газовом рынке всего два крупных игрока – «Газпром» и «Новатэк», в то время как в нефтяной промышленности этот список можно расширить до шести.

При сравнении количества публикаций по теме электроэнергетики в газетах и информационных агентствах выяснилась интересная подробность: в аналитических статьях газет эта тема занимает в среднем 18%, что сравнимо с количеством статей по газу (19%). Но при этом лишь 6% новостных сообщений в газетах посвящены электроэнергетике.

Деятельности атомной энергетики информационные агентства посвящают небольшую долю сообщений (7%), а газеты о ней практически не пишут. В нашей выборке обнаружилась лишь одна статья, посвященная атомной энергетике.

По итогам проведенного анализа мы можем сделать вывод, что и у информагентств, и у газет существенно превалирует нефтяная тематика, газовая ей уступает почти вдвое. Но если отойти от усредненного показателя, мы увидим, что у «Ведомостей» доля статей про нефть составляет 67%, в то время как у «Коммерсанта» этот показатель составляет 28%.

При освещении электроэнергетики показатели газет и информагентств сопоставимы, но вместе с тем есть и существенное отличие. Выбранные нами издания пишут небольшое количество (6%) новостных сообщений по электроэнергетике, предпочитая формат статей (18%), информационные же агентства из-за особенностей своего формата публикуют в основном новости.

Источники информации по теме ТЭК

В нашем исследовании мы разделили источники информации на две большие группы. В группу *неэксклюзивных источников* мы включили: пресс-релизы (сообщения и официальные анонсы компаний), официальные документы ведомств (распоряжения правительства, приказы министерств, Росимущества), материалы для инвесторов (информацию на сайтах обязательного раскрытия информации для публичных компаний, отчеты), статистику/данные торгов (биржевые данные, данные ЦДУ ТЭК, ГИС ТЭК), заявления спикеров (заявления спикеров на мероприятиях, брифингах, официальных пресс-подходах), аналитику (материалы рейтинговых агентств, исследования экспертов), а также другие СМИ.

В группе *эксклюзивных источников* лишь три категории: спикер (официальное заявление одному СМИ), материалы (официальные документы, которые недоступны другим СМИ), анонимные источники (спикеры, сообщившие информацию на условиях анонимности).

Таблица 4

Источники информации по темам ТЭК в газетах (%)

Источник информации	«Ведомости»	«Коммерсант»	РБК	Средний показатель
Неэксклюзивная информация				
ВСЕГО	75	76	85	78
Пресс-релиз	15	24	9	16
Документ	-	-	6	2
Материалы для инвесторов	15	14	12	14
Статистика/ данные торгов	4	10	15	9
Спикер на мероприятии	11	14	9	11
Аналитики	15	-	6	7
Ссылка на другое СМИ	15	14	29	19
Эксклюзивная информация				
ВСЕГО	25	25	15	22
Спикер	11	4	5,9	6,97

Окончание таблицы 4

Документ	10	9	5,9	8
Анонимный спикер	4	12	3	6
ИТОГО	100	100	100	

При анализе источников информации газетных материалов, посвященных темам ТЭК, выяснилось, что газета «Ведомости» в качестве базы для статьи обычно берет исследования или опрос аналитиков. Доля этих источников информации в газете достигла 15%, в то время как в других изданиях этот показатель составил 2–6%. В частности, материалы на основе исследований аналитиков часто касались конъюнктуры мировых рынков нефти, а также рынка Европы по СПГ.

Другой особенностью эксклюзивных материалов «Ведомостей» стали статьи на основе официальных документов, которые доступны только этой газете. Доля таких источников составила 11%, в то время как у «Коммерсанта» этот показатель составил 5%, а у РБК – 6%.

Наш анализ показал, что газета «Коммерсантъ» на рынке деловых изданий является лидером по получению информации от неназванных источников. Доля таких материалов у «Коммерсанта» составляет 19% от общего количества, в то время как у «Ведомостей» этот показатель составляет всего 4%, у РБК – 9%, а у информационных агентств – 2%.

Таблица 5

Источники информации по темам ТЭК в информагентствах

	ТАСС	**РИА Новости**	**Интерфакс**	**Средний показатель**
Неэксклюзивная информация				
ВСЕГО	94	93	87	91
Пресс-релиз	32	27	25	28
Документ	8	13	9	10
Материалы для инвесторов	15	14	13	14
Статистика/ данные торгов	9	9	8	9

Окончание таблицы 5

Спикер на мероприятии	26	20	26	24
Аналитики	2	6	4	4
Ссылка на другое СМИ	3	4	2	3
Эксклюзивная информация				
ВСЕГО	6	7	13	9
Названный спикер/ представитель	2	4	5	4
Документ	2	1	3	8
Анонимный спикер	2	2	5	2
ИТОГО	100	100	100	

Что касается информационных агентств, самым *эксклюзивным* из них оказался «Интерфакс» (доля эксклюзивной информации 13%). Причем здесь мы можем говорить не только об официальных запросах, на которые агентству ответили эксклюзивно, но и о спикерах, которые на условиях анонимности сообщают важную информацию корреспондентам «Интерфакса».

У остальных информагентств работа с эксклюзивной информацией не столь активна, все сводится к запросам, личному общению со спикером на мероприятии, а новости от неназванных источников практически отсутствуют.

Безусловно, доля эксклюзивной информации в газетах, которая в среднем составляет 22%, превышает долю эксклюзивных новостей в информационных агентствах (средний показатель – 9%), поскольку у информагентств стоит другая задача – охватить полностью информационное поле, в отличие от газет, заостряющих внимание только на важном и значимом.

Что касается неэксклюзивной информации, то частота использования разных источников у газет и у информационных агентств несколько разнится. У агентств частота использования информации с пресс-релизов (28%) в два раза превышает использование материалов для инвесторов (14%). Газеты же при написании статей обращаются к материалам для инвесторов (16%) почти так же часто, как используют пресс-релизы (14%).

Стоит обратить внимание на такой важный для информагентств источник информации, как спикер (топ-менеджер компании, представитель власти), который на открытом для СМИ мероприятии может поделиться интересной информацией. У агентств доля публикаций, источником информации для которой выступает спикер на мероприятии, составляет 24%, в то время как у газет средний показатель составляет 11%. Из этого мы можем сделать вывод, что значимость информации для газет напрямую зависит от ее эксклюзивности. В то время как информагентства пишут новости с публичного мероприятия, журналист из газеты может сосредоточиться на поиске эксклюзивной информации, на общении в кулуарах с потенциально новыми источниками.

Здесь следует привести данные, касающиеся ссылок на другие СМИ. У информагентств средний показатель составляет – 3%, а у газет – 19%. Причины такой существенной разницы мы видим в принятых внутриредакционных стандартах. Информагентствам запрещено ссылаться на конкурирующие агентства, но газетам в крайних случаях разрешается давать ссылки. Если у конкурентов вышла важная новость на основе информации, которой не владеет журналист агентства, он обязан подтвердить и развить тему через свои источники. Газеты же вполне могут ссылаться на информагентства, дав двойную ссылку.

Материалы по темам ТЭК в открытых лентах ИА и печатных версиях газет

Перед тем как журналистский материал увидит аудитория, его оценивает редактор. В зависимости от важности, ценности, эксклюзивности информации редактор принимает решение о публикации и о том, в каком виде это лучше сделать. Материал может попасть в печатную версию газеты или на открытую ленту (т. е. на сайт) информационных агентств.

У информагентств *большой тройки* есть закрытые ленты, где публикуются абсолютно все новости, при этом на открытую ленту из этого потока попадает в среднем 12% материалов по теме ТЭК. Меньше всего публикаций попадает в открытую ленту «Интерфакса» – 9%. У РИА Новости показатель составляет 13%, у ТАСС – 14%.

Таблица 6

Доля новостей информагентств по теме ТЭК, попавшая на сайт, от общего количества новостей на закрытых лентах (%)

Тема	ТАСС	РИА Новости	Интерфакс	Среднее значение
Нефть	7	7	5	7
Газ	6	5	3	5
Электроэнергетика	1 <	1 <	1 <	1 <
Атомная энергетика	1 <	1 <	1 <	1 <
Прочее (нефтехимия, уголь)	1 <	1 <	1 <	1 <
Общая доля*	14	13	9	12

** Общее количество новостей по ТЭК, попавшее на сайт, а также их доля в процентном выражении по отношению к общему количеству новостей по ТЭК на закрытой ленте.*

На открытые ленты попадают по большей части материалы по нефтяной промышленности – особенно часто тексты посвящены ценам на нефть марки *Brent*. На открытой ленте одного и того же агентства читатель за день может увидеть 2–3 новости типа «Цена на нефть *Brent* упала ниже $52 за баррель», и через два часа: «Цена на нефть *Brent* поднялась выше $52 за баррель». Здесь мы говорим о количественном доминировании темы, поскольку наше исследование не предполагало анализа значимости событий, которые освещаются в этих новостях. Повышенное внимание к нефтяной отрасли обусловлено ее важностью для российской экономики. Россия, будучи одной из крупнейших нефтедобывающих стран мира, вовлечена в мировой рынок нефти и существенно зависит от мировых цен. Это приводит к тому, что любые изменения на рынке оказывают воздействие на российский внутренний рынок и – впоследствии – на федеральный бюджет.

Лидером среди информагентств по количеству *газовых* новостей в открытой ленте является ТАСС, при этом здесь высока доля материалов, посвященных зарубежным проектам «Газпрома» и взаимодействию с ЕК. Если сравнить газовую отрасль с нефтяной, то при экспортных поставках газа заключаются долгосрочные контракты с фиксированными стоимостными параметрами, что исключает фактор волатильности цен. А это, в свою очередь, влияет на внимание со стороны прессы.

«Интерфакс» отличается от РИА Новости и ТАСС: агентство чаще ставит в открытую ленту новости, которые касаются напрямую российского рынка и российских потребителей (например, про загрязнение воздуха Московским НПЗ и т. д.).

Несмотря на то что доля новостей по *атомной* теме в закрытых лентах ТЭК является самой маленькой, новости про «Росатом» почти всегда попадают в открытые ленты. Так, из 3 новостей за день про «Росатом» в открытую ленту попадают 2. Однако средний показатель по попаданию на сайт этой темы составляет менее 1%, поскольку доля новостей про атомную энергетику в общем потоке публикаций по теме ТЭК очень мала.

Электроэнергетика по частоте попадания на открытые ленты стоит не на первых местах. Новости, посвященной этой отрасли, можно увидеть на сайтах информационных агентств, если произошли существенные изменения в топ-менеджменте компаний или если произошла какая-либо авария. Следует также учесть высокую зарегулированность рынка. Электроэнергетика не подвержена внешнему влиянию, энергосистема работает практически самостоятельно, экспортные и импортные поставки незначительны. Цены для населения строго контролируются и индексируются в пределах инфляции, что минимизирует количество резонансных новостей, которые были бы интересны массовому читателю.

Таблица 7

Доля статей по темам ТЭК, попавших в печатную версию газет (%)

Тема	«Ведомости»	«Коммерсант»	РБК	Средняя доля
Нефть	19	22	17	19
Газ	11	11	8	10
Электроэнергетика	7	17	-	8
Атомная энергетика	-	-	-	-
Прочее (нефтехимия, уголь)	4	6	8	6
Общая доля ТЭК в печатной версии газеты по отношению к количеству материалов на сайте	41	56	33	43

Для газеты «Ведомости» при отборе материалов в печатную версию издания основным критерием является значимость статьи для экономики в целом. Так, из четырех материалов, опубликованных в ночь, в печатную версию может попасть, например, один.

В газете «Коммерсантъ», в отличие от «Ведомостей», в одном номере могут быть размещены 2-3 материала по теме ТЭК. И в данном случае доли материалов, основанных на эксклюзивной и общедоступной информации, примерно равны.

Сравнительный анализ показал, что газеты чаще ставят в печатную версию статьи по теме ТЭК, чем информационные агентства выставляют в открытом доступе на сайте. Так, в нашей выборке 43% материалов от общего количества статей попадают в печатную версию газеты, в то время как лишь 12% новостей информагентств попадают с закрытой ленты в открытую, т. е. на сайт. По большей части это касается публикаций по темам нефтяной и газовой промышленности. При освещении электроэнергетики мы видим расхождения в подходах: газеты чаще ставят в печатную версию статьи, посвященные электроэнергетике (8%), что сопоставимо с долей материалов, посвященных газовой промышленности (10%), в то время как у агентств из закрытых лент на сайт попадают менее 1% *электроэнергетических* новостей.

Выводы

Тематически газеты и информагентства схожи в предпочтениях: превалирующая доля материалов приходится на нефтегазовую отрасль, а точнее на нефтяную. Минимальное количество материалов посвящено нефтехимической промышленности и ядерной энергетике. При освещении электроэнергетики газеты и информагентства различаются: агентства чаще пишут про эту отрасль, чем деловые издания.

Столь пристальное внимание к нефтяной отрасли обусловлено несколькими факторами. Во-первых, нефтяная отрасль приносит бюджету РФ наибольший доход. При этом она сильно вовлечена в мировой рынок нефти и существенно зависит от мировых цен. В связи с этим любые изменения на рынке оказывают сильное воздействие на российский внутренний рынок и, как следствие, на федеральный бюджет. В частности, котировки цены на нефть на международной бирже влияют на российские нефтекомпании и рынок. В газовой же отрасли при экспортных поставках заключа-

ются долгосрочные контракты и цены не варьируются, что исключает фактор непредсказуемости для рынка. А это, в свою очередь, влияет на внимание со стороны прессы. Что касается другой отрасли ТЭК – электроэнергетики, тут следует учесть, что рынок совсем не подвержен внешнему влиянию, энергосистема работает автономно, экспортные и импортные поставки незначительны.

Кроме того, нефтяных российских компаний существенно больше, чем газовых или нефтехимических. В частности, из 12 крупнейших компаний, которые журналисты пристально отслеживают, 2 являются газовыми, 1 – нефтехимической, 1 – нефтетранспортной, а остальные 8 – крупными нефтяными компаниями. Соответственно, они генерируют заметно больший поток информации.

Международной бизнес-среде также интересны именно нефтяные компании, поскольку, во-первых, они большой объем продукции поставляют на экспорт, во-вторых, у них много зарубежных проектов (разработка крупных месторождений, строительство нефтепроводов и т. д.). А например, электроэнергетические компании, про которые журналисты пишут существенно меньше, в основном работают на внутреннем рынке, производят товар, который поставляют и потребляют в России.

У газет, в отличие от информационных агентств, намного больше эксклюзивной информации, полученной от неназванных источников. Также газеты чаще получают доступ к готовящимся, обсуждаемым, закрытым документам, которые сформированы в различных ведомствах. Информационные агентства же обычно пользуются официальной информацией, исходящей от самих компаний: пресс-релизы, обязательное раскрытие информации, названный спикер – представитель компании.

Газеты чаще ссылаются на информацию в других СМИ, в частности на те же информагентства. Сами агентства никогда не ссылаются друг на друга, в редких случаях – на газеты, если речь идет об эксклюзивной информации, которую нельзя подтвердить или опровергнуть.

Материалы, посвященные нефтяной отрасли, чаще попадают в открытые ленты информагентств и печатные версии газет, про эту отрасль в целом чаще пишут и агентства, и газеты. Аналогичная ситуация с публикациями, посвященными газовой промышленности. У обоих типов СМИ *газовые* материалы стоит на втором месте по частоте попадания на сайты агентств и в печатные версии газет.

Библиография

Блинова М. В. Рынок деловых СМИ как фактор модернизации современной России // Медиаскоп. 2009. № 4. Режим доступа: http://www.mediascope.ru/node/480 (дата обращения: 16.06.2019).

Вырковский А. В. Деловые СМИ в России и за рубежом в период кризиса: экономический, организационный, творческий аспекты // Медиаскоп. 2010 № 4. Режим доступа: http://www.mediascope.ru/node/692#1 (дата обращения: 16.06.2019).

Вырковский А. В. Развитие деловой прессы в постсоветской России // МедиаАльманах. 2007. № 4. С. 70–78.

Вырковский А. В. Деловые СМИ в России и за рубежом и кризис: экономический, организационный, творческий аспекты // Экономика и менеджмент СМИ. Ежегодник 2009. М., 2010.

Гуревич С. М. Деловая пресса России: настоящее и будущее. М., 1999.

Деловая журналистика: учеб. пособие для студентов вузов / под ред. *А. В. Вырковского*. М.: Медиамир, 2012. С. 14.

Иваницкий В. Л. Экономическая тема в экономических изданиях: проблемы становления // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2007. № 1. С. 16–28.

Кулев В. С. Деловая пресса России. М., 1996.

Мамиконян К. Основные типологические характеристики российской деловой журналистики // МедиаАльманах. 2012. № 5. С. 29–32.

Мельник Г. С., Виноградова С. М. Деловая журналистика: учеб. пособие. СПб: Питер, 2010.

Мордовская Е. И. Деловое издание в системе периодической печати. Типообразующие факторы, характер становления и развития: дис. ... канд. филол. наук. М., 1998.

Мурзин Д. А. Деловая пресса. М.: РИП-холдинг, 2001.

Разумова М. А. Тематические приоритеты и база источников информации деловых СМИ: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2016.

Энергетическая стратегия России до 2020г. / под ред. *А. Б. Яновского*. М., 2001.

References

Blinova M. V. (2009) Rynok delovyh SMI kak faktor modernizacii sovremennoj Rossii [The Business Press Market as a Modernization Factor in Contemporary Russia]. *Mediaskop* 4. (In Russian)

Gurevich S. M. (1999) *Delovaya pressa Rossii: nastoyashchee i budushchee* [The Business Press of Russia: the Present and the Future]. (In Russian)

Ivanickij V. L. (2007) Ekonomicheskaya tema v ehkonomicheskih izdaniyah: problemy stanovleniya [The Economic Topic in Economic Media: Challenges of Formation]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika* 1. (In Russian)

Kulev V. S. (1996) *Delovaya pressa Rossii* [The Russian Business Press]. Moscow. (In Russian)

Mel'nik G. S., Vinogradova S. M. (2010) *Delovaya zhurnalistika* [Business Journalism]. Saint-Petersburg. (In Russian)

Mordovskaya E. I. (1998) *Delovoe izdanie v sisteme periodicheskoj pechati. Tipoobrazuyushchie faktory, harakter stanovleniya i razvitiya* [Business Media as Part of the Periodical Press: Type-Forming Factors, Pattern of Formation and Development]. Moscow. (In Russian)

Murzin D. A. (2001) *Delovaya pressa* [The Business Press]. Moscow. (In Russian)

Razumova M. A. (2016) *Tematicheskie prioritety i baza istochnikov informacii delovyh SMI: dis. ... kand. philol. nauk* [Thematic Priorities and Business Media Sources: PhD philol. sci. diss.] Moscow. (In Russian)

Vyrkovskij A. V. (2012) *Delovaya zhurnalistika* [Business Journalism]. Moscow. (In Russian)

Vyrkovskij A. V. (2010) Delovye SMI v Rossii i za rubezhom v period krizisa: ehkonomicheskij, organizacionnyj, tvorcheskij aspekty [Business Media in Russia and Abroad During Crisis Period: Economic, Organizing and Creative Aspects]. *Mediaskop* 4. (In Russian)

Vyrkovskij A. V. (2007) Razvitie delovoj pressy v postsovetskoj Rossii [Development of the Business Press in Post-Soviet Russia]. *Mediaalmanakh* 4 (In Russian)

Yanovsky A. B. (2001) *Energeticheskaya strategiya Rossii do 2020 g.* [Russian Energy Strategy up to 2020]. Moscow. (In Russian)

Поступила в редакцию
07.11.2018

НОВЫЕ МЕДИА

Гладкова Анна Александровна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник кафедры теории и экономики СМИ, факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; e-mail: gladkova_a@list.ru

Гарифуллин Васил Загитович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой национальных и глобальных медиа, Высшая школа журналистики и медиакоммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия; e-mail: vasilgarifullin@mail.ru

Рагнедда Массимо, старший преподаватель, факультет социальных наук, Нортумбрийский университет, Ньюкасл-апон-Тайн, Великобритания; e-mail: massimo.ragnedda@northumbria.ac.uk

МОДЕЛЬ ТРЕХ УРОВНЕЙ ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА: СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)[1]

В статье авторы обращаются к теории трех уровней цифрового неравенства, получившей широкое распространение за рубежом с начала 2000-х гг., но остающейся при этом сравнительно малоисследованным теоретическим подходом в России. Авторы апробируют трехуровневую модель комплексного анализа цифрового разрыва на примере отдельного региона РФ – Республики Татарстан – и исследуют три основных: доступ к Интернету и ИКТ (первый уровень), уровень цифровой грамотности пользователей (второй уровень), уровень социальных преимуществ, которые пользователи получают при грамотном и полноценном использовании цифровых технологий в профессиональной и частной жизни (третий уровень). Исследование показало, что имеющихся в открытом доступе данных недостаточно для того, чтобы делать полноценные выводы о неравенстве трех уровней в республике, что, в свою очередь, акцентирует необходимость в эмпирическом исследовании на базе региона со сбором и интерпретацией первичных данных.

Ключевые слова: *цифровое неравенство, три уровня цифрового неравенства, Татарстан, Россия.*

Anna A. Gladkova, PhD, Senior Researcher, Chair of Media Theory and Economics, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: gladkova_a@list.ru

Vasil Z. Garifullin, Doctor of Science, Professor, Head of the Chair of National and Global Media, Higher School of Journalism and Media Communications, Kazan (Volga) Federal University, Kazan, Russia; e-mail: vasilgarifullin@mail.ru

Massimo Ragnedda, PhD, Senior Lecturer, Department of Social Sciences, Northumbria University, Newcastle-upon-Tyne, Great Britain; e-mail: massimo.ragnedda@northumbria.ac.uk

MODEL OF THREE LEVELS OF THE DIGITAL DIVIDE: CURRENT ADVANTAGES AND LIMITATIONS (AS EXEMPLIFIED BY THE REPUBLIC OF TATARSTAN)

This paper presents the theory of three levels of the digital divide, which has been widely used abroad since the 2000s for the study of digital inequalities but has not been thoroughly examined by Russian scholars so far. In a case study of the Republic of Tatarstan, the authors use the three-level approach to explore inequalities in access to the Internet and ICTs (the first level of the digital divide), digital skills and digital literacy of users (the second level), and the social benefits users can get by competently using digital technologies in their professional and private life (the third level). The research showed that the open access data the authors examined are not enough for a full understanding of the three-level digital divide in the republic, which in its turn emphasizes the need for an empirical research based on interpreting the primary data collected in the region.

Key words: *digital divide, three levels of the digital divide, Tatarstan, Russia.*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2019.4172

Введение и обзор литературы

Проблема цифрового неравенства (цифрового разрыва, цифрового раскола; англ. *digital divide, digital inequality, digital gap*) находится в фокусе внимания исследователей уже свыше 20 лет и не теряет своей актуальности. Вместе с тем, как показал краткий анализ работ, проведенный нами для постановки настоящего исследования в более широкий теоретический контекст (van Dijk, 2005, 2013; Attewell, 2001; Castells, 2001, 2009; Norris, 2001; Hargittai, 2002; Вартанова, 2018; Смирнова, 2017а, 2017б; Acharya, 2017; Dahlberg, 2015; Sparks, 2013; Rainie, 2016; Nieminen, 2016; Ragnedda, 2017, 2018; van Deursen, van Dijk, 2018; Vartanova, 2002, 2013; Vartanova and Gladkova, 2019 и др.), за два десятилетия подходы к

пониманию цифрового разрыва претерпели видимые изменения, о которых стоит упомянуть.

Так, традиционный подход к анализу *Глобального цифрового раскола* (*Global digital divide*), берущий свое начало в 2000-х (Norris, 2001; Attewell, 2001 и др.), основывался на идее разрыва между информационно богатыми и бедными странами (*information-rich and poor nations*), включенными в процесс технологического развития или исключенными из него в силу неравномерного доступа к информационно-коммуникационным технологиям и неоднородного развития медиакоммуникационной инфраструктуры (Вартанова, 2018). Цифровое неравенство на данном этапе воспринималось как проблема преимущественно географического характера, и идея раскола фокусировалась в основном вокруг неравномерного доступа к Интернету и цифровым технологиям в разных странах и регионах мира: цифровое неравенство между странами Глобального Севера и Глобального Юга (Servaes and Carpentier, 2006), между развитыми и развивающимися странами (Norris, 2001; Ragnedda and Muschert, 2013), между отдельными регионами мира с учетом факторов социокультурного, экономического, геополитического характера (Смирнова, 2017а, 2017б; Deviatko, 2013; Fuchs and Horak, 2015; Ragnedda and Kreitem, 2018 и др.). Проведенные в рамках данного подхода исследования показали, что разный уровень экономического развития стран и регионов мира, особенности геополитического, социокультурного характера, специфика государственного регулирования и медиаполитики, особенности языкового и этнического состава населения и другие факторы могут иметь влияние как на уровень доступа граждан к ИКТ, так и – впоследствии – на особенности использования ИКТ в этих странах (Ragnedda and Muschert, 2013; Nieminen, 2016; Rainie, 2016; Vartanova, and Gladkova, 2019 и др.).

Вместе с тем уже в начале 2000-х в научном сообществе стало звучать мнение о том, что цифровое неравенство не ограничивается только неравенством в доступе к Интернету и ИКТ. В классическом труде П. Норрис «Цифровое неравенство: гражданское участие, информационная бедность и Интернет» уже в 2001 г. поднимался вопрос о том, «будет ли Интернет усиливать или сокращать разрыв между информационно богатыми и бедными странами и будет ли он увеличивать или уменьшать расколы социального характера в этих странах?» (Norris, 2001: 6). С течением

времени интерес к проблеме цифрового неравенства как к проблеме не только технологического, но и социального характера усилился, акцент в исследованиях сместился на многомерный характер цифрового неравенства, имеющего сложную природу и оказывающего непосредственное влияние на развитие общества. Концепция цифрового неравенства стала предметом междисциплинарного изучения, включающего такие области знания, как социология, политология, экономика, антропология и медиаисследования (Вартанова, 2018; Compaine, 2001). Проведенные в рамках данного подхода исследования выявили корреляции между возрастным (Israelashvili, Kim and Bukobz, 2012; Жеребин, Махрова, 2015), гендерным (Смирнова, 2009; Davaki, 2018) факторами, уровнем образования (Alam, Abdullah, and Ahsan, 2009; Avila, 2009), доходов (Barrantes and Galperin, 2008), личной мотивации пользователей (van Dijk, 2013), с одной стороны, и уровнем доступа к цифровым технологиям, а также спецификой их использования для профессиональных и личных целей – с другой (Compaine, 2001; Nieminen, 2016; Park, 2017; Wessels, 2013). Подобные исследования позволили постепенно отойти от понимания цифрового разрыва как бинарной (и во многом географически детерминированной) проблемы наличия/отсутствия доступа к Интернету и цифровым технологиям и сфокусироваться на ее социальной составляющей.

На современном этапе большинство исследователей сходится во мнении, что говорить о цифровом неравенстве как о неравенстве только технологического характера не вполне корректно. Продолжая идеи, высказанные в труде Э. Харгиттай «Второй уровень цифрового неравенства: различия в интернет-навыках пользователей» (Hargittai, 2002) и в работах других ученых, исследователи все чаще отмечают: даже при схожем уровне доступа к технологиям эффективность и результативность их использования, а также «социальные преимущества, которые пользователи получают при применении технологий и интернет-доступа» (Ragnedda, 2018: 2370), могут быть разными. Под социальными преимуществами, определяемыми также некоторыми исследователями как «видимые результаты» использования технологий (van Deursen and Helsper, 2015: 33), понимаются в данном случае профессиональная успешность человека, более высокий статус в обществе, новые возможности для самореализации, активного участия в жизни общества, проявления своей гражданской позиции и т. д. (Ragnedda,

2018; van Deursen and van Dijk, 2018; van Deursen and Helsper, 2015). То, с какой эффективностью пользователи применяют технологии в своей жизни (при условии, что доступ к ним у них есть), и, соответственно, то, какие социальные преимущества они при этом получают, зависит от целого ряда факторов: мотивации пользователей, их потребности в технологиях, нередко от социодемографических характеристик (в частности, возраста, уровня образования и доходов), а также во многом от наличия или отсутствия у населения цифровых навыков/компетенций для использования Интернета и ИКТ.

Переходя от рассмотрения цифрового неравенства в широком теоретическом контексте к его репрезентации в российской научной практике, отметим два общих тренда. Во-первых, большинство работ, посвященных цифровому расколу в России (Вартанова, 2018; Волченко, 2016; Быков и Халл, 2011; Делицын, 2006; Deviatko, 2013; Rykov, Nagornyy and Koltsova, 2017; Vartanova, 2002, 2013 и др.), носят достаточно широкий теоретический характер и затрагивают вопросы современного информационного общества, цифровой экономики, корреляции между уровнем экономического развития страны и развитием ИКТ, классификаций теорий цифрового неравенства и другие. Лейтмотивом большинства работ является мысль о том, что цифровое неравенство по-прежнему является актуальной проблемой для России, несмотря на широкий спектр мер федерального и регионального характера по преодолению этого разрыва (в их числе федеральная программа по устранению цифрового неравенства, национальная программа «Цифровая экономика РФ» и другие).

Во-вторых, в трудах, посвященных цифровому неравенству в России, за основу чаще всего берется классический подход к пониманию цифрового разрыва как проблемы доступа к цифровым технологиям и Всемирной сети, сопровождаемый анализом того, какие факторы (и как именно) могут влиять на этот доступ. Так, например, И. А. Быков и Т. Э. Халл (2011) показывают в своем исследовании, как наличие доступа к Интернету коррелируется с возрастом респондентов и уровнем их образования. Е. В. Бродовская и Е. В. Шумилова (2013) отмечают взаимосвязь места проживания пользователей, их удаленности от центра и частоты выхода в Интернет. В исследовании О. В. Волченко (2016) проводится анализ корреляций между возрастом, полом, уровнем дохода и образования, типом населенного пункта респондентов и их вовлеченно-

стью в цифровую жизнь. В работе В. М. Жеребина и О. Н. Махровой (2015) показано, что количество времени, проводимое за использованием Интернета, персонального компьютера и телефона, значительно различается у разных возрастных групп. Ряд трудов рассматривают также цифровое неравенство в России в более широком региональном разрезе, анализируя и сопоставляя разные федеральные округа по критериям проникновения Интернета, скорости, стоимости доступа и другим факторам (Deviatko, 2013; Nagirnaya, 2015), при этом акцент чаще всего вновь делается на проблеме доступа или его отсутствия.

В целом, несмотря на интерес исследователей к проблеме цифрового раскола в России, недостаточно освещенными, на наш взгляд, остаются две области: анализ цифрового неравенства как комплексной проблемы технологического и социального свойства, не ограничивающейся только доступом к Интернету, цифровым технологиями и соответствующей инфраструктуре, – то, что сегодня понимается многими исследователями как современный подход к изучению цифрового неравенства; и анализ опыта конкретных регионов России в данном контексте. При этом если первый пункт в целом находит свое отражение в работах российских исследователей – Е. Л. Вартановой, отмечающей динамику подходов к изучению цифрового неравенства и современную попытку «переосмыслить цифровое неравенство и цифровое исключение как значимую социальную проблему» (Вартанова, 2018: 9); О. В. Волченко, говорящей том, что «люди, не использующие Интернет, лишены не просто доступа к абстрактной информации, но и к реальным ресурсам» (Волченко, 2016: 165), и в других публикациях. Число работ, посвященных цифровому неравенству в конкретных областях и округах РФ (см., например, Брагина, Орлова, 2017; Дронов, Махрова, 2015), на сегодняшний день невелико.

Вместе с тем исследование феномена цифрового неравенства на примере отдельно взятых регионов РФ представляется нам сегодня *актуальной* задачей по ряду причин. В первую очередь, мы полагаем, что подобное исследование позволит расширить представление о цифровом неравенстве в России в целом. Принимая во внимание площадь страны, высокую численность населения, многонациональный и мультиэтнический характер российского общества, достаточно высокий уровень автономии субъектов РФ, разный уровень экономического развития регионов России, оказывающий влияние и на уровень развития инфраструктуры в регио-

нах, можно предположить, что цифровой раскол в России является многомерным и многофакторным явлением и его проявление в различных регионах также будет неоднородным.

Во-вторых, изучение отдельно взятых регионов/национальных республик в составе РФ даст возможность в дальнейшем провести более глубокий сравнительный анализ федеральных округов и регионов РФ по уровню доступа к ИКТ, уровню цифровой грамотности пользователей и другим факторам (на сегодняшний день таких компаративных исследований регионов РФ очень мало: см. Кузнецов и Маркова, 2014; Deviatko, 2013; Nagirnaya, 2015; Rykov, Nagornyy and Koltsova, 2017; Gladkova and Ragnedda, 2019), а также, возможно, скорректировать актуальные показатели ряда индексов: индекса интернет-открытости регионов России[2], индекса цифровой грамотности[3], индекса «Цифровая Россия»[4] и других.

В-третьих, интересным представляется анализ опыта регионов России по преодолению цифрового неравенства, который может быть использован для оптимизации программ федерального и регионального уровня по сокращению цифрового разрыва в РФ в будущем. Наконец, мы надеемся, что подобное исследование внесет вклад в широкую теоретическую дискуссию о цифровом неравенстве как о проблеме технологического и – что особенно актуально сегодня – социального характера.

Теоретическая основа исследования

Основной теоретической рамкой исследования является *теория трех уровней цифрового неравенства*, согласно которой цифровой раскол может проявляться на трех основных уровнях: 1) уровне доступа к Интернету и ИКТ; 2) уровне цифровых компетенций пользователей и цифровой грамотности; 3) уровне социальных преимуществ, которые пользователи получают при грамотном и полноценном использовании цифровых технологий в профессиональной и частной жизни.

Само название теории *(three levels of the digital divide)* берет свое начало в конце 1990-х – начале 2000-х гг. в работах П. Аттевелла (Attewell, 2001), П. Норрис (Norris, 2001), П. ДиМаджио и Э. Харгиттай (DiMaggio, Hargittai, 2001, 2002), позднее разрабатывается А. фан Деурсеном и Й. фан Дейком (Van Deursen, Van Dijk, 2018), М. Рагнеддой (Ragnedda, 2017, 2018) и многими другими исследователями с использованием слова *уровень* (*level*) как устойчивого тер-

мина для описания неравномерного доступа к чему-либо (технологическим ресурсам, ИКТ, информации, знаниям, получаемым посредством Интернета и ИКТ, возможностям пользователей и т. д.).

В зависимости от исследуемого уровня меняется ряд индикаторов, используемых для анализа цифрового разрыва: так, при исследовании первого уровня цифрового неравенства за основу чаще всего берутся количественные данные по аудитории Интернета (ежедневной, еженедельной, ежемесячной – в зависимости от задач исследования), числу абонентов сети Интернет и сотовой связи, уровню проникновения Интернета, скорости и стоимости доступа и т. д. (Deviatko, 2013; Nagirnaya, 2015 и др.). При анализе цифрового неравенства второго уровня акцент смещается на цифровые навыки пользователей – данные по уровню цифровой грамотности, включающей умение быстро найти нужную информацию онлайн, эффективно использовать онлайн-ресурсы в деловых и личных целях и другие факторы (Hargittai, 2002 и др.). При исследовании третьего уровня в фокусе внимания оказываются преимущества, которые пользователи Интернета и ИКТ могут получить в ходе применения цифровых технологий; нередко в данном случае анализируются преимущества онлайн-сервисов и услуг, способных значительно упростить жизнь и сэкономить время (Ragnedda and Kreitem, 2018 и др.), хотя, конечно, спектр преимуществ гораздо шире и не ограничивается только онлайн-услугами.

Несмотря на то что теория трех уровней цифрового неравенства получила довольно подробное освещение в зарубежной научной среде как комплексный теоретический подход к изучению цифрового разрыва (Attewell, 2001; Gunkel, 2003; Hargittai, 2002; Ragnedda, 2017, 2018; Ragnedda and Kreitem, 2018; van Deursen and van Dijk, 2014, 2018; van Dijk, 2005, 2006; Warschauer, 2002, 2004 и др.), в российской научной практике она редко упоминается как самостоятельная теория (см., например, Асочаков, 2015; Волченко, 2016). Акцент в публикациях российских исследователей чаще всего делается на одном или двух уровнях цифрового разрыва (чаще всего первом и/или втором) и упоминания теории трех уровней практически не встречаются.

Задачами исследования, таким образом, являются, во-первых, введение в отечественный научный оборот теории трех уровней цифрового неравенства как комплексного подхода к изучению цифрового раскола и, во-вторых, апробация ее возможностей и ограниче-

ний на материале отдельного взятого региона (Республики Татарстан) с дальнейшей перспективой применения схожей методики при сравнительном анализе других регионов РФ. Представленное исследование носит постановочный характер и в дальнейшем будет продолжено с использованием оригинального эмпирического материала, сбор которого авторы осуществляют в настоящее время.

Добавим, что именно теория трех уровней цифрового неравенства является сегодня, на наш взгляд, наиболее оптимальной моделью комплексного изучения цифрового раскола. Ее основным преимуществом перед другими подходами становится акцент не только на проблеме доступа к Интернету/ИКТ, которая, как мы уже упоминали, находилась в фокусе исследователей на первом этапе изучения цифрового разрыва в мире (Norris, 2001; Attewell, 2001 и др.), но и на социальной природе этого явления – неравенство в навыках, возможностях, преимуществах пользователей в обществе как следствие и результат технологического раскола (Вартанова, 2018; van Dijk, 2013; Ragnedda, 2017, 2018 и др.). Данный факт позволяет использовать теорию трех уровней цифрового неравенства для всестороннего анализа цифрового разрыва и дает возможность исследовать не только особенности доступа к технологиям (первый уровень), но и практики их применения (второй уровень), а также эффекты от использования Интернета и ИКТ для пользователей (третий уровень) – процессы, которые ранее комплексно практически не рассматривались.

Для простоты восприятия и для последующего использования модели трех уровней цифрового неравенства применительно к Татарстану и другим регионам России мы разработали таблицу 1. Подчеркнем, что представленная таблица не фиксирует все возможные индикаторы трех уровней цифрового неравенства, а отражает лишь те, которые чаще всего берутся исследователями за основу при анализе определенных уровней цифрового разрыва (Волченко, 2016; Deviatko, 2013; Nagirnaya, 2015; Hargittai, 2002; Ragnedda and Kreitem, 2018 и др.).

Таблица 1

Возможные индикаторы трех уровней цифрового неравенства

Уровни цифрового неравенства	Возможные индикаторы
Первый уровень	Данные по общей численности интернет-пользователей (широкополосный, мобильный Интернет), числу абонентов сети Интернет, числу домохозяйств, имеющих доступ к Интернету, по уровню проникновения Интернета, уровню проникновения подвижной радиотелефонной (сотовой) связи, средней стоимости доступа в Интернет, средней скорости интернет-соединения, типу и количеству устройств для доступа в Интернет и т. д.
Второй уровень	Данные по цифровой грамотности/уровню цифровых компетенций/навыков пользователей, уровню интернет-открытости региона (применительно к России), данные по мотивации к использованию Интернета и ИКТ с учетом социодемографических характеристик пользователей, практикам использования Интернета и т. д.
Третий уровень	Данные по преимуществам использования Интернета и ИКТ, выражаемые в том числе в динамике и специфике использования онлайн-услуг и сервисов, их адаптации под запросы пользователей, работе электронного правительства, различных возможностях для профессиональной и личностной самореализации пользователей и т. д.

Выборка и методология

В данной работе мы апробируем теорию трех уровней цифрового неравенства для изучения цифрового раскола в отдельно взятой республике РФ – Республике Татарстан. Выбор Татарстана из числа 22 национальных республик в составе РФ не случаен. Согласно статистике, Татарстан является одним из российских лидеров по целому ряду показателей: республика входит в число ведущих регионов России по уровню социально-экономического развития[5], по размеру ВВП[6], по размеру экономики[7] и другим показателям. Еще важнее для настоящего исследования, что Татарстан является одним из наиболее динамично развивающихся регионов России в сфере цифровых технологий и инноваций. В рейтинге регионов по развитию информационного общества в РФ на 2017 г., подготовленном Минкомсвязью, Татарстан занял четвертую строчку, уступив лишь Москве, Тюменской области и Ханты-Мансийскому автономному окру-

гу[8]. В 2014 г. Татарстан занял первое место в стране по доле ИКТ в ВРП на уровне в 3,19%[9]. Общий валовый доход по отрасли информатизации и связи составил в 2017 г. 54,9 млрд руб. (102% от уровня 2016 г. – 53,86 млрд руб.), при этом на информационные технологии приходилась доля в 32,8%[10].

На государственном уровне внедрение и широкое использование инфокоммуникационных и инновационных технологий во всех сферах деятельности, создание единого информационного общества РТ и интеграция республики в глобальное информационное общество отмечаются как приоритетные задачи в «Стратегии развития отрасли информации и связи Республики Татарстан на 2016–2021 годы и период до 2030 года», в республиканской программе «Развитие информационных и коммуникационных технологий «Открытый Татарстан» на 2014–2020 годы» и других документах[11]. Активно осуществляют научную и образовательную деятельность наукоград Иннополис – город-спутник Казани, созданный для развития инновационных высоких технологий и ИКТ, Казанский техникум информационных технологий и связи, казанский технопарк «ИТ-парк», вошедший в 2017 г. в число лучших технопарков России в сфере высоких технологий, и другие организации. Широкое распространение в республике имеют государственные сервисы и услуги, предоставляемые онлайн (региональная система «ЗАГС», «Электронный магазин», «Электронный детский сад» и многие другие). Наконец, именно Татарстан был выбран для апробации пилотного проекта по составлению индекса интернет-открытости регионов России в 2017 г.[12], тестирующего уровень готовности регионов к переходу на цифровое взаимодействие между государством, обществом и бизнесом, что также делает его в определенной степени уникальным регионом России.

Добавим, что наш выбор отчасти был обусловлен отсутствием работ на тему цифрового неравенства в Татарстане в принципе. Большинство известных нам публикаций рассматривают различные аспекты использования ИКТ и цифровых технологий в регионе, в том числе для более эффективной политической коммуникации (Гильманова, 2012; Сыченкова, 2016), для сохранения этнокультурного многообразия полиэтничного региона (Галимова, 2015; Gladkova, 2013), для успешной адаптации СМИ к реалиям новой цифровой среды (Гарифуллин, 2013, 2018; Мухаметзянова, 2015), вместе с тем узкопрофильных исследований, посвященных именно цифровому неравенству в Республике Татарстан, нам об-

наружить не удалось. Исключение составляют публикации, где цифровой раскол рассматривается в широком региональном разрезе и где опыт Татарстана анализируется наряду с опытом других национальных республик РФ (см., например: Кузнецов, Маркова, 2014; Deviatko, 2013; Nagirnaya, 2015; Rykov, Nagornyy and Koltsova, 2017; Gladkova and Ragnedda, 2019). Несмотря на ценность подобных компаративных исследований, они не позволяют рассмотреть кейс Татарстана более детально и актуализируют необходимость отдельного комплексного исследования цифрового раскола в республике.

Принимая во внимание вышесказанное, мы решили, что было бы интересно применить модель комплексного изучения цифрового раскола к региону, где цифровые технологии имеют столь активное распространение и где теоретически проблема цифрового раскола должна находиться на минимальном уровне. В ходе работы нам было интересно проследить, позволяет ли доступная статистика по Республике Татарстан сделать выводы об особенностях цифрового неравенства трех уровней в данном регионе. За основу исследования мы берем ряд индикаторов, чаще всего используемых для анализа трех уровней цифрового раскола (табл. 1), и пытаемся соотнести доступные данные по региону с заявленными индикаторами (осознавая при этом, что в ряде случаев имеющейся статистики по региону может быть недостаточно для полноценного анализа цифрового раскола). Основным *исследовательским вопросом* является вопрос о возможности обеспечения полноценного анализа цифрового неравенства в отдельно взятом регионе с опорой на теорию трех уровней и с использованием открытых данных статистики.

Основным *методом* является метод вторичного анализа данных, преимущественно открытых данных статистики по потреблению Интернета, ИКТ, электронных услуг в Татарстане, а также по цифровой грамотности пользователей. При апробации трехуровневой модели для изучения цифрового разрыва в республике использовались открытые данные Федеральной службы государственной статистики, РОЦИТ, Центра экспертизы и координации информатизации, отчеты Министерства информатизации и связи Республики Татарстан и другие материалы.

В числе лимитирующих факторов отметим поисковый характер исследования, его ориентацию на анализ данных статистики без сбора оригинальной эмпирики и выбор лишь одной республики

для анализа на данном этапе работы. Несмотря на это, мы полагаем, что подобная работа вносит вклад в дискуссию о цифровом неравенстве в России в целом и о факторах, влияющих на цифровой разрыв сегодня, позволяет апробировать теорию трех уровней цифрового неравенства применительно к конкретному региону России (создавая, таким образом, модель комплексного изучения цифрового разрыва, которую в дальнейшем можно применить к другим регионам) и лишний раз подтверждает, что цифровое неравенство сегодня – проблема не только географического разрыва между информационно бедными и богатыми регионами, но и неравенства более сложного социального характера внутри региона.

Цифровое неравенство первого уровня: вопрос доступа к Интернету и ИКТ

Первый уровень цифрового неравенства традиционно связывают с наличием или отсутствием у граждан базового доступа к Интернету, цифровым технологиям, ИКТ, медиакоммуникационной инфраструктуре, который, в свою очередь определяет наличие или отсутствие у граждан доступа к информации, получаемой посредством этих технологий (Вартанова, 2018; Attewell, 2001; Compaine, 2001; van Dijk, 2013 и др.). При анализе первого уровня цифрового раскола за основу чаще всего берутся данные по общей численности интернет-пользователей, числу абонентов сети Интернет, уровню проникновения Интернета, средней стоимости доступа в Интернет, средней скорости интернет-соединения и т. д.

В зарубежном контексте для анализа этих данных применяются базы статистики по конкретной стране (к примеру, по Бразилии это может быть ежегодный отчет *PagBrasil*[13] или статистика более широкого уровня – данные Международного союза электросвязи[14], обобщенные данные по проникновению Интернета в разных странах мира[15], данные *Speedtest Global Index*[16], отчеты *Statista*[17] и *Global Digital Report*[18] и многие другие источники. Отдельное внимание зарубежные исследователи уделяют типу и количеству устройств для доступа в Интернет, связывая эти показатели с уровнем *материального/физического доступа* (*material access*) (van Deursen and van Dijk, 2018). В данном случае нередко используется метод сбора первичных данных в ходе анкетирования, выборка которого является репрезентативной по отношению к населению страны – в случае А. ван Деурсена и Й. ван Дейка

(van Deursen, Van Dijk, 2018) по отношению к населению Нидерландов, использующему разное количество и тип устройств для доступа в Интернет.

В российском контексте для анализа первого уровня цифрового раскола имеет смысл ориентироваться на отчеты ФОМ[19], *GfK*[20], Яндекс[21], *Mediascope*[22] и других компаний, обобщающих и систематизирующих данные по доступу к Интернету в России. Учитывая, однако, что подобные отчеты чаще всего предлагают данные по динамике Интернета в масштабе всей страны, без фокуса на конкретных субъектах федерации (за исключением отчета Яндекса по динамике проникновения Интернета в регионах России), мы взяли за основу базы данных, в которых фигурировал бы именно Татарстан. В частности, это открытые данные Федеральной службы государственной статистики[23], Центра экспертизы и координации информатизации[24], отчеты Министерства информатизации и связи Республики Татарстан[25], а также данные Таттелекома[26] и Ростелекома и другие материалы. Отметим, что список источников может быть расширен, – мы говорим лишь о некоторых базах данных, использование которых кажется нам в данном случае целесообразным.

Попробуем взглянуть, достаточно ли имеющейся статистики для того, чтобы делать выводы о цифровом неравенстве первого уровня в Татарстане. Число абонентов сети Интернет в период с 2013 по 2018 гг. в Татарстане увеличилось в 1,7 раза и на сегодняшний день составляет свыше 4,3 млн чел. при общем населении республики в 3,8 млн чел. При этом наиболее востребованным у населения является мобильный Интернет, число абонентов которого превысило отметку в 3,3 млн чел., в три раза больше числа абонентов фиксированного широкополосного доступа[27]. Общее число пользователей сети Интернет на 100 чел. в республике также растет: 71 чел. в 2014 г., 74 чел. в 2015 г., 80 чел. в 2016 г. и 83 чел. в 2017 г.[28], что, в свою очередь, означает увеличение числа не только контрактов на подключение к сети Интернет, но и реальных пользователей Всемирной сети в республике. Уровень проникновения фиксированного высокоскоростного доступа в Интернет в Татарстане также демонстрирует положительную динамику роста – с 70% в 2012 г. до 76% в 2018 г.[29], как и уровень проникновения сотовой связи, который на сегодняшний день составляет 73%, при общем числе абонентов 6,5 млн чел.[30]

Средняя стоимость фиксированного безлимитного доступа в Казани составляет 388 руб. – ниже, чем в среднем по России (404 руб.). Самый дешевый тариф на фиксированный безлимитный доступ в Интернет в Казани от компании Ростелеком составляет сегодня 350 руб. в месяц[31] (для сравнения – в Москве самый дешевый тарифный план стоит 449 руб. в месяц[32]). В свою очередь, мобильный Интернет в Казани самый дешевый среди всех российских городов-миллионников – в среднем доступ для планшета с 4,3 ГБ включенного трафика обойдется в 222 руб. в месяц (средняя цена по России – 281 руб.)[33]. Скорость Интернета варьируется в зависимости от провайдера и может достигать 200 Мбит/сек (тариф на безлимитный широкополосный интернет-доступ в Казани от Ростелекома[34]) и 500 Мбит/сек (безлимитный Интернет по технологии *GPON* от Таттелекома[35]).

Значительный вклад в преодоление цифрового неравенства первого уровня в Татарстане внесла федеральная программа по устранению цифрового неравенства, реализуемая в России с 2014 г. В сентябре 2017 г. Ростелеком, являющийся исполнителем данной федеральной программы с момента ее запуска, объявил о заключении контракта о сотрудничестве с компанией Таттелеком в области реализации проекта по устранению цифрового неравенства на территории республики. В рамках принятых на себя обязательств республиканский универсальный оператор подготовил инфраструктуру связи и смонтировал 676 точек доступа в Интернет на скорости не менее 10 Мбит/с в малых сельских населенных пунктах Республики Татарстан с численностью жителей от 250 до 500 чел.[36] Кроме того, более 11 тыс. домохозяйств были подключены к широкополосному доступу в Интернет по волоконно-оптическим линиям связи, проложенным в 222 населенных пунктах республики[37].

В целом, на наш взгляд, имеющейся статистики по региону достаточно для того, чтобы делать выводы о первом уровне цифрового неравенства в Татарстане, которое сегодня если не полностью ликвидировано, то находится на минимальной возможной границе.

Цифровое неравенство второго уровня: вопрос наличия цифровых навыков

В отличие от цифрового неравенства первого уровня, ключевым вопросом которого являлось наличие или отсутствие доступа к Интернету, цифровым технологиям и ИКТ, неравенство второго

уровня имеет более сложную природу. Как неоднократно отмечали исследователи, простое наличие доступа к Интернету не гарантирует, что граждане будут реально его использовать. Спектр причин, по которым это может не происходить, многогранен, в их числе, к примеру, факторы социодемографического характера: корреляции между возрастом, полом, этнической принадлежностью, уровнем доходов граждан и т. д. и активностью использования ими ИКТ (Colombo, Aroldi and Carlo, 2015; Poushter, 2016; Vartanova and Gladkova, 2019 и др.), отсутствие мотивации и/или потребности у граждан использовать интернет-технологии (van Dijk, 2005; van Deursen and van Dijk, 2014 и др.) и многие другие причины. В рамках теории трех уровней цифрового неравенства, на которую мы опираемся, за основу берется наличие или отсутствие у пользователей специальных цифровых навыков использования Интернета, а также цифровой грамотности – способности использовать ИКТ для поиска, понимания, оценки, создания и передачи цифровой информации[38] в профессиональных и личных целях. На практике недостаток цифровых навыков и цифровой грамотности *выключает* пользователей из глобального информационного пространства даже при решении проблемы доступа (первый уровень цифрового неравенства) (Hargittai, 2002) и углубляет цифровое неравенство, переводя его на уровень неравенства между теми, кто использует ИКТ, но делает это с большей или меньшей эффективностью.

В зарубежном контексте при анализе второго уровня цифрового раскола чаще всего за основу берутся данные, полученные в ходе эмпирических исследований: в классическом труде Э. Харгиттай (Hargittai, 2002), например, измерялась способность пользователей эффективно находить информацию в Интернете, а в более современных исследованиях М. Бючи, Н. Джаст и М. Латцера (Büchi, Just and Latzer, 2016) и других проводится компаративный анализ практик использования Интернета в разных странах мира. Выборка, используемая в данных исследованиях, чаще всего репрезентативна по отношению ко всему населению страны либо к определенным группам, выбранным по социодемографическим или географическим параметрам. В ряде случаев делаются также попытки измерить уровень цифровой грамотности с помощью специальных индикаторов, разрабатываемых, например, ЮНЕСКО *(Digital Literacy Index*[39]*)*, однако, как показывает обзор публикаций (van Dijk, 2005; van Deursen and van Dijk, 2014 и др.), метод эмпи-

рических исследований навыков и компетенций пользователей по-прежнему остается ключевым в контексте изучения цифрового разрыва второго уровня.

Из-за отсутствия первичных данных для анализа мы обратились к индексу цифровой грамотности[40] (включает в себя три субиндекса – цифрового потребления, цифровых компетенций, цифровой безопасности[41]), измеряемому с 2015 г. для различных федеральных округов России. По данным исследования, в 2018 г. общий уровень цифровой грамотности в Приволжском федеральном округе составил 2,31 пункта по десятибалльной шкале (-47,74% по сравнению с данными 2017 г.). По субиндексу цифрового потребления Приволжский федеральный округ занимает шестое место из восьми федеральных округов России (3,13 пунктов), по субиндексу цифровых компетенций – седьмое (3,19 пунктов), по субиндексу цифровой безопасности – восьмое (0,37 пунктов)[42]. Мы осознаем, что было бы не вполне корректно экстраполировать результаты исследования цифровой грамотности в масштабе федеральных округов на конкретную республику в составе федерального округа. Тем не менее мы полагаем, что полученные данные позволяют составить некоторое представление об уровне цифровой грамотности и цифровых навыков пользователей, проживающих на определенной территории внутри федерального округа, в данном случае в Республике Татарстан.

Данные индекса интернет-открытости Республики Татарстан, речь о котором уже шла ранее (4,53 пункта по десятибалльной шкале на момент проведения исследования в 2017 г.), в определенном смысле коррелируются с данными индекса цифровой грамотности. Так, исследование показало, что четверть опрошенных жителей Татарстана никогда не пользовалась Интернетом и чуть менее 40% за последний год ни разу не пользовались в личных целях государственными услугами онлайн[43]. Уровень осведомленности бизнес-экспертов о том, что региональные и местные органы власти осуществляют информационную поддержку бизнеса в регионе онлайн, также находится на критически низком уровне: 63% респондентов заявили, что ничего не знают и не слышали об этом[44]. Принимая во внимание стабильную динамику Татарстана по развитию цифровых технологий и интернет-доступа (см. первый уровень цифрового неравенства), мы склонны предположить, что цифры свидетельствуют не столько о низком уровне интернет-открытости региона, сколько о дефиците цифровых компетенций

населения, что, в свою очередь, косвенно подтверждается низкими результатами Приволжского федерального округа по субиндексу цифровых компетенций.

Нам представляется, что имеющиеся данные не позволяют в полной мере говорить о наличии или отсутствии цифрового неравенства второго уровня в Республике Татарстан. В силу недоступности данных по индексу цифровой грамотности в конкретных республиках РФ, мы были вынуждены ориентироваться на данные по Приволжскому федеральному округу, что, конечно, не означает, что аналогичные показатели по Татарстану были бы им идентичны. Добавим также, что имеющиеся данные по уровню цифровой грамотности и уровню интернет-открытости региона датируются 2017 г. (за 2018 и 2019 гг. данных нам обнаружить не удалось), что также не позволяет делать полноценные выводы о специфике второго уровня цифрового разрыва в Татарстане.

Цифровое неравенство третьего уровня: вопрос социальных преимуществ пользователей

Цифровое неравенство третьего уровня является наименее изученной отраслью, и число публикаций, посвященных ему, пока довольно ограниченно (Ragnedda, 2017, 2018; Ragnedda and Kreitem, 2018; van Deursen and Helsper, 2015 и др.). Ключевой идеей третьего уровня цифрового неравенства является идея о преимуществах профессионального и личного свойства, которые пользователи могут получить при грамотном и полноценном применении ИКТ, – то, что А. ван Деурсен и Э. Хелспер (Van Deursen, Helsper, 2015) называют *tangible outcomes* (видимые результаты), а М. Рагнедда (Ragnedda, 2017, 2018) определяет как *benefits* (преимущества). Предполагается, что пользователи, *выключенные* из глобального информационного пространства из-за отсутствия у них доступа к Интернету и ИКТ или необходимых цифровых навыков, оказываются в менее привилегированном положении в обществе по сравнению в теми, у кого доступ и цифровые навыки есть, – как в широком смысле (меньше возможностей для самореализации и саморазвития, повышения своего статуса в современном информационном обществе и т. д.), так и в более практическом смысле (меньше возможностей для оптимизации личной и профессиональной жизни посредством цифровых технологий, экономии времени и трудозатрат и т. д.).

На сегодняшний день исследования цифрового неравенства третьего уровня носят в основном теоретический характер. Исследователи обозначают плюсы/преимущества доступа к цифровой среде и рассматривают их проявления в определенных контекстах – как, к примеру, в работе М. Рагнедды и Х. Крейтем (Ragnedda and Kreitem 2018), где третий уровень цифрового неравенства исследуется через анализ практик использования гражданами сервисов *eGovernment, eHealth, eCommerce* (Ragnedda and Kreitem, 2018: 13–21). При этом отметим, что само понятие *преимущества* имеет достаточно субъективный характер и едва ли может быть зафиксировано посредством количественных методов, учитывая, что специфика использования одних и тех же сервисов может разниться в плане частоты, интенсивности, вовлеченности пользователей в онлайн-практики, производимого эффекта и других факторов. Еще одним вектором изучения цифрового неравенства третьего уровня за рубежом является концепция цифрового капитала (Park, 2017; Ragnedda, 2017, 2018 и др.), анализирующая доступ и практики использования ИКТ как ресурса получения выгод, преимуществ, новых возможностей в обществе (в данном контексте исследователи анализируют также корреляции между социальным и цифровым капиталом пользователей (Ragnedda, 2018)).

Так как эмпирических исследований третьего уровня цифрового раскола к настоящему моменту немного (в качестве исключения приведем исследование цифрового капитала граждан Великобритании, которое проводится авторами в настоящее время и которое мы рассчитываем в ближайшей перспективе экстраполировать на граждан России), мы предлагаем взглянуть на третий уровень цифрового неравенства в Татарстане через призму доступной статистики по использованию электронных сервисов и услуг в регионе.

Так, широкой популярностью в Республике Татарстан пользуется сегодня Портал государственных и муниципальных услуг[45], максимально адаптированный под запросы местных жителей и предлагающий доступ к 248 электронным услугам и сервисам. На портале зарегистрированы более 2,2 млн личных кабинетов пользователей. Если учесть, что в Татарстане проживают 3,8 млн человек, 2,4 млн из которых являются трудоспособными, можно сказать, что Портал востребован у 92% трудоспособного населения республики[46]. Добавим, что за период с января по сентябрь 2018 г.

жители республики получили более 133 млн электронных услуг – на 72% больше, чем за аналогичный период 2017 г.[47]

Большое внимание в Республике Татарстан уделяется также работе портала правительства[48], в рамках которого у граждан есть возможность оперативно связаться со всеми министерствами и ведомствами. Каждый муниципальный район Татарстана имеет свой интернет-портал (всего более 200), регулярно дается информация о работе правительства, имеется интернет-приемная, обеспечивающая диалог между гражданами и органами власти. Высокой популярностью в республике пользуется Государственная информационная система «Народный контроль»[49], функционирующая с апреля 2012 г. В настоящий момент обращения в системе принимаются по 62 категориям различных сфер деятельности. Значимой функцией системы «Народный контроль» является участие граждан в оценке эффективности деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, а также иных организаций Республики Татарстан. За время работы системы по всем категориям опубликовано более 116 тыс. обращений, 82% из которых были удовлетворены.

Еще одной информационной системой, пользующейся популярностью у жителей региона, является Государственная информационная система «Народный инспектор»[50] (функционирует с ноября 2014 г.). Основной целью ГИС является подача обращений о наличии административного правонарушения в области дорожного движения при помощи мобильных устройств и использования данной информации при производстве по делам об административных правонарушениях. Успешно реализована также в республике информационная система «Социальный регистр населения Республики Татарстан», которая позволяет осуществлять работу сотрудников органов социальной защиты и социального обслуживания населения.

Важно также отметить, что в целях более эффективной работы многие сервисы успешно адаптируются под запросы пользователей. Это касается, прежде всего, использования родных языков в сфере электронного документооборота. Так, учитывая пожелания граждан, многие министерства и ведомства ввели оказание ряда государственных услуг дополнительно на татарском языке. Например, в 2017 г. для пользователей в татарской версии стало доступным официальное мобильное приложение Портала государственных и муниципальных услуг РТ – «Услуги РТ»[51]. Официальные сайты министерств и ведомств также ведутся на двух языках, на некоторых из них реализуется оказание услуг гражданам на обоих языках.

Третий уровень цифрового неравенства, безусловно, не ограничивается только возможностями для оптимизации личной и профессиональной сфер жизни посредством использования онлайн-сервисов и услуг, а имеет более глубокую природу. Тем не менее мы полагаем, что имеющихся данных по популярности и востребованности онлайн-услуг, а также их доступности для граждан региона в целом достаточно для того, чтобы говорить об отсутствии существенного разрыва на третьем уровне цифрового неравенства в Татарстане (видимые результаты от включенности в цифровую среду).

Заключение

Как подтверждает данное исследование, цифровой раскол сегодня является сложным многофакторным явлением, не ограничивающимся только расколом между теми, кто имеет доступ к Интернету, цифровым технологиями и соответствующей инфраструктуре, и теми, у кого такого доступа нет (так называемые *haves/have-nots*) (DiMaggio and Hargittai, 2001). Традиционный подход к цифровому неравенству как к проблеме технологического характера, во многом определяемой спецификой региона (то, что Й. ван Дейк определяет как *макроуровень стран* – развитых и развивающихся, Севера и Юга) (van Dijk, 2013: 30), сегодня уступает место комплексному подходу к пониманию неравенства, в том числе в рамках конкретного региона, например Татарстана, где цифровой раскол второго уровня довольно очевиден, особенно по сравнению с первым и третьим. В данном случае мы согласны с Е. Л. Вартановой, говорящей о динамичной природе цифрового раскола и утверждающей, что «новые цифровые среды <...> формулируют более сложные вопросы о том, как цифровые медиа влияют на будущие возможности людей и к каким дальнейшим цифровым разрывам они могут привести» (Вартанова, 2018: 11). Под будущими разрывами, как нам кажется, имеются в виду неравенства более сложного социального характера, не ограничивающиеся только разницей в доступе или в цифровых навыках пользователей (эти два аспекта сегодня как раз достаточно успешно преодолеваются в разных странах мира, в том числе в России) (Nieminen, 2016: 30). На примере Республики Татарстан мы показываем, что цифровое неравенство сегодня – это сложный многоуровневый феномен, рассматривать который следует в комплексе разных факторов, а не только через призму бинарного разрыва между наличием или отсутствием доступа граждан к Интернету и ИКТ.

Продолжая разговор о конкретных результатах исследования, отметим, что теория трех уровней цифрового неравенства в целом, на наш взгляд, подходит для изучения цифрового раскола в российских регионах. Основной проблемой, однако, является отсутствие актуальных данных статистики по всем трем уровням цифрового раскола применительно к конкретным регионам России. В ходе работы мы столкнулись с ситуацией, когда данные по конкретной республике либо отсутствуют вовсе (вместо них существует статистика по Приволжскому федеральному округу, не позволяющая делать выводы именно о Татарстане), либо их недостаточно, либо они не обновлялись на протяжении нескольких лет (как, например, данные по индексу цифровой грамотности регионов). Исследование показало, что данные по первому уровню цифрового неравенства сегодня представлены в открытых источниках максимально полно (в отличие от второго и третьего уровней цифрового раскола, которые разработаны на сегодняшний день гораздо меньше). Частично эту проблему могло бы снять эмпирическое исследование со сбором первичных данных – к примеру, в контексте изучения цифровых навыков пользователей (второй уровень) или популярности/востребованности/особенностей использования ИКТ и онлайн-сервисов (третий уровень) в конкретном регионе. Это и должно стать следующим этапом нашей работы применительно к Татарстану и ряду других регионов.

В заключение повторим, что цифровое неравенство является сложным и многоаспектным явлением, не ограниченным наличием или отсутствием доступа к Интернету и ИКТ в конкретном регионе. Все большее внимание исследователи уделяют второму и третьему уровням цифрового неравенства: взаимосвязи цифрового и социального неравенства, влиянию цифровой *включенности* на положение человека в обществе, его возможности для самореализации и более активного участия в жизни общества (Вартанова, 2018; Nieminen, 2016; Ragnedda, 2017; van Deursen and Helsper, 2015; van Dijk, 2013; Wessels, 2013). Мы надеемся, что апробация комплексного подхода к рассмотрению цифрового неравенства в Республике Татарстан с использованием теории трех уровней цифрового неравенства позволит нам в дальнейшем использовать этот подход при изучении других регионов России и составлении комплексного компаративного анализа цифрового раскола в межрегиональном масштабе, актуальность которого, на наш взгляд, сегодня высока.

Примечания

[1] Исследование выполнено за счет средств гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых-кандидатов наук (проект № МК-1102.2018.6)

[2] https://rocit.ru/news/index-december

[3] http://цифроваяграмотность.рф

[4] https://finance.skolkovo.ru/downloads/documents/FinChair/Research_Reports/SKOLKOVO_Digital_Russia_Report_Short_2018-10_ru.pdf

[5] Reiting sotsialno-ekonomicheskogo polozheniya subjektov RF po itogam 2017 goda. (2018). Rossiya Segodnya. URL: http://www.riarating.ru/infografika/20180523/630091878.html

[6] Kakie regiony sformirovali bolshuyu chast rossiskoi ekonomiki. (2018). URL: https://www.rbc.ru/economics/19/09/2018/5ba1182d9a794772d85103fb

[7] Reiting sotsialno-ekonomicheskogo polozheniya subjektov RF po itogam 2017 goda. (2018). Rossiya Segodnya. URL: http://www.riarating.ru/infografika/20180523/630091878.html

[8] https://iecp.ru/news/item/412481-minkomsvyaz-predstavila-reyting-informatizatsii-regionov-2017

[9] https://rocit.ru/news/innopolis

[10] http://d-russia.ru/itogi-razvitiya-ekonomiki-otrasli-informatizatsii-i-svyazi-respubliki-tatarstan-v-2017-godu.html

[11] http://mic.tatarstan.ru/file/File/%D0%A1%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D1%8F%20%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%8F%20%D0%BE%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BB%D0%B8%20%D0%B8%D0%BD%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D0%B8%20%D1%81%D0%B2%D1%8F%D0%B7%D0%B8%20%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B8%20%D0%A2%D0%B0%D1%82%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%20%D0%BD%D0%B0%202016%20%E2%80%93%202021%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D1%8B%20%D0%B8%20%D0%BD%D0%B0%20%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%BE%D0%B4%20%D0%B4%D0%BE%202030%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0.pdf

[12] https://rocit.ru/news/index-december

[13] https://www.pagbrasil.com/noticias/digital-in-2019-brazil/

[14] https://www.itu.int/ITU-D/ict/dai/upper.html

[15] https://www.internetworldstats.com/top25.htm

[16] http://www.speedtest.net/global-index

[17] https://www.statista.com/

[18] https://digitalreport.wearesocial.com/

[19] http://fom.ru/SMI-i-internet/13999

[20] https://www.gfk.com/ru/insaity/press-release/issledovanie-gfk-proniknovenie-interneta-v-rossii/.

[21] https://yandex.ru/company/researches/2016/ya_internet_regions_2016

[22] https://mediascope.net/services/media/media-audience/internet/information/?arrFilter_pf%5BYEAR%5D=2018&captcha_code=06c4cc1784b333eac20fc7815c8e0f34&captcha_word=E82KF&set_filter=Y.

[23] ww.gks.ru/free_doc/new_site/business/it/mon-sub/2.6.7.xlsx

[24] https://www.цэки.рф/analytics/17

[25] http://tatcenter.ru/news/v-tatarstane-naschitali-3-4-mln-polzovatelej-mobilnogo-interneta/

[26] https://tattelecom.ru/internet/gpon/GPON500?cityV=%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D0%BD%D1%8C

[27] http://tatcenter.ru/news/v-tatarstane-naschitali-3-4-mln-polzovatelej-mobilnogo-interneta/

[28] ww.gks.ru/free_doc/new_site/business/it/mon-sub/2.6.7.xlsx

[29] https://www.tatar-inform.ru/news/2018/02/15/598032/

[30] http://tatcenter.ru/news/v-tatarstane-naschitali-3-4-mln-polzovatelej-mobilnogo-interneta/

[31] https://kazan.rt.ru/homeinternet/order_internet

[32] https://moscow.rt.ru/homeinternet/order_internet

[33] http://tatcenter.ru/news/internet-v-kazani-chto-nuzhno-znat-o-polzovatelyah-seti/

[34] https://kazan.rt.ru/homeinternet/order_internet

[35] https://tattelecom.ru/internet/gpon/GPON500?cityV=%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D0%BD%D1%8C

[36] http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Программа_по_устранению_цифрового_неравенства_в_России

[37] https://www.tatar-inform.ru/news/2018/02/15/598032/

[38] https://districtdispatch.org/wp-content/uploads/2013/01/2012_OITP_digilitreport_1_22_13.pdf

[39] https://www.g20-insights.org/policy_briefs/bridging-digital-divide-measuring-digital-literacy/

[40] http://цифроваяграмотность.рф

[41] http://цифроваяграмотность.рф/mindex/program/

[42] http://цифроваяграмотность.рф/mindex/2018/volga/

[43] https://rocit.ru/news/iio-tatarstan

[44] Там же.

[45] https://uslugi.tatarstan.ru

[46] http://mic.tatarstan.ru/rus/pr.htm/press-release/4409387.htm

[47] Там же.

[48] http://prav.tatarstan.ru

[49] https://uslugi.tatarstan.ru/open-gov

[50] http://mic.tatarstan.ru/gis-narodniy-inspektor.htm

[51] http://rt-online.ru/mobilnoe-prilozhenie-uslugi-rt-perevedeno-na-tatarskij-yazyk/

Библиография

Асочаков Ю. В. «Цифровая либерализация», «цифровое неравенство» и киберскептицизм // Вестн. Санкт-Петербургск. гос. ун-та. Сер. 12. 2015. № 2. С. 93–99.

Брагина Е. М., Орлова Д. С. (2017) Преодоление цифрового неравенства в условиях Крайнего Севера (на примере Ханты-Мансийского автономного округа) // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2017. № 3 (51). Режим доступа: https://eee-region.ru/article/5107/ (дата обращения: 17.06.2019).

Бродовская Е. В., Шумилова О. Е. Российские пользователи и непользователи: соотношение и основные особенности // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2013. № 3 (115). С. 5–18.

Быков И. А., Халл Т. Э. Цифровое неравенство и политические предпочтения интернет-пользователей в России // Полис. Политические исследования. 2011. № 5. С. 151–163.

Волченко О. В. Динамика цифрового неравенства в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 163–182. DOI: 10.14515/monitoring.2016.5.10

Вартанова Е. Л. Концептуализация цифрового неравенства: основные этапы // МедиаАльманах. 2018. № 5. С. 8–12. DOI: 10.30547/mediaalmanah.5.2018.812

Галимова Р. Р. Современное развитие татароязычного интернет-пространства в Республике Татарстан // Информационное поле современной России: практики и эффекты: сборник статей XII Международной научно-практической конференции / науч. ред. *В. З. Гарифуллин*; автор-сост. *Р. П. Баканов*; под ред. *Р. П. Баканова*. Казань: Казанск. (Приволжск.) фед. ун-т, 2015.

Гарифуллин В. З. Место и роль мусульманских СМИ в информационном поле Татарстана // Журналист. Социальные коммуникации. 2013. № 1. С. 120–125.

Гарифуллин В. З. Национальные СМИ Татарстана в условиях глобализации информационного пространства // Приоритеты массмедиа и ценности профессии журналиста: материалы Международной научно-практической конференции / сост. *О. Ф. Автохутдинова*. Екатеринбург: Уральск. фед. ун-т имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2018.

Гильманова А. Н. СМИ и новые информационные технологии в политических процессах Республики Татарстан. Казань: Изд-во ТАИ, 2012.

Делицын Л. Л. Проблема цифрового неравенства и потенциал развития Интернета в России // Информационные процессы. 2006. № 2. С. 124–130.

Дронов В. Н., Махрова О. Н. Цифровое неравенство Рязанской области. СПб: Изд-во Санкт-Петербургск. ун-та управления и экономики, 2015.

Жеребин В. М., Махрова О. Н. Цифровой раскол между поколениями // ФЭС: Финансы экономика стратегия. 2015. № 4. С. 5–9.

Кузнецов Ю. А., Маркова С. Е. Некоторые аспекты количественной оценки уровня цифрового неравенства регионов Российской Федерации // Экономический анализ: теория и практика. 2014. № 33. С. 12–23.

Мухаметзянова Р. Р. Визуальные средства продвижения СМИ Татарстана в социальных медиа // Вестн. Челябинск. гос. ун-та. 2015. № 5. С. 152–157.

Смирнова О. В. Феминизация Интернета: тенденции и прогнозы // Медиаскоп. Вып. 1. 2009. Режим доступа: http://www.mediascope.ru/феминизация-интернета-тенденции-и-прогнозы (дата обращения: 17.06.2019).

Смирнова О. В. Цифровое неравенство в национальном контексте стран СНГ // Век информации. 2017а. № 2. С. 237–238.

Смирнова О. В. Цифровое неравенство в странах СНГ: актуальные подходы к анализу ситуации // МедиаАльманах. 2017б. № 6. С. 26–33.

Сыченкова А. В. Интернет-технологии в политической жизни региона (на примере Республики Татарстан) // *PR* и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. 2016. № 15. С. 62–71.

Acharya B. (2017) Conceptual evolution of the digital divide: A systematic review of the literature over a period of five years (2010–2015). *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies* 1: 41–74.

Alam S.S., Abdullah Z., Ahsan N. (2009) Cyber café usage in Malaysia: An exploratory study. *Journal of Internet Banking and Commerce* 14 (1): 1-13.

Attewell P. (2001) The first and second digital divides. *Sociology of Education* 74 (3): 252–259.

Avila A. (2009) Underdeveloped ICT areas in Sub-Saharan Africa. *Informatica Economica* 13 (2): 136–146.

Büchi M., Just N., Latzer M. (2016) Modeling the second-level digital divide: A five-country study of social differences in Internet use. *New Media and Society* 18 (11): 2703-2722. DOI: http://dx.doi.org/10.1177/1461444815604154

Castells M. (2001) *The Internet galaxy*. Oxford: Oxford University Press.

Castells M. (2009) *Communication power*. Oxford: Oxford University Press.

Colombo F., Aroldi P. & Carlo S. (2015) New elders, old divides: ICTs, inequalities and well-being amongst young elderly Italians. *Comunicar* 23 (45): 47–55.

Compaine B. (2001) *The digital divide: Facing a crisis or creating a myth?* Cambridge, MA: MIT Press.

Dahlberg L. (2015) Expanding the digital divides research: A critical political economy of social media. *The Communication Review* 18 (4): 271–293. DOI: https://doi.org/10.1080/10714421.2015.1085777

Davaki K. (2018) *The underlying causes of the digital gender gap and possible solutions for enhanced digital inclusion of women and girls*. Available at: http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/604940/IPOL_STU(2018)604940_EN.pdf (accessed: 17.06.2019).

Deviatko I. (2013) Digitizing Russia. The uneven pace of progress towards ICT equality. In M. Ragnedda & G. W. Muschert (eds.) *The digital divide. The internet and social inequality in international perspective*. NY: Routledge. Pp. 118–133.

DiMaggio P. & Hargittai E. (2001) From the 'digital divide' to 'digital inequality': Studying Internet use as penetration increases. Princeton University. Working papers series. Available at: https://www.princeton.edu/~artspol/workpap/WP15%20-%20DiMaggio%2BHargittai.pdf (accessed: 17.06.2019).

Fuchs C., Horak, E. (2008) Africa and the digital divide. *Telematics and Informatics* 25: 99–116. DOI: 10.1016/j.tele.2006.06.004

Gladkova A. (2013) Cultural pluralism in Russian press: Challenges and prospects of development. *World of Media. Yearbook of Russian Media and Journalism Studies*: 325–333.

Gladkova A., Ragnedda M. (2019) *Mapping digital divide across Russian regions (forthcoming)*

Gunkel D. J. (2003) Second thoughts: Toward a critique of the digital divide. *New Media & Society* 5 (4): 499–522.

Hargittai E. (2002) Second level digital divide: Differences in people's online skills. *First Monday* 7 (4). Available at: https://firstmonday.org/article/view/942/864 (accessed: 17.06.2019).

Israelashvili M., Kim T., Bukobz G. (2012) Adolescents' over-use of the cyber world – Internet addiction or identity exploration? *Journal of Adolescence* 35 (2): 417–424.

Nieminen H. (2016) Digital divide and beyond: What do we know of information and communications technology's long-term social effects? Some uncomfortable questions. *European Journal of Communication* 31 (1): 19–32. DOI: https://doi.org/10.1177/0267323115614198

Norris P. (2001) *The digital divide: Civic engagement, information poverty, and the Internet worldwide*. Cambridge, UK: Cambridge University Press. DOI: https://doi.org/10.1017/CBO9781139164887

Park S. (2017) *Digital capital*. London, United Kingdom: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/978-1-137-59332-0

Poushter J. (2016) *Smartphone ownership and Internet usage continues to climb in emerging economies*. Washington, D.C: Pew Research Center. Available at: http://www.pewglobal.org/2016/02/22/smartphone-ownership-and-internet-usage-continues-to-climb-in-emerging-economies/ (accessed: 17.06.2019).

Ragnedda M., Muschert G.W. (eds.) (2013) *The digital divide: The Internet and social inequality in international perspective*. New York, NY: Routledge.

Ragnedda M. (2017) *The third digital divide: A Weberian approach to digital inequalities*. Routledge.

Ragnedda M. (2018) Conceptualizing digital capital. *Telematics and Informatics* 35: 2366–2375. DOI: https://doi.org/10.1016/j.tele.2018.10.006

Ragnedda M., Kreitem H. (2018) The three levels of digital divide in East EU countries. *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies* 4: 5–27. DOI: 10.30547/worldofmedia.4.2018.1

Rainie L. (2016) *The digital divides 2016*. Washington, D.C: Pew Research Center. Available at: http://www.pewinternet.org/2016/07/14/digital-divides-2016/. (accessed: 17.06.2019).

Rykov Y., Nagornyy O., Koltsova O. (2017) Digital inequality in Russia through the use of a social network site: A cross-regional comparison. *Communications in Computer and Information Science* 745: 70–83. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-69784-0_6

Servaes J., Carpentier N. (2006) *Towards a sustainable information society: Deconstructing WSIS*. Bristol, UK: Intellect.

Van Deursen A., Helsper E. (2015) The third-level digital divide: Who benefits most from being online? In L. Robinson, S. R. Cotten, J. Schulz, T. M. Hale, A. Williams (eds.) *Communication and Information Technologies Annual (Studies in Media and Communications, Volume 10)*. Emerald Group Publishing Limited. Pp. 29–52.

Van Deursen A., Van Dijk J. (2014) The digital divide shifts to differences in usage. *New Media and Society* 16 (3): 507–526. DOI: https://doi.org/10.1177/1461444813487959

Van Deursen A., Van Dijk J. (2018) The first-level digital divide shifts from inequalities in physical access to inequalities in material access. *New Media and Society*: 1-22. DOI: https://doi.org/10.1177/1461444818797082

Van Dijk J. (2005) *The deepening divide: Inequality in the information society*. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications.

Van Dijk J. (2006) Digital divide research, achievements and shortcomings. *Poetics* 34 (4–5): 221–235. DOI: https://doi.org/10.1016/j.poetic.2006.05.004

Van Dijk J. (2013) A theory of the digital divide. In Ragnedda M., Muschert G.W. (eds.) *The digital divide: The internet and social inequality in international perspective*. New York, NY: Routledge. Pp. 28–51.

Vartanova E. (2002) Digital divide and the changing political/media environment of post-socialist Europe. *Gazette: The International Journal for Communication Studies* 64 (5): 449–465. DOI: https://doi.org/10.1177/1748048502064005 0501

Vartanova E. (2013) Constructing Russian media system in the context of globalization. *World of Media. Yearbook of Russian Media and Journalism Studies*: 9–36.

Vartanova E., Gladkova A. (2019) New forms of the digital divide. In J. Trappel (Ed.) *Digital Media Inequalities: Policies against Divides, Distrust and Discrimination*. Nordicom.

Warschauer M. (2002) Reconceptualising the digital divide. *First Monday* 7 (7). Available at: http://www.firstmonday.org/issues/issue7_7/warschauer/ (accessed: 17.06.2019).

Warshauer M. (2004) *Technology and social inclusion: Rethinking the digital divide*. London: The MIT press.

Wessels B. (2013) The reproduction and reconfiguration of inequality: Differentiation and class, status, and power in the dynamics of the digital divides. In M. Ragnedda, G. W. Muschert (eds.) *The digital divide: The internet and social inequality in international perspective*. New York, NY: Routledge. Pp. 17–28.

References

Acharya B. (2017) Conceptual Evolution of the Digital Divide: a Systematic Review of the Literature Over a Period of Five Years (2010–2015). *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies* 1: 41–74.

Alam S. S., Abdullah Z., Ahsan N. (2009) Cyber Café Usage in Malaysia: an Exploratory Study. *Journal of Internet Banking and Commerce* 14 (1): 1–13.

Asochakov Yu. V. (2015) «Cifrovaya liberalizaciya», «cifrovoe neravenstvo» i kiberskepticizm. ["Digital Liberalization", "Digital Divide" and Cyber-Scepticism]. *Vestn. Sankt-Peterburgsk. gos. un-ta. Ser.* 12 2: 93–99. (In Russian)

Attewell P. (2001) The First and Second Digital Divides. *Sociology of Education* 74 (3): 252–259.

Avila A. (2009) Underdeveloped ICT Areas in Sub-Saharan Africa. *Informatica Economica* 13 (2): 136–146.

Bragina E. M., Orlova D. S. (2017) Preodolenie cifrovogo neravenstva v usloviyax Krajnego Severa (na primere Xanty`-Mansijskogo avtonomnogo okruga) [Overcoming the Digital Divide in Extreme North (a case study of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug]. *Regional`naya e`konomika i upravlenie: e`lektronny`j nauchny`j zhurnal* 3 (51). (In Russian). Available at: https://eee-region.ru/article/5107/ (accessed: 17.06.2019).

Brodovskaya E. V., Shumilova O. E. (2013) Rossijskie pol`zovateli i nepol`zovateli: sootnoshenie i osnovny`e osobennosti [Russian Users and Non-Users: the Proportion and Major Characteristics]. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: E`konomicheskie i social`ny`e peremeny`* 3 (115): 5–18. (In Russian)

By`kov I. A., Hall T. E. (2011) Cifrovoe neravenstvo i politicheskie predpochteniya Internet-pol`zovatelej v Rossii [The Digital Divide and Political Preferences of Russian Internet Users]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* 5: 151–163. (In Russian)

Büchi M., Just N., Latzer M. (2016) Modeling the Second-Level Digital Divide: a Five-Country Study of Social Differences in Internet Use. *New Media and Society* 18 (11): 2703–2722. DOI: http://dx.doi.org/10.1177/1461444815604154

Castells M. (2001) *The Internet Galaxy*. Oxford: Oxford University Press.

Castells M. (2009) *Communication Power*. Oxford: Oxford University Press.

Colombo F., Aroldi P. & Carlo S. (2015) New Elders, Old Divides: ICTs, Inequalities and Well-Being Amongst Young Elderly Italians. *Comunicar* 23 (45): 47–55.

Compaine B. (2001) *The Digital Divide: Facing a Crisis or Creating a Myth?* Cambridge, MA: MIT Press.

Dahlberg L. (2015) Expanding the Digital Divides Research: a Critical Political Economy of Social Media. *The Communication Review* 18 (4): 271–293. DOI: https://doi.org/10.1080/10714421.2015.1085777

Davaki K. (2018) *The Underlying Causes of the Digital Gender Gap and Possible Solutions for Enhanced Digital Inclusion of Women and Girls*. Available at: http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/604940/IPOL_STU(2018)604940_EN.pdf (accessed: 17.06.2019).

Delicyn L. L. (2006) Problema cifrovogo neravenstva i potencial razvitiya Interneta v Rossii [The Issue of the Digital Divide and the Potentials of Internet Development in Russia]. *Informacionny`e processy`* 2: 124–130. (In Russian)

Deviatko I. (2013) Digitizing Russia. The Uneven Pace of Progress Towards ICT Equality. In M. Ragnedda & G. W. Muschert (eds.) *The Digital Divide. The Internet and Social Inequality in International Perspective*. NY: Routledge. Pp. 118–133.

DiMaggio P. & Hargittai E. (2001) *From the 'Digital Divide' to 'Digital Inequality': Studying Internet Use as Penetration Increases. Princeton University. Working Papers series*. Available at: https://www.princeton.edu/~artspol/workpap/WP15%20-%20DiMaggio%2BHargittai.pdf (accessed: 17.06.2019).

Dronov V. N., Makhrova O. N. (2015) *Cifrovoe neravenstvo Ryazanskoj oblasti* [The Digital Divide in the Ryazan Region]. Saint-Petersburg: Izdatel`stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta upravleniya i e`konomiki. (In Russian)

Fuchs C., Horak, E. (2008) Africa and the Digital Divide. *Telematics and Informatics* 25: 99–116. DOI: 10.1016/j.tele.2006.06.004

Gladkova A. (2013) Cultural Pluralism in the Russian Press: Challenges and Prospects of Development. *World of Media. Yearbook of Russian Media and Journalism Studies*: 325–333.

Gladkova A., Ragnedda M. (2019) *Mapping Digital Divide Across Russian Regions (forthcoming)*

Galimova R. R. (2015) Sovremennoe razvitie tataroyazy`chnogo Internet-prostranstva v Respublike Tatarstan [Contemporary Development of Tatar-Language Internet Space in the Republic of Tatarstan]. In V. Z. Garifullin, R. P. Bakanov (eds.) *Informacionnoe pole sovremennoj Rossii: praktiki i e`ffekty`: sbornik statej XII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Information Field of Contemporary Russia: Practices and Effects: Proceedings of the 12th International Re-

search-to-Practice Conference]. Kazan`: Kazanskij (Privolzhskij) federal`ny`j universitet. (In Russian)

Garifullin V. Z. (2013) Mesto i rol` musul`manskix SMI v informacionnom pole Tatarstana [Place and Role of Muslim Media in the Information Field of Tatarstan]. *Zhurnalist. Social'ny'e kommunikacii* 1: 120–125. (In Russian)

Garifullin V. Z. (2018) Nacional`ny`e SMI Tatarstana v usloviyax globalizacii informacionnogo prostranstva [National Media in Tatarstan in Response to the Globalization of the Information Space]. In O. F. Avtokhutdinova (ed.) *Prioritety massmedia i cennosti professii zhurnalista: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Mass Media Priorities and Values of the Journalistic Profession: Proceedings of the International Reseasrch-to-Practice Conference]. Ekaterinburg: Ural`skij federal`ny`j universitet imeni pervogo Prezidenta Rossii B. N. El`cina. (In Russian)

Gil`manova A. N. (2012) *SMI i novy'e informacionny'e texnologii v politicheskix processakh Respubliki Tatarstan* [Mass Media and New Information Technologies in the Political Processes of the Republic of Tatarstan]. Kazan`: Izdatel`stvo TAI. (In Russian)

Gunkel D. J. (2003) Second Thoughts: Toward a Critique of the Digital Divide. *New Media & Society* 5 (4): 499–522.

Hargittai E. (2002) Second Level Digital Divide: Differences in People's Online Skills. *First Monday* 7 (4). Available at: https://firstmonday.org/article/view/942/864 (accessed: 17.06.2019)

Israelashvili M., Kim T., Bukobz, G. (2012) Adolescents' Over-Use of the Cyber World – Internet Addiction or Identity Exploration? *Journal of Adolescence* 35 (2): 417–424.

Kuzneczov Yu.A., Markova S.E. (2014) Nekotory`e aspekty kolichestvennoj ocenki urovnya cifrovogo neravenstva regionov Rossijskoj Federacii [Some Aspects of Quantitative Assessment of the Level of the Digital Divide in the Regions of the Russian Federation]. *E'konomicheskij analiz: teoriya i praktika* 33: 12–23. (In Russian)

Mukhametzyanova R.R. (2015) Vizual`ny`e sredstva prodvizheniya SMI Tatarstana v social`nykh media [Visual Means for Promoting Tatarstan Mass Media on Social Media]. *Vestn. Chelyabinsk. gos. un-ta* 5: 152–157. (In Russian)

Nieminen H. (2016) Digital Divide and Beyond: What Do We Know of Information and Communications Technology's Long-Term Social Effects? Some Uncomfortable Questions. *European Journal of Communication* 31 (1): 19–32. DOI: https://doi.org/10.1177/0267323115614198

Norris P. (2001) *The Digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide*. Cambridge, UK: Cambridge University Press. DOI: https://doi.org/10.1017/CBO9781139164887

Park S. (2017) *Digital Capital*. London, United Kingdom: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/978-1-137-59332-0

Poushter J. (2016) *Smartphone Ownership and Internet Usage Continues to Climb in Emerging Economies*. Washington, D.C: Pew Research Center. Available

at: http://www.pewglobal.org/2016/02/22/smartphone-ownership-and-internet-usage-continues-to-climb-in-emerging-economies/ (accessed: 17.06.2019).

Ragnedda M., Muschert G. W. (eds.) (2013) *The Digital Divide: the Internet and Social Inequality in International Perspective*. New York, NY: Routledge.

Ragnedda M. (2017) *The Third Digital Divide: a Weberian Approach to Digital Inequalities*. Routledge.

Ragnedda M. (2018) Conceptualizing Digital Capital. *Telematics and Informatics* 35: 2366–2375. DOI: https://doi.org/10.1016/j.tele.2018.10.006

Ragnedda M., Kreitem H. (2018) The Three Levels of Digital Divide in East EU Countries. *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies* 4: 5–27. DOI: 10.30547/worldofmedia.4.2018.1

Rainie L. (2016) *The Digital Divides 2016*. Washington, D.C: Pew Research Center. Available at: http://www.pewinternet.org/2016/07/14/digital-divides-2016/. (accessed: 17.06.2019).

Rykov Y., Nagornyy O., Koltsova O. (2017) Digital Inequality in Russia Through the Use of a Social Network Site: a Cross-Regional Comparison. *Communications in Computer and Information Science* 745: 70–83. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-69784-0_6

Servaes J., Carpentier N. (2006) *Towards a Sustainable Information Society: Deconstructing WSIS*. Bristol, UK: Intellect.

Smirnova O.V. (2009) Feminizaciya Interneta: tendencii i prognozy` [Feminization of the Internet: Trends and Predictions]. *Mediaskop* 1. (In Russian). Available at: http://www.mediascope.ru/feminizaciya-interneta-tendencii-i-prognozy` (accessed: 17.06.2019).

Smirnova O. V. (2017 a) Cifrovoe neravenstvo v nacional`nom kontekste stran SNG [Digital Divide in the National Context of the CIS Countries]. *Vek informacii* 2: 237–238. (In Russian)

Smirnova O. V. (2017 b) Cifrovoe neravenstvo v stranax SNG: aktual`ny`e podxody` k analizu situacii [Digital Divide in the CIS Countries: Current Approaches to the Situation Analysis]. *Mediaalmanakh* 6: 26–33. (In Russian)

Sparks C. (2013) What Is the 'Digital Divide' and Why Is it Important? *Javnost – the Public* 20 (2): 27–46. DOI: https://doi.org/10.1080/13183222.2013.11009113

Sy`chenkova A. V. (2016) Internet-texnologii v politicheskoj zhizni regiona (na primere Respubliki Tatarstan) [Online Technologies in the Political Life of a Region (as exemplified by the Republic of Tatarstan)]. *PR i reklama v izmenyayushhemsya mire: regional`ny`j aspect* 15: 62–71. (In Russian)

Van Deursen A., Helsper E. (2015) The Third-Level Digital Divide: Who Benefits Most from Being Online? In L. Robinson, S. R. Cotten, J. Schulz, T. M. Hale, A. Williams (eds.) *Communication and Information Technologies Annual (Studies in Media and Communications, Volume 10)*. Emerald Group Publishing Limited. Pp. 29–52.

Van Deursen A., Van Dijk J. (2014) The Digital Divide Shifts to Differences in Usage. *New Media and Society* 16 (3): 507–526. DOI: https://doi.org/10.1177/ 461444813487959

Van Deursen A., Van Dijk J. (2018) The First-Level Digital Divide Shifts from Inequalities in Physical Access to Inequalities in Material Access. *New Media and Society*: 1–22. DOI: https://doi.org/10.1177/1461444818797082

Van Dijk J. (2005) *The Deepening Divide: Inequality in the Information Society*. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications.

Van Dijk J. (2006) Digital Divide Research, Achievements and Shortcomings. *Poetics* 34 (4–5): 221–235. DOI: https://doi.org/10.1016/j.poetic.2006.05.004

Van Dijk J. (2013) A Theory of the Digital Divide. In Ragnedda M., Muschert G.W. (eds.) *The Digital Divide: the Internet and Social Inequality in International Perspective*. New York, NY: Routledge. Pp. 28-51.

Vartanova E. (2002) The Digital Divide and the Changing Political/Media Environment of Post-Socialist Europe. *Gazette: The International Journal for Communication Studies* 64 (5): 449–465. DOI: https://doi.org/10.1177/1748048 5020640050501

Vartanova E. (2013) Constructing the Russian Media System in the Context of Globalization. *World of Media. Yearbook of Russian Media and Journalism Studies*: 9–36.

Vartanova E. L. (2018) Konceptualizaciya cifrovogo neravenstva: osnovny`e etapy [Conceptualizing the Digital Divide: Major Stages]. *Mediaal'manakh* 5: 8–12. (In Russian). DOI: 10.30547/mediaalmanah.5.2018.812

Vartanova E., Gladkova A. (2019) New forms of the digital divide. In J. Trappel (Ed.) *Digital Media Inequalities: Policies against Divides, Distrust and Discrimination*. Nordicom.

Volchenko O. V. (2016) Dinamika cifrovogo neravenstva v Rossii [Dynamics of the Digital Divide in Russia]. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: e'konomicheskie i social'ny'e peremeny*` 5: 163–182. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2016.5.10

Warschauer M. (2002) Reconceptualizing the Digital Divide. *First Monday* 7 (7). Available at: http://www.firstmonday.org/issues/issue7_7/warschauer/ (accessed: 17.06.2019).

Warshauer M. (2004) *Technology and Social Inclusion: Rethinking the Digital Divide*. London: The MIT press.

Wessels B. (2013) The Reproduction and Reconfiguration of Inequality: Differentiation and Class, Status, and Power in the Dynamics of the Digital Divides. In M. Ragnedda, G. W. Muschert (eds.) *The Digital Divide: the Internet and Social Inequality in International Perspective*. New York, NY: Routledge. Pp. 17–28.

Zherebin V. M., Makhrova O. N. (2015) *Cifrovoj raskol mezhdu pokoleniyami* [The Digital Divide Between Generations]. FE`S: Finansy` e`konomika strategiya 4: 5–9. (In Russian)

Поступила в редакцию
01.02.2019

ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

Алексеев Константин Александрович, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории журналистики, Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: cheslav83@gmail.com

ПОЛИТИКА РУКОВОДЯЩИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО ИЗДАНИЮ ФИЗКУЛЬТУРНО-СПОРТИВНОЙ ПЕРИОДИКИ В 1920-Е ГОДЫ

В статье рассматривается процесс становления советской системы физкультурно-спортивной печати. Предметом исследования является история появления первых центральных специализированных изданий и их исчезновения под воздействием такого ключевого для начала 1920-х годов фактора, как смена руководящих организаций и конфликты их руководителей. На основе привлечения архивных материалов и публикаций самих изданий анализируется, в частности, ситуация с поглощением журнала «Красный спорт» Издательством Высшего совета физической культуры. Новизна работы определяется введением в научный оборот новых сведений, позволяющих лучше представить особенности развития специализированных изданий по физкультуре и спорту в период НЭПа.

Ключевые слова: *спорт, физическая культура, физкультурно-спортивная печать, Всевобуч, Высший совет физической культуры, «Красный спорт».*

Konstantin A. Alekseev, PhD in Philology, Associate Professor at the Chair of the History of Journalism, School of Journalism and Mass Communications, St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; e-mail: cheslav83@gmail.com

THE POLICY OF LEADING ORGANIZATIONS ON PUBLISHING SPORTS PERIODICALS IN THE 1920-ies

This paper considers the early formation of the Soviet sports press system. The subject of the research is the history of emergence, transformation and closure of the first central specialized publications at the beginning of the 1920s in response to such an influential factor as change in leading organizations and conflicts among their leaders. Based on archive materials and the articles of the publications themselves, the author analyzes, in particular, the situation of the acquisition of the Krasnyi Sport journal by the publishing house of the Supreme Council of Physical Culture. The novelty of the paper is in introducing into scientific use some new data, which make it possible to better understand the development characteristics of sports publications during the NEP period.

Key words: *sport, physical culture, sports press, Universal Military Training, Supreme Council of Physical Culture, Krasnyi Sport.*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2019.7393

Введение

После завершения Первой мировой войны спорт из сугубо частного занятия, доступного представителям узкого слоя общества, имевшим необходимые время и средства, стал превращаться в массовое явление, охватывающее миллионы людей. Подобные процессы происходили не только в России, но и в США, Европе и везде, где существовали развитые практики спорта и сложились необходимые социальные институты. Однако Советская Россия в этой отрасли пошла особым путем. В первом социалистическом государстве на передний план выдвигались идеологические и социально-политические эффекты, которые может иметь спортивная деятельность, и на смену элитному любительскому и профессиональному дореволюционному спорту пришла массовая физическая культура. Она воспринималась как часть общей культуры социалистического общества, направленная на укрепление здоровья, развитие физических способностей и духовных качеств советских граждан для решения общественных и государственных задач. Особую роль в их решении играла создававшаяся на протяжении 1920-х гг. система физкультурно-спортивной печати, в которой на ведущее место выходили функции агитации, пропаганды, организации и управления.

В данной работе рассматриваются особенности развития первых физкультурно-спортивных изданий, претендовавших на роль центральных и составивших ядро новой системы в первой половине 1920-х годов. Актуальность исследования определяется особенностями рассматриваемого периода, когда с введением НЭПа периодические издания были вынуждены бороться за существование в условиях рынка, пусть и регулируемого государством. Даже официальные органы должны были стремиться к самоокупаемости, что не отменяло стоявшей перед ними задачи проведения в жизнь идейных установок и политических программ. Поэтому, обращаясь к опыту организации первых физкультурно-спортивных изданий, исследователь сталкивается с интересным опытом параллельного решения двух непростых задач: а) выживание специализированной прессы в сложной экономической ситуации; б) по-

мощь в реализации государственной политики в сфере физической культуры.

По этим причинам понятен интерес историков журналистики, обращавшихся к 1920-м гг. как к истокам формирования советской спортивной прессы, созданной для удовлетворения потребностей уникальной системы физического воспитания, сложившейся в СССР. В советское время этот период изучался В. Ф. Асауловым (1989), Е. Ф. Долгополовой (1987), С. И. Орловым (1974) и др. Их работы носили комплексный и фундаментальный характер, был привлечен и обобщен значительный фактологический материал. Однако присущая исследованиям советского периода идеологическая заданность привела к тому, что возникновение и развитие советской физкультурно-спортивной периодики представлялось как логичный и последовательный процесс, подлежавший строгому регулированию и согласованному руководству партийных, государственных, военных и профсоюзных структур. При более объективном рассмотрении этот процесс оказывается куда более сложным, подразумевающим противоречия, конкурентную борьбу, преодоление разногласий заинтересованных групп, во главе которых стояли различные советские руководители.

Нет недостатка и в работах современных авторов – как российских, так и зарубежных (что еще более подчеркивает актуальность темы). Однако чаще всего авторы обращаются к специализированной периодике как к источнику информации о развитии спорта и физкультуры в 1920-е гг., или она рассматривается как второстепенная, попутная линия, но не как основной предмет изучения. В тех случаях, когда исследования направлены непосредственно на систему прессы (М. В. Багаев, 2015; Е. А. Истягина-Елисеева, 2016; Е. А. Нурдыгин, 2014; В. В. Тулупов, 2018; А. В. Хорошева, 2014), их объем, как правило, позволяет сосредоточиться лишь на каком-либо частном аспекте темы или, наоборот, дать максимально общий обзор развития советских спортивных СМИ. К тому же работы, посвященные данному периоду, часто содержат неточности и противоречия вплоть до несовпадений в датах появления и прекращения даже основных изданий. Таким образом, история становления советской спортивной журналистики на начальном этапе по-прежнему полна загадок, белых пятен и оставляет больше вопросов, чем предлагает ответов.

Данная статья не претендует на исчерпывающий анализ, однако в ней предлагается подход, способствующий более полному по-

ниманию процессов рассматриваемого периода. Рабочая гипотеза исследования состоит в том, что при воссоздании истории первых лет существования физкультурно-спортивной печати необходимо учитывать в качестве главного фактора всех трансформаций изменения в структуре властных органов, ответственных за развитие физкультуры и спорта, их постоянную борьбу за контроль над отраслью. Поскольку именно они выступали в роли издателей специализированной периодики и активно использовали ее в целях пропаганды, агитации и управления, постольку аудиторная направленность и содержательно-тематический облик изданий зависел от их представлений, интересов и ценностей. Замена военной организации, ответственной за развитие физической культуры с 1918 по 1923 г., гражданским межведомственным органом объясняет причины и обстоятельства возникновения и закрытия изданий, трансформацию их типологических признаков и направлений деятельности. Главным методом, использованным в работе, является сравнительный анализ, основанный на сопоставлении содержания публикаций и изменения типологических характеристик органов физкультурно-спортивной периодики с архивными данными, которые содержат сведения о работе государственных структур, выступавших в роли издателей. Интерпретация полученных результатов предполагает строгую опору на принципы объективности, системности и историзма. Значимость работы определяется введением в научный оборот новых сведений, позволяющих лучше представить особенности развития специализированных изданий по физкультуре и спорту в период НЭПа.

Конкуренция руководящих организаций и их деятелей за контроль над сферой физической культуры

Главное, что интересовало советскую власть в развитии физической культуры, – это возможности ее военно-прикладного использования. Поэтому наследием Гражданской войны явилось подчинение физкультурной сферы интересам системы Всевобуча, учрежденного декретом ВЦИК «Об обязательном обучении военному искусству» в апреле 1918 г. Первым его начальником был назначен Л. Е. Марьясин, которого в 1919 г. сменил Н. И. Подвойский. По словам последнего, он был назначен на эту должность, чтобы очистить ряды «всевобучистов-физкультурников от враждебных чуждых элементов» (Хорошева, 2014: 158). При Подвой-

ском практически все начинания в сфере физкультуры и спорта в стране осуществлялись под непосредственным руководством или покровительством местных и центральных органов Всевобуча: создание физкультурных кружков, организация кафедр и институтов физической культуры, подготовка инструкторов, проведение съездов и совещаний работников по физической культуре. При нем же, в 1920 г., отдел, занимавшийся во Всевобуче вопросами спорта, был преобразован в Высший совет физической культуры (ВСФК) – совещательный орган, председателем которого стал сам Подвойский. В июле 1921 г. он был назначен также и председателем только что созданного Красного спортивного Интернационала (КСИ) – международного объединения пролетарских физкультурных организаций.

Однако поворот к НЭПу предопределил реорганизацию военных ведомств и сокращение круга их полномочий. Как отмечал советский исследователь А. В. Грачев (в начале 1940-х он первым из историков отметил наличие разных идейных течений в развитии физкультуры в 1920-е гг.), Всевобуч «в связи с условиями мирного строительства в значительной мере свернул свою деятельность в области физической культуры; к тому же и формы его руководства, будучи приспособлены к условиям военного коммунизма, оказались малопригодными в новой обстановке» (Грачев, 1940: 32). Примерно с середины 1921 г. на заседаниях президиума ВСФК активно развернулось обсуждение необходимости реорганизации ВСФК в центральный межведомственный (тогда говорили *надведомственный*) орган, который бы сосредоточил в своих руках все руководство физкультурой в изменившихся условиях. Показательно, что практически все заседания президиума ВСФК с этого времени начинает вести не Подвойский, а его помощник К. А. Мехоношин, возможно назначенный в 1921 г. как раз для проведения реорганизации. Впоследствии Подвойский не раз писал, что Мехоношин воспользовался его болезнью, чтобы сместить с должности и отстранить от командования советской физкультурой. Во всяком случае, когда в начале 1923 г. Главное управление Всевобуча (ГУВВО) было подчинено Главному штабу РККА и переименовано в Центральное управление военной подготовки трудящихся (ЦУВПТ), его начальником был назначен именно Мехоношин, ставший с этого момента и председателем ВСФК.

В июне 1923 г. постановлением за подписью М. И. Калинина ВСФК перешел в прямое подчинение ВЦИК, значительно расши-

рив зону своей ответственности. В состав ВСФК вошли представители ведомств, имевших отношение к физической культуре: Наркомздрава, Наркомвоена, Наркомпроса, Наркомтруда, ЦК РКП, ЦК РКСМ, ВЦСПС, ГПУ, Моссовета, МСФК (Московского совета физической культуры). Наиболее активными были Наркомздрав и Наркомвоен, от которых на заседаниях обычно присутствовало по два человека. Подвойскому в руководстве обновленного ВСФК места не нашлось: пост председателя занял нарком здравоохранения Н. А. Семашко, а Мехоношин стал его заместителем. Как отмечала А. В. Хорошева (2013: 46), «Подвойский, испытывая обиду, встал в оппозицию к своему бывшему заместителю, сосредоточив свою деятельность на работе в КСИ и организации спортивных ячеек в профсоюзах». Еще в 1922 г. он предпринял попытку, используя ресурсы Всевобуча, создать альтернативную структуру – Российский союз красных организаций физической культуры (РСКОФК). Но попытка встретила отпор в октябре 1922 г. на V съезде РКСМ, поскольку вожди комсомола посчитали, что «это не просто создание союза, а создание параллельно комсомолу Всероссийской юношеской организации» (Суник, 2010: 392). В дальнейшем бывший начальник Всевобуча активно участвовал в создании и деятельности новых физкультурных организаций: Всероссийского товарищества производственных ассоциаций допризывников (ВТОПАС) и Общества строителей Международного Красного стадиона (ОСМКС).

В апреле 1924 г. ВСФК собрал в Москве I Всесоюзное совещание Советов физической культуры, куда Подвойского не пригласили даже в качестве гостя. Он все же на нем присутствовал как делегат от ОСМКС и предложил сделать доклад о необходимости перестроить работу ВСФК для более эффективного физического оздоровления трудящихся, но выступить с докладом ему не дали, предоставив слово только в порядке прений. О том, насколько Подвойский был этим задет, свидетельствуют пометки на его экземпляре тезисов совещания. Поля на страницах с докладами Семашко и Мехоношина испещрены возмущенными и язвительными комментариями, сделанными красными чернилами. Это и постоянно повторяющиеся скептические вопросы («Кто?», «Как?», «Для кого?»), и совсем короткие негодующие реплики: («Неверно», «Глупости», «Ерунда!», «Кретинизм»), и более развернутые характеристики («Тезисы для мира, а не для боевой работы», «Ну посмотрите на пару этих идиотов» и т. д.)[1]. Не добившись

разрешения выступить с трибуны, Подвойский обратился с письмом во фракцию РКП и к комсомольскому составу Всесоюзного совещания. Он писал: «Настоящее мое письмо <...> преследует две цели: во-первых, ответить <...> на запросы <...> от комсомольских организаций и от организаций Спортинтерна, которые меня запрашивают: почему я не принимаю участия в работе Высшего Совета физической культуры; во-вторых, обосновать свою точку зрения на деятельность пролетариата и крестьянства для физического оздоровления и развития сил»[2].

Подвойский в письме доказывал, что деятельность ВСФК идет в ошибочном направлении по вине его руководства: «Находясь в импотентном состоянии со дня своего образования <...> ВСФК часто мешает полезнейшей, необходимейшей, самой настоящей работе»[3]. Обвинения и претензии Подвойского свидетельствовали не только об амбициях задетого за живое человека, чьи заслуги и опыт были проигнорированы, но и о расхождениях с новым руководством во взглядах на пути развития советской физкультуры. Насколько эти расхождения были принципиальными – вопрос спорный. В частности, А. В. Хорошева (2013: 47), опираясь на сравнительный анализ высказываний конфликтующих сторон в разные годы и в разных условиях, полагает, что «оппоненты не всегда были последовательны в своих рассуждениях <...> они находились в поиске, и их позиции не были окончательными». Поводами для взаимных нападок служило различное отношение сторон к допустимости использования соревнований в физкультурной работе; к возможности встреч с зарубежными спортсменами; к практике привлечения спортсменов с дореволюционным прошлым; к тому, какие формы массовой работы должны быть приоритетными, и т. д. Чаще всего это были именно поводы, дававшие возможность обвинить соперника в отступлении от идеалов истинного пролетарского спорта и навесить на него один из расхожих ярлыков того времени – *правый уклон, детская болезнь левизны* и т. п. Спор руководства ВСФК (сюда, помимо Семашко и Механошина, отнесем секретаря президиума А. Г. Иттина, представителя от РКСМ, и Б. Г. Бажанова, представителя от ЦК РКП) с «физкультурными оппозиционерами» (как стали называть Подвойского и его сторонников лидеры ВСФК в своих выступлениях) длился больше года. Он выливался в том числе и в публичные формы: в полемику на III Конгрессе КСИ, прошедшем в Москве в октябре, в дискуссию на страницах «Красного спорта» на рубеже

1924–25 гг. и т. д. Конец открытым обсуждениям был положен с выходом в июле 1925 г. Резолюции ЦК РКП «О задачах партии в области физической культуры». В этом знаковом документе партией были «в концентрированном виде сформулированы ключевые проблемы физкультурно-спортивного движения 20-х годов, обозначены перспективы его развития» (Суник, 2010: 405) и – можно добавить – даны правильные ответы на многие спорные вопросы. Позиции *физкультурных оппозиционеров* были серьезно подорваны, однако скрытое противостояние продолжалось и далее, однако это уже предмет для отдельного исследования.

Журналы ГУВВО и ЦУВПТ – первые центральные физкультурно-спортивные издания Советской России

Несмотря на личные мотивы, лежавшие в основе критики деятельности ВСФК, и некоторую непоследовательность собственных взглядов, как минимум в одном пункте своих претензий Подвойский был прав. Речь идет о том, что сам Подвойский называл подавлением инициативы на местах и концентрацией всех решений в центральном аппарате, а руководители ВСФК считали правильным курс на централизацию физической культуры: ВСФК ведь и создавался именно в качестве руководящего центрального органа для объединения руководства всеми организациями, занимавшимися физическим воспитанием (см. Мясоедов, 1979: 13). Таким образом, ему подчинялись не только губернские советы физической культуры, но и прочие структуры.

Курс на централизацию проявился и в стремлении упорядочить выпуск физкультурно-спортивных изданий. На I Всесоюзном совещании Советов физической культуры с докладом от ВСФК о состоянии редакционно-издательского дела по физкультуре выступил Б. А. Ивановский. Он отмечал: «Редакционно-издательское дело по физической культуре нельзя признать поставленным удовлетворительно. Наблюдающаяся несогласованность, отсутствие связи между отдельными издательствами ведет к распыленности сил и средств и к изданию ряда журналов совершенно разного типа и характера или, наоборот, параллельных <...> и даже развивающих между собой нездоровую рознь и конкуренцию.

Почти полное отсутствие связи между центральными и местными изданиями ведет также к тому, что на местах нередко печатаются материалы и работы, не имеющие значения, с другой сто-

роны, ценные, оригинальные работы и статьи остаются неиспользованными для широких кругов работников физической культуры и читателей <...> В целях урегулирования дела по ф.к., экономного использования недостаточных сил и средств, должно быть проведено <...> единое руководство по единому плану всем редакционно-издательским делом СССР <...> необходимо установить действительную потребность в периодических изданиях, объединив или закрыв лишние и конкурирующие между собой органы»[4].

Надо сказать, что начало НЭПа вызвало бурный рост количества журналов о спорте. Если в период военного коммунизма по всей республике можно насчитать не более десятка спортивных изданий (и почти все они исчерпывались несколькими номерами), то в одном только 1922 г. увидело свет не менее 16 наименований периодики[5]. Издателем двух из них выступило ГУВВО: 15 мая начал выходить двухнедельный научно-популярный журнал «Физическая культура», а 7 июля в качестве приложения к нему вышел первый номер иллюстрированного еженедельника «Известия спорта». Сразу надо отметить, что еженедельный выпуск наладить не удалось, оба издания выходили в лучшем случае дважды в месяц, при этом часто опаздывая и выходя сдвоенными номерами. Оба журнала, начав с тиража в 5 тыс. экз., к 1923 г. увеличили его до 15 тыс. Редактором и «Физической культуры», и «Известий спорта» был М. В. Шимкевич, состав редакции также был практически идентичным.

При схожей периодичности, одинаковом тираже, сопоставимых цене и объеме («Физическая культура» была на 8–12 страниц толще), журналы Всевобуча различались по аудиторному и содержательно-тематическому признакам. «Физическая культура» была задумана как издание для инструкторов и преподавателей физического воспитания, отсюда ее задачами становились «пропаганда в свете научной трактовки физической культуры как средства облегчения труда и гармоничного развития трудящихся на пути к коммунизму; освещение деятельности Всевобуча и его работ по изысканию и проведению в жизнь конкретных методов и форм допризывной подготовки; широкая информация о спортивной жизни как русской, так и заграничной; и разработка методов рационального использования трудящимися спорта, игр и гимнастики»[6]. Логично, что к 1923 г. «Физическая культура» стала ежемесячным журналом: публикация руководящих статей, научных и

методических материалов не требовала частой периодичности, а вся оперативная хроника спортивной жизни была передана в «Известия спорта».

Второй журнал должен был представлять собой «не громоздкий по содержанию, удобный по формату и в то же время живой спортивный орган»[7]. Он был рассчитан на более широкий круг читателей, на массы простых физкультурников, поэтому имел *облегченное* содержание с акцентом на новостях, отчетах, корреспонденциях о спортивных событиях и кратких статьях инструктивно-технического характера. Редакция не скрывала, что в своей структуре ориентируется на иностранные спортивные еженедельники, а также русские дореволюционные журналы о спорте. Неудивительно, что многие сторонники исключительно классового подхода к физической культуре восприняли появление «Известий спорта» настороженно. Шимкевич вспоминал два года спустя: «Этот журнал определенно сразу же завоевал симпатии нашего среднего читателя, но зато и приобрел сразу же врагов, например, в лице Н. И. Подвойского, назвавшего «Известия спорта» чуть ли не “белогвардейским журналом”»[8]. Сложилась необычная ситуация: официальное издание военного ведомства с самого начала своего существования вызвало недовольство руководителя этого ведомства, но продолжало выходить в том же ключе. Объяснение может заключаться в том, что летом 1922 г. Подвойский уже не играл определяющей роли в ГУВВО и имел серьезного оппонента в лице своего заместителя, который выступал покровителем *белогвардейского* журнала (безусловно, не считая его таковым,). Мехоношин регулярно писал для «Известий спорта» передовые статьи и иные материалы и, возможно, был идейным руководителем издания. Когда тот же Шимкевич подводил итоги работы объединенной редакции двух журналов за 1922 г., его материал сопровождали портреты 20 сотрудников: под первым номером шел Мехоношин, под вторым – его заместитель по ЦУВПТ, один из постоянных авторов Б. А. Кальпус, под третьим – сам Шимкевич[9]. Подвойский же не упоминался вовсе.

Оба издания Всевобуча прекратили существование вместе с самой организацией в 1923 г. Но если «Физическая культура» просто перестала выходить, то с «Известиями спорта» все обстояло намного сложнее. Обложка его последнего номера за 1923 г. закрывалась объявлением: «Открыта подписка на 1924 г. (год издания третий) на иллюстрированный спортивный журнал под общей редакцией К. А. Мехоношина, Б. А. Кальпуса, М. Г. Рафес и

М. В. Шимкевича «Красный спорт» (вместо журнала «Известия спорта»)»[10].

В январе 1924 г. вышел первый номер нового журнала, продолжавшего в скобках нумерацию «Известий спорта»: таким образом, № 1 был одновременно и № 46. «Красный спорт» сохранил не только нумерацию, но и структуру выпуска (принципы размещения материалов, их порядок), жанрово-стилистический характер (освещение соревнований, практические рекомендации), оформление (клише рубрик, графику), тираж (те же 15 тыс. экземпляров), набор рекламных объявлений и даже печатался там же, где и «Известия спорта», – в типографии им. Воровского при ОГПУ. Издателем «Красного спорта» выступало ЦУВПТ, ответственным редактором значился Шимкевич, а все ключевые статьи принадлежали перу Мехоношина или Кальпуса. По сути, изменилось только название.

Редакция предлагала годовым подписчикам 36 номеров (журнал должен был выходить как двухнедельный в зимние месяцы, а с 1 мая по 1 ноября – как еженедельный) за 13 руб. вместе с приложениями (12 книг «Библиотеки Красного спорта» по различным видам спорта с иллюстрациями). Во втором номере была названа и аудитория, к которой обращался журнал: «Товарищи красноармейцы, командиры, комиссары, политработники, инструктора, организаторы военкоматов, военные педагоги и красные спортсмены! Журнал «Красный спорт» в первую голову журнал Красной армии»[11]. Иными словами, Мехоношин, Кальпус и Шимкевич продолжали делать ставку на *среднего спортсмена*, у которого пользовались популярностью «Известия спорта».

Реакция со стороны ВСФК последовала незамедлительно. Она свидетельствовала о том, что внутри самого президиума Высшего совета не было единодушия: Семашко с Мехоношиным не только выступали вместе против Подвойского и сторонников других *уклонов и перегибов*, но и сами были по разные стороны конфликта.

Создание Издательства ВСФК как проявление генеральной линии на централизацию физкультуры и спорта

На материале архивных документов можно восстановить, как формировалась политика ВСФК в области печати, которая привела к конфликту интересов с издательством ЦУВПТ. В октябре 1923 г. на заседании президиума был поднят вопрос о необходимо-

сти создания собственного издательства и вынесена резолюция «признать необходимым издание еженедельного журнала, в который должны входить: фактическая картина работы на местах, руководящие статьи и хроникерский материал»[12]. Месяца не прошло, как вопрос о создании издательства ВСФК и выпуске официального журнала обрел более конкретные формы: «ВСФК совместно с МСФК самостоятельно издают журнал "Вестник Физической Культуры", официальный орган ВСФК и МСФК. Редакционную коллегию составить из Н. Семашко, К. Мехоношина и Зикмунда и ответственного секретаря Редакционной комиссии тов. Иттина. Журнал в целом должен быть рассчитан на низового инструктора и содержать популярно излагаемый инструктивно-организационный материал. Выпуск журнала установить двухнедельным, но первые номера выпустить ежемесячными, пока не будет проведена подготовительная работа по коллективной подписке. Поручить через представителей ведомств, входящих в состав ВСФК, дать каждому по своей линии директиву о коллективной подписке на журнал <...> Завиздательством назначить тов. Чеснокова Б. М. <...> Чеснокову приступить к работе немедленно, ему же поручается переговорить о привлечении частного капитала в дело издательства»[13].

Б. М. Чесноков был из числа *старых* спортсменов и спортивных журналистов. В 1912 г. он опубликовал свою первую корреспонденцию в журнале «К спорту!» – одном из лучших дореволюционных изданий, а в 1915 г. стал его редактором. Специалистов с таким опытом у молодого советского физкультурного движения было немного, и его привлечение к работе является одним из интереснейших фактов, демонстрирующих преемственность традиций в выпуске спортивной периодики после 1917 г. На заседании президиума ВСФК 20 ноября 1923 г. Чесноков представил проект программы журнала, в котором первоначальное название было изменено на «Известия физической культуры»[14] – возможно, потому, что журнал «Вестник физической культуры» уже существовал с 1922 г. в Харькове, и выпускал его ВСФК Украины, действовавший вполне автономно от Москвы.

Было определено, что пробный номер журнала выйдет к 1 января, первые три месяца он будет выпускаться каждый две недели, редакторами первых номеров назначались Семашко и Иттин. ВСФК также выделил Чеснокову на организацию издательства запрашиваемую им сумму в 400 червонцев (не разово, а в три после-

довательных перечисления)[15]. В дальнейшем планировалось, что Издательство перейдет на самоокупаемость на основе розничной продажи, привлечения рекламных объявлений и коллективной подписки среди спортивных организаций и ячеек физкультуры. По-видимому, опыт и знания Чеснокова как раз и требовались для выпуска журнала в условиях рынка и ограниченности ресурсов ВСФК.

Можно предположить, что именно обеспокоенность судьбой нового издания в непростой экономической ситуации побудила президиум ВСФК собраться на последнее заседание в декабре 1923 г., протокол которого имеет пометку «Секретно». Очевидно, что обсуждавшийся в тот день вопрос о конкуренции официального органа ВСФК «Известия физической культуры» с изданием ЦУВПТ «Красный спорт» не должен был стать достоянием широкой физкультурной общественности.

В начале заседания Мехоношин изложил причины, побудившие ЦУВПТ к организации собственного журнала, указал на то, что это не нарушает постановлений ВСФК (редакция «Красного спорта» действительно с первых номеров подчеркивала, что «ставит своей целью неуклонно проводить основную руководящую идейную линию Высшего Совета Физической Культуры»[16]). Несмотря на объяснения Мехоношина, остальной состав президиума его не поддержал: «Н. Семашко указывает <...> что в начатой работе Всевобуча по изданию журнала “Красный спорт” виден абсолютный параллелизм <...> Тов. Иттин указывает на правильность заключения Н. Семашко и к тому же сообщает, что уже сейчас скрещиваются с подпиской интересы журнала ВСФК и “Красного спорта” <...> Т.т. Зикмунд и Радин высказываются против издания журнала “Красный спорт”»[17]. Решение президиума было однозначным: «Конкуренцию надо устранить <...> Признать издание отдельного журнала «Красный спорт» ненужным»[18]. Все, чего удалось добиться Мехоношину, – это перенести принятие окончательного решения на пленум ВСФК.

Вопрос с «Красным спортом» должен был обсуждаться на первом же заседании пленума 4 января 1924 г., но Мехоношин на нем отсутствовал, в связи с чем второй представитель военного ведомства, Кальпус, попросил отложить выяснение. Пленум пошел навстречу, однако обязал Мехоношина не предпринимать никаких практических мер по выпуску журнала. Судя по тому, что первый

номер «Красного спорта» вышел, как и было обещано читателям, в январе, необходимые действия все же были предприняты.

На втором заседании, где Мехоношин уже присутствовал, пленум выступил «против издания ведомствами без разрешения ВСФК специальных периодических журналов по физкультуре, и в том числе спорту, рядом с изданием журнала ВСФК», а также постановил «дать соответствующую директиву всем Губсоветам»[19]. Однако, поскольку «Красный спорт» уже начал выходить, для выяснения ситуации и решения судьбы журнала была создана специальная комиссия. Итоги ее работы обсуждались в течение февраля-марта 1924 г. Сначала допускалось издание «Красного спорта» в виде специального военно-спортивного журнала Наркомвоена (вариант, предложенный Мехоношиным), но в апреле было вынесено окончательное решение: «К 1 мая произвести слияние журнала «Красный спорт» с издательством ВСФК»[20]. Это решение было затем утверждено на I Всесоюзном совещании Советов физической культуры.

Издательство «Красный спорт», руководимое Шимкевичем, перестало существовать, параллелизм и конкуренция были устранены. С № 11-12 ответственным редактором «Красного спорта» стал Мехоношин, и в том же номере было размещено извещение для читателей от ВСФК: «Практика работы мест, выразившаяся в соответствующей резолюции первого Всесоюзного совещания советов физической культуры, подтвердила правильность еще ранее принятого Высшим Советом Физической Культуры решения об издании в дальнейшем двух журналов: одного, рассчитанного на учреждения и организации, ведущие работы в области физической культуры, на комполитсостав Красной армии, педагогов, врачей, организаторов, руководителей и инструкторов; другого же журнала – обслуживающего непосредственно широкие массы трудящихся.

В связи с этим журналы – “Известия физической культуры” изд. ВСФК и “Красный спорт” изд. Центрального управления по военной подготовке трудящихся с настоящего номера объединяются при издательстве ВСФК под общим руководством редакционной коллегии ВСФК.

Характер журналов подвергается соответственному изменению, а именно: “Известия физической культуры”, сохраняя в основном объявленную программу, должны стать по преимуществу руководящим органом научно-практического и учебного характера с широко поставленным информационным отделом, освещающим, главным

образом, организационную работу советов физ. культуры, жизнь профсоюзов, РКСМ, Наркомздрава, Наркомпроса, Наркомвоен и др. ведомств <...> “Красный спорт” реорганизуется в живой, популярно-агитационный журнал, который будет стремиться обслуживать низовые кружки физкультуры и массового читателя.

Журналы существуют на полном хозяйственном расчете и их дальнейшее совершенствование и удешевление определяется в первую очередь материальными возможностями»[21].

Стоит обратить внимание: речь шла о том, что «Красный спорт» сохранит основной типологический признак и останется журналом, который разделит функции с «Известиями физической культуры» примерно так же, как их делили предшественники: «Физическая культура» и «Известия спорта». Это прозвучало и в докладе Ивановского на Всесоюзном совещании: «Считать целесообразной намеченную реорганизацию “Известий ФК” в руководящий официальный ежемесячный орган научно-практического характера с широко поставленным информационным отделом, а “Красного спорта” в еженедельное (двухнедельное) к нему приложение, куда должна отойти вся спортивная хроника»[22]. На этом этапе не было никаких упоминаний, что «Красный спорт» будет преобразован в газету, однако в июле подписчики журнала получили первый номер еженедельной газеты.

При этом продолжалась нумерация с начала года (№ 1 был одновременно и № 15, как было указано на первой полосе), сохранялось прежнее деление на отделы и рубрики, даже их названия остались прежними. Показательный момент: первая часть фельетона «Настольная книга» была опубликована еще в № 13–14 (57) журнала, а вторая и третья – в №№ 1 (15) и 2 (16) газеты. Очевидно, что газета, даже сменив формат, издателя и ответственного редактора, явилась абсолютным продолжением журнала. Трудно сказать в таком случае, по какой причине днем рождения главной спортивной газеты СССР – «Советского спорта» – считается 20 июля 1924 г. С большим основанием начало истории издания можно отсчитывать с июля 1922 г. (выход «Известий спорта»), с января 1924 г. (выход журнала под новым названием) или с октября 1933 г., когда начала выходить газета «Красный спорт» – официальный орган Всесоюзного Совета физической культуры, созданного в 1930 г. Кстати говоря, «Красный спорт» образца 1933 г. никак не подчеркивал свою преемственность еженедельнику, прекратившему существование в 1927 г.

Возвращаясь в июль 1924 г., можно предположить, что смена формата с журнального на газетный при сохранении еженедельной периодичности была вынужденной мерой, предпринятой в целях экономии. Обращаясь к читателям от лица ВСФК, редакция газеты проговаривалась: «Удешевление журналов, к чему все время стремился ВСФК, при большом количестве рисунков, крупных типографских и накладных расходов, оказалось практически невозможным»[23]. Из чего следовал вывод (который сейчас уже считается общим местом), что преобразование «Красного спорта» было вызвано желанием руководителей советской физкультуры вместо журнала, дорогого и поэтому недоступного, дать массам физкультурников более дешевую газету. Этот довод при внимательном рассмотрении оказывается несостоятельным. Подписная цена на журнал Шимкевича с приложениями составляла в 1924 г. 13 руб. «в червонном исчислении», а розничная цена одного номера – 35 коп. Для сравнения: подписка на «Известия физической культуры» в том же 1924 г. стоила 12 руб., а розничная цена достигала 50 коп., т. е. ни о какой чрезмерной дороговизне «Красного спорта» речи не было. Конечно, после реорганизации газета стала стоить дешевле журнала: один номер можно было приобрести за 15 коп. При этом полугодовая подписка только на газету стоила 2 руб. 75 коп., а с приложениями – 9 руб. 50 коп.! Шимкевич предлагал читателям 36 номеров журнала в год средним объемом 44 страницы, а газета с июля вышла 23 раза (таким образом, общая нумерация за год достигла 37 номеров – всего на один больше, чем обещал прежний издатель), а ее объем составлял 6 полос. Учитывая, что качество оформления и количество иллюстраций в журнале было несравненно выше, а одинаковая периодичность не давала газете преимуществ в освещении спортивной жизни республики, читатели в результате переформатирования, конечно, сэкономили, но и значительно потеряли в уровне предлагаемого им материала. Более правдоподобное объяснение причин случившегося с «Красным спортом» может заключаться в том, что Издательство ВСФК, поглотив конкурента, быстро осознало, что потянуть два достаточно дорогих в производстве журнала не сможет. Тогда был найден способ не только оптимизировать расходы, но и получить прибыль, предложив аудитории более дешевый по себестоимости газетный продукт и заодно увеличив тираж с 15 до 25 тыс. экземпляров.

Показательна реакция на произошедшую реорганизацию со стороны Шимкевича – оставшегося не у дел редактора журнала «Крас-

ный спорт». В ГАРФ хранится его письмо без указания адресата. Сначала в нем приводится цитата из «Известий ЦИК СССР» (№ 263 от 18.11.24) с подчеркнутыми словами А. И. Рыкова: «Ничего плохого в конкуренции, особенно в момент товарного голода, нет. Люди конкурируют на хорошем деле и борются между собой <...> Мы страдаем не от большого количества конкуренции, а от недостатка конкуренции в нашей государственной промышленности». Шимкевич лаконично заключает: «Я привожу выдержку из речи Предсовнаркома т. Рыкова на VI съезде Профсоюзов как ясный и короткий ответ на все рассуждения о конкуренции, которыми ВСФК бронирует свое ничего не создающее и разваливающееся издательство»[24].

Заключение

Централизованное управление издательским делом было для советских органов, поставленных партией и правительством во главе физкультурного движения, одним из приоритетных направлений агитационно-пропагандистской и организационной деятельности. Таким образом решались две взаимосвязанные задачи: с одной стороны, устранялась нежелательная угроза центральным изданиям со стороны конкурентов на рынке; с другой – обеспечивалось общее направление организационной, научной и методической политики для лучшего руководства физической культурой, укрепления связи центра и периферии. Имея ограниченные возможности экономической поддержки своего издательства, ВСФК использовал административные ресурсы.

Случай с поглощением «Красного спорта» был не единственным, но наиболее ярким примером проявления курса на искоренение параллелизма и конкуренции. Во-первых, он стал поводом к рассылке директив нижестоящим органам, где ясно давалось понять, что ВСФК не потерпит изданий, выпуск которых с ним не согласован. Кроме того, от всех учреждений требовалось, в первую очередь, поддерживать материалами центральное издательство и подписываться на его продукцию. Во-вторых, были и другие случаи: так, в 1925 г. ВСФК потребовал полного согласования издательских планов от Государственного центрального института физической культуры (ГЦИФК)[25], а до этого воспрепятствовал ОСМКС в создании своего печатного органа, когда уже «было получено разрешение на издание журнала и когда журнал был готов к выпуску и были завербованы подписчики»[26].

История с «Красным спортом» наиболее показательна и интересна, поскольку здесь столкнулись интересы двух вождей ВСФК – Семашко и Мехоношина, до этого выступавших единым фронтом против общих противников. Это показывает, что даже в президиуме ВСФК (сформированном, следует помнить, из представителей различных ведомств) существовали расхождения в мнениях о путях развития советской физкультуры, что позволяет по-новому взглянуть на те противоречия, которые определяли функционирование специализированных органов печати. Советская физкультурно-спортивная журналистика формировалась в обстановке постоянных идейных споров и откровенных интриг, которые иногда выплескивались на страницы изданий в виде дискуссий, но чаще оставались под спудом. История возникновения и прекращения многих изданий, судьбы их сотрудников, причины типологических трансформаций, экономические основы их существования в 1920-е гг. – все эти вопросы пока не получили исчерпывающих ответов и требуют дальнейших исследований.

Примечания

[1] ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 28. Д. 11. Л. 2–8.
[2] Там же. Л. 21.
[3] Там же.
[4] Там же. Л. 11.
[5] По подсчетам автора публикации.
[6] Физическая культура. 1922. № 1.
[7] От редакции // Известия спорта. 1922. № 1. С. 1.
[8] М. Шимкевич. Два года работы // Красный спорт (журнал). 1924. № 9–10. С. 3.
[9] Редакция и ее ближайшие сотрудники с 1922 года // Красный спорт (журнал). 1924. № 9–10. С. 19.
[10] Известия спорта. 1923. № 33-34.
[11] От редакции // Красный спорт (журнал). 1924. № 2. С. 3.
[12] ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 1. Д. 6. Л. 34.
[13] Там же. Л. 38.
[14] ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 28. Д. 25. Л. 1.
[15] ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 1. Д. 6. Л. 42.
[16] Красный спорт (журнал). 1924. № 2. С. 2.
[17] ГАРФ. Ф. 7676. Оп. 1. Д. 6. Л. 58.
[18] Там же.
[19] ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 1. Д. 8. Л. 6.
[20] Там же. Л. 18.
[21] От ВСФК // Красный спорт (журнал). 1924. № 11–12 . С. 32.
[22] ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 28. Д. 11. Л. 12.
[23] От ВСФК // Красный спорт (газета). 1924. № 1. С. 1.
[24] ГАРФ. 7576. Оп. 28. Д. 25. Л. 2.

[25] ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 1. Д. 14. Л. 46.
[26] Там же. Л. 232.

Библиография

Асаулов В. Ф. Печать как эффективное средство формирования советской системы физического воспитания народа: 1917–1925: дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1989.

Багаев М. В. Динамика количества спортивных журналов в Советской России – СССР до начала Великой Отечественной войны (1918–1941) // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2015. № 12 (130). С. 33–36.

Грачев А. В. Физическая культура в СССР в годы восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.) // Теория и практика физической культуры. 1940. № 10. С. 32–37.

Долгополова Е. Ф. Социально-педагогические аспекты пропаганды физической культуры и спорта в период построения социализма (на материалах газеты «Комсомольская правда»): дис. ... канд. пед. наук. Малаховка, 1987.

Истягина-Елисеева Е. А. Становление системы спортивно-патриотического воспитания в СССР в 1920–1930-е гг. // Вестник спортивной науки. 2016. № 2 (4). С. 16–20.

Мясоедов А. А. Партия – организатор физкультурного движения в СССР (1918–1923 гг.): автореф. дис. ... канд. пед. наук. Саратов, 1979.

Нурдыгин Е. А., Королева Л. А., Киналь А. В. Спортивная политика в СССР: из истории спортивных журналов // Политика, государство и право. 2014. № 11 (35). С. 92–97.

Орлов С. И. Зарождение и становление советской спортивной журналистики (к вопросу о типологии изданий): дис. ... канд. ист. наук. М., 1974.

Суник А. Б. Очерки отечественной историографии истории физической культуры и спорта. М., 2010.

Тулупов В. В. «Красный спорт» как прообраз массового спортивного издания // Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Материалы III Международной научной конференции / под ред. *С. В. Беспаловой*. Донецк, 2018. С. 233–235.

Хорошева А. В. Советская спортивная периодика (1917–1929) // История отечественных СМИ. 2014. Т. 1. № 1. С. 156–167.

Хорошева А. В. Физическая культура и спорт в РСФСР и СССР в 1918–1928 гг. и международное спортивное движение // Клио. 2013. № 8 (80). С. 45–51.

Notes

Fizicheskaya Kul'tura. 1922.
Izvestiya Sporta. 1922, 1923.
Krasnyi Sport (journal). 1924.
SARF [State Archive of the Russian Federation]. F. 7576.

References

Asaulov V. F. (1989) *Pechat' kak effektivnoye sredstvo formirovaniya sovetskoy sistemy fizicheskogo vospitaniya naroda: 1917–1925:* dis. ... kand. ist. nauk [The Press as an Effective Means of Shaping the Soviet System of People's Physical Education: 1917–1925: PhD hist. sci. diss.] Kiev. (In Russian)

Bagaev M. V. (2013) Dinamika kolichestva sportivnykh zhurnalov v Sovetskoy Rossii – SSSR do nachala Velikoy Otechestvennoy voyny (1918–1941) [Dynamics in the Number of Sports Magazines in Soviet Russia – the USSR Before the Start of the Great Patriotic War (1918–1941)]. *Uchenyie zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta* 12 (130): 33–36. (In Russian)

Dolgopolova E. F. (2013) *Sotsial'no-pedagogicheskiye aspekty propagandy fizicheskoy kul'tury i sporta v period postroeniya sotsializma (na materialakh gazety «Komsomol'skaya pravda»):* dis. ... kand. ped. nauk [Social and Pedagogical Aspects of Promoting Physical Culture and Sports During the Building of Socialism (a case study of the Komsomolskaya Pravda newspaper): PhD ped. sci. diss.] Malakhovka. (In Russian)

Grachev A. V. (1940) Fizicheskaya kul'tura v SSSR v gody vosstanovleniya narodnogo xozyajstva (1921–1925 gg.) [Physical Culture in the USSR in the Years of Restoration of National Economy (1921–1925)]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury* 10: 32–37. (In Russian)

Istiagina-Eliseeva E. A. (2013) Stanovleniye sistemy sportivno-patrioticheskogo vospitaniya v SSSR v 1920–1930-e gg. [Formation of the System of Sports and Patriotic Education in the USSR in the 1920s–1930s]. *Vestnik sportivnoy nauki* 2 (4): 16–20. (In Russian)

Khorosheva A. V. (2013) Sovetskaya sportivnaya periodika (1917–1929) [Soviet Sports Periodicals (1917м1929]. *Istoriya otechestvennykh SMI* 1 (1): 156–167. (In Russian)

Khorosheva A. V. (2014) Fizicheskaya kul'tura i sport v RSFSR i SSSR v 1918–1928 gg. i mezhdunarodnoye sportivnoye dvizheniye [Physical Culture and Sports in the RSFSR and the USSR in 1918–1928 and the International Sports Movement]. *Klio* 8 (80): 45–51. (In Russian)

Miasoedov A. A. (1979) *Partiya – organizator fizkul'turnogo dvizheniya v SSSR (I9I8–I923 gg.): avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [The Party as an Organizer of Physical Training Activities in the USSR (1918–1923): extended abstract of PhD ped. sci. diss.] Saratov. (In Russian)

Nurdygin E. A., Koroleva L. A., Kinal' A. V. (2014) Sportivnaya politika v SSSR: iz istorii sportivnykh zhurnalov [Sports Policy in the USSR: From the History of Sports Magazines]. *Politika, gosudarstvo i pravo* 11 (35): 92–97. (In Russian)

Orlov S. I. (1974) *Zarozhdenie i stanovlenie sovetskoy sportivnoy zhurnalistiki (k voprosu o tipologii izdaniy):* dis. ... kand. ist. nauk [Origins and Formation of Soviet Sports Journalism (Towards the Typology of Publications): PhD hist. sci. diss.] Moscow. (In Russian)

Sunik A. B. (2010) *Ocherki otechestvennoy istoriografii istorii fizicheskoy kul'tury i sporta* [Essays in Russian Historiography of the History of Physical Culture and Sports]. Moscow. (In Russian)

Tulupov V. V. (2018) «Krasnyi sport» kak proobraz massovogo sportivnogo izdaniya [Krasnyi Sport as a Forerunner of a Mass Sports Publication]. In S. V. Bespalov (ed.) *Donetskie chteniya 2018: obrazovanie, nauka, innovatsii, kul'tura i vyzovy sovremennosti. Materialy III Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Donetsk Readings 2018: Education, Science, Innovations, Culture and Contemporary Challenges. Proceedings of the 3d International Scientific Conference]. Donetsk. P. 233–235. (In Russian)

Поступила в редакцию
17.02.2019

Бакунцев Антон Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики редактирования, факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; e-mail: auctor@list.ru

И. А. БУНИН В ГАЗЕТЕ «ОБЩЕЕ ДЕЛО» (1920–1922)[1]

Статья посвящена теме сотрудничества И. А. Бунина в одном из наиболее заметных периодических изданий русского зарубежья – в газете В. Л. Бурцева «Общее дело» (Париж, 1918–1922). Актуальность исследования, предпринятого для написания статьи, обусловлена сравнительно малой изученностью не только конкретно названной, но и более широкой темы участия писателя в деятельности русской до- и пореволюционной, а также иностранной прессы. Научная новизна исследования обеспечивается двумя факторами: 1) статья является, по существу, первой исследовательской работой, рассматривающей характер бунинского сотрудничества в «Общем деле»; 2) в статье использован малоизвестный документальный материал – в том числе из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Отдела рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (ОР ИМЛИ), Русского архива в Лидсе (РАЛ, Великобритания). С методологической точки зрения исследование опирается преимущественно на принципы историзма и объективности.

Ключевые слова: *И. А. Бунин, В. Л. Бурцев, «Общее дело»/«La Cause commune», русское зарубежье, эмигрантская печать.*

Anton V. Bakuntsev, PhD in Philology, Associate Professor at the Chair of Theory and Methodic of Editing, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: auctor@list.ru

I. A. BUNIN IN NEWSPAPER "OBSHCHEYE DELO" (1920–1922)

This article is devoted to the subject of I. A. Bunin's contribution to one of the most noticeable periodicals of the Russian Abroad – in V.L. Burtsev's newspaper Obshcheye Delo (Paris, 1918–1922). The author of the article distinguishes four stages in the history of the newspaper: 1909–1910, 1917, 1918–1922 and 1928–1940. However, the author considers that it was not the same publication issued irregularly but four different newspapers, which had the same title and common features defining the political face of each of them: oppositionism and extra-party membership. I. A. Bunin was an employee of Obshcheye Delo in 1920–1922. It was the third version of V. L. Burtsev's newspaper, which was published in the Russian and French languages (the French edition was called "La Cause commune"). The newspaper was financed by generals A. I. Denikin and P. N. Wrangel. As a result of studying the issues of Obshcheye Delo for 1920–1922, the author of the article

found that while working for the newspaper Bunin published 17 articles, 3 stories and 20 poems in Russian and at least 2 articles in French. Financial difficulties, which eventually led to the closure of the publication, became one of the reasons why I. A. Bunin terminated his cooperation with V. L. Burtsev's newspaper. The article uses little-known documentary materials, including those from the funds of the State Archive of the Russian Federation, the Manuscript Department of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences and the Russian Archive in Leeds. The list of works which Bunin published in Obshcheye Delo/La Cause commune is given in the Appendix.

Key words: *I.A. Bunin, V.L. Burtsev, Obshcheye Delo / La Cause commune, the Russian Abroad, the émigré press.*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2019.94113

Введение

Имя И. А. Бунина принадлежит не только истории литературы как таковой, но и истории журналистики. Периодические печатные издания, в которых Бунин опубликовал хотя бы одно произведение – стихотворное, прозаическое, публицистическое, – исчисляются десятками (если не сотнями). Тем не менее факт его весьма активного сотрудничества как в до-, так и в пореволюционной русской (и не только русской) прессе до сих пор остается на периферии научного интереса к творческой биографии писателя. Исключения из этого *правила* лишь подтверждают его. К такого рода исключениям можно отнести изданные в 1970–2000-х гг. сборники бунинской публицистики, которые являют собой результат кропотливой исследовательской работы[2], и ряд серьезных буниноведческих статей и монографий, так или иначе – большей частью в общем историко-литературном и/или историко-биографическом контексте – затрагивающих тему бунинского участия в тех или иных газетах и журналах (см.: Бабореко, 2004; Бакунцев, 2011; Бакунцев, 2014; Бакунцев, 2016; Бакунцев, 2018; Коростелев, 1998; Кржесалкова, Ржегакова, 2011; Крыжицкий, 1972; Мальцев, 1994; Морозов, 2011; Морозов, 2017 и др.)[3].

В гигантском массиве существующей ныне буниноведческой литературы[4] эти публикации занимают сравнительно небольшое, хотя и очень важное место. Что же касается работ, *целиком* посвященных указанной теме, то они и вовсе единичны (см.: Бакунцев, 2009а; Бакунцев, 2009б; Бакунцев, 2017; Блюм, 1970; Гордиенко, 2005; Зленко, 1995; Кравченко, 2017; Кондратенко, 2000; Риникер,

2010; Коростелев, Шруба, 2012)[6]. При этом речь в них идет о сотрудничестве Бунина лишь в 6 изданиях: в газетах «Орловский вестник» (Орел, 1876–1916), «Южное обозрение» (Одесса, 1896–1906), «Южное слово» (Одесса, 1919–1920), «Сегодня» (Рига, 1919–1940), в журналах «Современные записки» (Париж, 1920–1940) и «Новый журнал» (Нью-Йорк, 1942 – настоящее время).

Таким образом, налицо огромное, по-настоящему еще далеко не освоенное научное поле, содержащее богатый материал о самых разных аспектах бунинского участия в деятельности русской до- и пореволюционной, а также иностранной печати. Необходимость и актуальность изучения этого материала, как нам представляется, несомненны: результаты такого изучения – в том числе в виде соответствующих научных работ – могут быть использованы при составлении научно-справочного аппарата, которым будет снабжено первое академическое «Полное собрание сочинений» Бунина. Проект этого издания в настоящее время готовится специальной Рабочей группой, созданной на базе Института мировой литературы имени А. М. Горького РАН (ИМЛИ).

Данная статья преследует цель оказаться в числе подобных исследований. В ней рассматривается характер бунинского сотрудничества в газете «Общее дело», сыгравшей заметную роль в общественно-политической и литературной жизни русского зарубежья. Издателем и редактором «Общего дела» был видный революционер и публицист, знаменитый разоблачитель провокаторов и шпионов В. Л. Бурцев (1862–1942), с которым Бунина связывали не только личные и деловые отношения, но также общность политических взглядов[5].

За помощь, оказанную при подготовке данной статьи, автор благодарит сотрудников ГАРФ, ОР ИМЛИ, Российской государственной библиотеки, Библиотеки Дома русского зарубежья имени А. Солженицына, а также лично Р. Дэвиса (РАЛ), С. Н. Морозова (ИМЛИ), Д. С. Московскую (ИМЛИ).

«Оздоровить русскую жизнь…»

К изданию газеты под заглавием «Общее дело» Бурцев приступал по меньшей мере четырежды: в 1909–1910, 1917, 1918–1922 и 1928–1940 гг. Конечно, можно считать, что это было одно и то же издание, которое в силу разных – личных, политических, финансовых – причин, как птица Феникс, то сгорала дотла, то вновь

возрождалась из пепла. Но в действительности Бурцев каждый раз начинал издавать совершенно новую газету, оставляя неизменным только заглавие, которое, по всей видимости, наилучшим образом выражало его главную идею, главный смысловой *посыл*. Впрочем, столь же неизменными были и два основных свойства, которые определяли политическое *лицо* всех бурцевских «Общих дел», – оппозиционность и надпартийность.

Самое первое «Общее дело», выходившее в Париже в пору первой, дореволюционной эмиграции Бурцева, было оппозиционно по отношению к царизму. Второе «Общее дело», которое Бурцев выпускал в Петрограде в сентябре – октябре 1917 г., жестко критиковало внутреннюю и внешнюю политику Временного правительства, за что и было в конце концов закрыто в самый канун большевистского переворота. Третье «Общее дело», издававшееся (как и первое, а затем и четвертое) в Париже, вело, как сейчас говорят, *информационную войну* с советской властью, стремясь в то же время противостоять тенденциям политического размежевания, исходившим как от правого, так и от левого крыла эмиграции. Наконец, четвертое «Общее дело» враждовало уже со всеми, кто не разделял политические, эстетические и иные воззрения Бурцева[7].

Столь же последовательно в этих изданиях проводился принцип надпартийности.

Так, в первом номере петроградской версии «Общего дела» Бурцев объявил, что газета «будет вести горячую защиту всего, что может оздоровить русскую жизнь и что может ее спасти». При этом Бурцев подчеркивал: «За мной <...> не стоит никакой определенной политической партии. У меня нет никаких заданий и целей, чуждых идейной борьбы за свободу и право». Бурцев приглашал к сотрудничеству в газете всех, «кто будет разделять ее взгляды и кто пожелает активно помочь ей». Этот призыв был обращен в первую очередь «ко всем здоровым силам страны, ко всем партиям, ко всем группам, к отдельным лицам», способным посмотреть на издание бурцевской газеты именно как на *общее дело*[8].

Само по себе это словосочетание обладало для Бурцева почти сакральным смыслом, было чем-то вроде *символа веры*, поэтому нет ничего удивительного в том, что в эмиграции газета возродилась под тем же заглавием и на прежней идеологической платформе. Обе позднейшие парижские версии «Общего дела» сохранили

свой надпартийный статус, стремясь сплотить вокруг себя здоровые, прогрессивные течения эмиграции, *стоящие на государственной почве*, с целью создания единого антибольшевистского фронта. В той версии газеты, что выходила в 1918–1922 гг., сотрудничали представители самых разных политических партий и течений, от народных социалистов до либеральных консерваторов и умеренных монархистов. Не было в ней места только левым и правым радикалам.

В 1918–1919 гг. это было единое русско-французское издание с двуязычным заглавием «Общее дело»/*La Cause commune* и со сквозной нумерацией выпусков[9]. Выходила газета нерегулярно, порой – с большими перерывами между номерами. В начале 1920 г. произошло *разделение сиамских близнецов*: «Общее дело» стало выходить по пятницам, *La Cause commune* – по субботам. Французский аналог «Общего дела» был адресован европейской аудитории: посредством *La Cause commune* Бурцев пытался повлиять на общественное мнение Запада. Первое время после разделения бурцевские газеты продолжали в значительной степени дублировать друг друга, но с середины октября 1920 г., когда у редакции появилась возможность выпускать «Общее дело» ежедневно, это дублирование стало минимальным.

Именно в этом русско-французском издании В. Л. Бурцева и печатался И. А. Бунин.

«Творческие силы страны»

До эмиграции Бунин и Бурцев знакомы не были. Тем не менее о существовании друг друга эти двое, несомненно, знали. В начале октября 1917 г. Бунин отправил Бурцеву в подарок сдвоенный экземпляр пятого и шестого томов своего «Полного собрания сочинений» (Пг., 1915), которое выпустило «Товарищество А. Ф. Маркс» в виде приложения к еженедельному литературно-художественному журналу «Нива»[10].

Поводом для этого жеста, скорее всего, стали бурцевские публикации в петроградском «Общем деле», резко осуждавшие действия Временного правительства в отношении *мятежного* генерала Л. Г. Корнилова и предупреждавшие об опасности, которую таил в себе большевизм. Так, в связи с *делом Корнилова* Бурцев в своих статьях открыто, бескомпромиссно выдвигал А. Ф. Керенскому и его министрам два требования: во-первых, освободить и

реабилитировать в глазах общественности генерала, чье место, «в момент, когда родина гибнет», было на фронте; во-вторых, обратить внимание на большевиков как на главную угрозу и для революции, и для государства. «Большевики – самая страшная язва современной русской жизни», – не уставал повторять Бурцев и призывал «бороться с ними не на жизнь, а насмерть, как с самыми опасными врагами русского народа»[11]. Судя по бунинским дневниковым записям за сентябрь–октябрь 1917 г., их автор целиком разделял точку зрения Бурцева[12].

Писатель, принадлежавший, как и Бурцев, к демократическому внепартийному антибольшевистскому крылу русской интеллигенции, теоретически уже в 1917 г. мог бы стать сотрудником «Общего дела». Но даже если у Бунина и возникала подобная мысль, такое сотрудничество оказалось бы недолгим: 21 октября 1917 г. на № 23 газета была закрыта – по всей видимости, из-за заметки Бурцева «Граждане! Спасайте Россию!», в которой военный министр генерал А. И. Верховский обвинялся в «измене России»: на совместном заседании комиссий по обороне и иностранным делам Временного совета Российской Республики (Предпарламента) генерал «предложил заключить мир с немцами тайно от союзников»[13]. И хотя эти сведения были чистой правдой, на следующий день Временный совет печатно опроверг их, назвав «инсинуацией Бурцева»[14].

С третьей версией «Общего дела» Бунин поначалу познакомился тоже только как читатель: из дневниковых записей В. Н. Муромцевой за вторую половину 1919 г. видно, что бурцевская газета доставлялась в занятую Добровольческой армией Одессу[15]. И наоборот – события в *белой* Одессе довольно скоро становились достоянием эмигрантской общественности. Например, в № 63 «Общего дела» за 25 декабря 1919 г. были перепечатаны из одесской газеты «Южное слово» суждения ряда общественных и литературных деятелей – в том числе Бунина – о Добровольческой армии[16]. В каком-то смысле эта бунинская реплика стала *дебютом* (правда, случайным) на страницах бурцевского издания. Полноценная же *встреча* писателя с газетой произошла значительно позже.

«“Общее дело” – наше, как и Ваше дело…»

В Париж Бунин прибыл в конце марта 1920 г. К этому времени политическое единомыслие писателя и редактора-издателя «Общего дела» стало еще более очевидным. На многое Бурцев и Бу-

нин смотрели совершенно одинаково. Так, оба люто ненавидели большевиков – и в то же время благоговели перед вождями Белого движения: Л. Г. Корниловым, А. В. Колчаком, А. И. Деникиным, П. Н. Врангелем, А. В. Кутеповым. Оба (по крайней мере, Бунин – до середины 1920-х гг.) считали Керенского главным ответчиком за крах российской государственности (Бурцев даже обвинял бывшего главу Временного правительства в предательском сговоре с Лениным и его кликой). Наконец, оба глубоко презирали М. Горького, у обоих были к нему особые – не только политические, но и личные – счеты.

Тем не менее Бунин далеко не сразу пошел на сближение с Бурцевым: первые публикации писателя в «Общем деле» и *La Cause commune* датированы *сентябрем* 1920 г. Их появлению предшествовала довольно интенсивная общественная и организационная деятельность Бунина *на новом месте*. Уже 12 мая 1920 г. писатель выступил в парижском *Salle de Société Savante*: судя по отчету в «Последних новостях», он прочел ряд рассказов и некий усеченный вариант одесской лекции «Великий дурман» (1919)[17]. 10 июля 1920 г. был учрежден Союз русских литераторов и журналистов в Париже, Бунин стал его первым председателем. В этом качестве он начал участвовать в работе Комитета помощи литераторам и ученым во Франции. В те же дни Бунин возглавил парижский Цех поэтов, который, впрочем, просуществовал недолго.

По мнению Д. Д. Николаева, Бунин не торопился связывать себя «обязательствами ни с одним из русских эмигрантских периодических изданий» потому, что хотел «разобраться в их редакционной политике». «В Париже, – утверждает исследователь, – приходилось выбирать между двумя газетами – “Последними новостями” и “Общим делом”»[18]. Однако, если редакционная политика «Последних новостей», которыми в то время руководил М. Л. Гольдштейн, и впрямь могла показаться Бунину не вполне четкой, то позиция бурцевской газеты, как уже отмечалось, была ему хорошо известна и близка еще с 1917 г. В противоположность «умеренному и аккуратному» либеральничанью «Последних новостей» домилюковского периода[19], «Общее дело» без обиняков заявляло о своей непримиримости по отношению к большевикам и призывало бороться с ними всеми возможными способами. Думается, именно этот дух непримиримости и привлек Бунина в издание Бурцева[20].

Их сотрудничество – весьма, впрочем, неровное, нерегулярное – продолжалось около полутора лет. Все это время Бунин неустанно искал в многоликой периодике русского зарубежья *свое* издание, т. е. такой печатный орган (газету или журнал), который устраивал бы его и в политическом, и в финансовом отношении. «Общее дело» отвечало этому условию лишь отчасти. Можно смело утверждать, что за все годы пребывания на чужбине *политически* абсолютно *своим* писатель чувствовал себя только в двух изданиях: в «Общем деле» и в «Возрождении» (при П. Б. Струве). Однако в плане *финансовом* Бунин вряд ли был доволен газетой Бурцева. Имеются сведения, что деньги на издание «Общего дела» Бурцев получал от А. И. Деникина и П. Н. Врангеля (см.: Будницкий, 1992: 111); в 1920–1922 гг. редакции из фондов Русской армии было перечислено 392 тыс. франков[21]. Тем не менее газета периодически оказывалась *на мели* и поневоле задерживала – иногда очень надолго – выплату авторам гонораров. Поэтому, печатаясь в «Общем деле», Бунин довольно часто отдавал свои произведения и в другие эмигрантские издания: в газеты «Руль» (Берлин), «Сегодня» (Рига), «Свободные мысли» (Париж), «Утро» (Нью-Йорк), «Новая русская жизнь» (Гельсингфорс), «Огни» (Прага), «Слово» (Париж), в журналы «Русская мысль» (София), «Зеленая палочка» (Париж).

В Бунине – сотруднике «Общего дела» Бурцев, безусловно, хотел видеть не столько писателя как такового, сколько *писателя политического*, т. е. публициста[22]. В пользу этого утверждения говорят по меньшей мере два факта. До 1920 г. «Общее дело» было *исключительно* общественно-политическим изданием. Лишь с приходом в газету Бунина и его *коллег по цеху*: З. Н. Гиппиус, А. И. Куприна, Д. С. Мережковского, Е. Н. Чирикова, А. А. Яблоновского и других – в ней, наряду с материалами на злобу дня, стали печататься стихи, проза, литературная критика, библиография, хроника литературной и художественной жизни. Эти *нововведения* заметно освежили суровую бурцевскую газету, внесли разнообразие в ее содержание и тон. И все же публицистика до самого конца оставалась в «Общем деле» *царицей жанров*: даже перечисленные выше литераторы (за исключением Бунина), *как правило*, выступали на страницах «Общего дела» именно в качестве публицистов. Бунину, вероятно, удалось добиться для себя *поблажек* – иначе трудно объяснить то количество *художественных* текстов, которые он опубликовал у Бурцева. Впрочем, это были боль-

шей частью либо перепечатки старых (т. е. некогда уже обнародованных) произведений, либо их обновленные версии. Гораздо выше Бурцев-редактор ценил бунинские статьи и заметки – главным образом за их остроту и неизменную непримиримость ко всему, что он сам, Бурцев, ненавидел.

Всего же с сентября 1920 по апрель 1922 г. писатель поместил в «Общем деле» 17 публицистических, 3 прозаических и 20 стихотворных произведений[23]. В *La Cause commune* у Бунина также были публикации – до нас дошли только две: заметка «Стомиллионное брюхо» *(Les "cent millions de ventres")*[24], напечатанная 18 сентября 1920 г. и ставшая для Бунина самым первым опытом сотрудничества в изданиях Бурцева (ее оригинал – заметка «О Горьком» – увидел свет в «Общем деле» только через 6 дней), и статья «По поводу человеческих пальцев, найденных в супе» *(A propos de doigts humains trouvés dans une soupe)*, которая была опубликована 9 октября 1920 г. и представляла собой перевод статьи «Суп из человеческих пальцев», обнародованной в газете «Свободные мысли» 27 сентября 1920 г.[25]

«Пишем там изредка только для души…»

С сентября по декабрь 1920 г. Бунин опубликовал в газетах Бурцева ровно столько же своих произведений, сколько с января 1921 г. по начало апреля 1922 г. Такая, совсем не случайная *неравномерность* объясняется просто. Взаимоотношения Бунина и Бурцева строились не только на основе *политики* – в них была и своя *экономика*. Пока финансовое положение «Общего дела» и *La Cause commune* было сравнительно благополучным и стабильным, Бунин охотно в них печатался. Но как только возникли денежные затруднения, вынудившие издателя-редактора временно прекратить выплату гонораров нештатным сотрудникам, Бунин постепенно свел к минимуму свое участие в бурцевских газетах. В августе 1921 г. он жаловался своему давнему приятелю – одесскому литератору А. М. Федорову, который после бегства от большевиков обосновался в Софии: «"Общее дело" уже давно едва влачит существование – по копейкам платит только тем, что сидят в редакции, а нам всем *никому* не платят уже с *января*, все пишем там изредка только для души» (Цит. по: Бабореко, 1994: 71).

Свое недовольство Бунин высказывал и напрямую Бурцеву. Так, в письме от 17/30 сентября 1921 г.[26] писатель настоятельно просил, почти требовал выплачивать ему гонорар «хотя бы по малым частям, хотя бы по 200, по 100 франков в месяц». «Такая сумма, – отмечал

Бунин, – при том большом денежном обороте, который имеет всякая газета не только в месяц, но и в сутки, – совершенный грош – почти 3 франка в день. Ведь как-никак, а газета все же существует и все же кое-что платит прочим сотрудникам, даже и тем, которые не на жалованье – напр<имер>, <А.А.> Яблоновский, Куприн, – а я почему-то в такой немилости, что мне даже отказали в печатании моего объявления о моей книге, каковое я просил ставить в *счет уплаты* долга мне: поставили раз – и конец[27], меж тем как в газете идут буквально круглый год, буквально каждый день большие бесплатные объявления даже тех, кто совсем чужой газете...»[28].

В письме от 29 ноября 1921 г. Бурцев пытался объяснить причины вынужденной *немилости* к Бунину и в то же время обнадежить его: «Вы лучше, чем кто-нибудь другой, знаете, в каком возмутительном положении мы были все время, когда пред нами ежедневно стоял один вопрос: сможем или не сможем выпустить следующий номер “О<бщего> д<ела>”. / В настоящее время у нас есть перспективы, и тогда мы сможем начать выплачивать Ваш гонорар. / Буду очень рад, если Вы найдете возможным, в виду этих будущих благ, теперь же поделиться с “О<бщим> д<елом>” своими статьями. / “Общее дело” – наше, как и Ваше дело»[29].

Однако писатель не торопился выполнять эту просьбу. Очевидно, он больше не верил Бурцеву на слово и не хотел работать *только для души*. Кроме того, вне всяких сомнений, Бунин был обижен (а то и оскорблен) бурцевским отказом поместить в «Общем деле» его заметку «Музыка», написанную в конце августа – начале сентября 1921 г. в связи с кончиной А. А. Блока (см.: Бакунцев, 2015).

В конечном счете Бунин все же *поделился* с «Общим делом» – но не статьями, а стихотворением «Свет незакатный» («Там, в полях, на погосте...»), которое было помещено в газете 25 декабря 1921 г.

Спустя четыре дня, 29 декабря, Бурцев снова просил Бунина: «Мы очень хотели бы иметь для новогоднего номера “О<бщего> д<ела>” от Вас какую-нибудь статью или хотя бы несколько строк о настоящем положении политических дел в России или Ваши пожелания на Новый год...»[30].

В ответ писатель прислал художественно-публицистический этюд под заглавием «С новым годом», который был напечатан в «Общем деле» 1 января 1922 г., а впоследствии частично вошел в текст «Окаянных дней» (см. запись от 22 апреля 1919 г.).

Затем Бунин опубликовал в «Общем деле» еще 2 публицистических произведения: статью «Горький о большевиках» (12 января

1922 г.) и некролог «Великая потеря» (7 апреля 1922 г.), посвященный В. Д. Набокову, который по трагической случайности погиб от руки фанатика-монархиста (убившая Набокова пуля предназначалась Милюкову).

Это были последние бунинские публикации в газете Бурцева.

Выводы

Таким образом, мы выяснили, что в истории газеты «Общее дело» было 4 этапа, однако это было не одно и то же издание, выходившее с *рваной, пунктирной* периодичностью, а 4 разные газеты с одинаковым заглавием и *фирменными* чертами – оппозиционностью и надпартийностью. Бунин сотрудничал в одной из этих газет – третьей по счету, причем в ее как русской, так и франкоязычной версиях, и опубликовал в них в общей сложности не менее 42 произведений (стихи, прозу, публицистику). Одной из главных причин прекращения бунинского участия в «Общем деле» стали финансовые трудности, с которыми газета сталкивалась регулярно и которые в конечном счете стали роковыми для нее самой: в июне 1922 г. субсидирование бурцевского издания прекратилось.

Приложение

Здесь мы приводим полный список публикаций Бунина в газете «Общее дело» (ОД) / *La Cause commune* (CC) в хронологическом порядке:

Les “cent millions de ventres” (1920) *CC*, 18 Sept.

О Горьком // ОД. 1920. Сент., 24. № 89. С. 1.

A propos de doigts humains trouvés dans une soupe (1920) *CC*, 9 Oct.

Старуха // ОД. 1920. Окт., 16. № 93. С. 2.

Мой перстень («Рубины мрачные цвели, чернели в нем...») // ОД.1920. Окт., 19. № 96. С. 2.

Листопад: 1. «Как в апреле по ночам в аллее...»; 2. «Этой краткой жизни вечным измененьем...» // ОД. 1920. Окт., 23. № 100. С. 2.

Красный гимн // ОД. 1920. Окт., 24. № 101. С. 2.

Пресловутая свинья // ОД. 1920. Окт., 30. № 107. С. 2.

Многогранность // ОД. 1920. Ноябрь, 5. № 113. С. 2.

К 3-летию большевизма: Наша анкета // ОД. 1920. Ноябрь, 7. № 115. С. 3.

Несколько слов английскому писателю // ОД. 1920. Ноябрь, 24. № 132. С. 2; Ноябрь, 25. № 133. С. 2.

Записная книжка [о калмыках] // ОД. 1920. Ноябрь, 27. № 135. С. 2.

Записная книжка [о «Современных записках»] // ОД. 1920. Дек., 5. № 143. С. 2.

Летние стихи: 1. «Огонь, качаемый волной...»; 2. «В дачном кресле, ночью, на балконе...»; 3. «И цветы, и шмели, и трава, и колосья...» //

Там же.

Русь: 1. Укоры («Море с голой степью говорило...»); 2. Потерянный рай («У райской запретной стены...») // ОД. 1920. Дек., 19. № 157. С. 2.

Чехи и эсеры // ОД. 1920. Дек., 24. № 162. С. 2.

Портрет Штейна: Глава повести // ОД. 1920. Дек., 27. № 165. С. 2.

Далекое: Рассказ // ОД. 1921. Янв., 7. № 176. С. 2.

Итальянские строки: 1. «На Альпы к сумеркам нисходят облака...»; 2. «Вот знакомый погост у цветной Средиземной волны...»; 3. «Роняя снег, проходят тучи...»; 4. «Белые круглятся облака...»; 5. «Дул теплый ветер, точно сея...»; 6. «Вид на залив из сада над таверной...»; 7. «Гор сиреневых кручи встают...»; 8. «На вилле тихо, ночь темна...» // ОД. 1921. Февр., 3. № 203. С. 2.

Его вечной памяти // ОД. 1921. Февр., 7. № 207. С. 2.

Из записной книжки [об И. М. Василевском (Не-Букве)] // ОД. 1921. Апр., 4. № 263. С. 2.

Заметки: 1. Канарейка («Канарейку из-за моря...»); 2. На севере («К вечеру море шумней и мутней...»); 3. Одиночество («Худая компаньонка, иностранка...») // ОД. 1921. Май, 16. № 304. С. 2.

Записная книжка [о Горьком] // ОД. 1921. Июнь, 20. № 339. С. 2.

Дым без отечества // ОД. 1921. Июнь, 27. № 346. С. 2.

Об Эйфелевой башне // ОД. 1921. Июль, 21. № 369. С. 2.

Свет незакатный (Там, в полях, на погосте...») // ОД. 1921. Дек., 25. № 525. С. 2.

С новым годом // ОД. 1922. Янв., 1. № 531. С. 2.

Горький о большевиках // ОД. 1922. Янв., 12. № 538. С. 2.

Великая потеря // ОД. 1922. Апр., 7. № 563. С. 1.

Примечания

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 19-012-00289).

[2] *Бунин И. А.* Под серпом и молотом / вступит. ст., сост., подгот. текста и примеч. *С. П. Крыжицкого*. Лондон (Канада): Заря, 1975; 2-е изд. – 1982; *Бунин И. А.* Окаянные дни. Воспоминания. Статьи / сост., вступит. ст., примеч. *А. К. Бабореко*. М.: Моск. рабочий, 1990; *Бунин И. А.* Великий дурман / сост., вступит. ст., примеч. *О. Б. Василевской*. М.: Совершенно секретно, 1997; *Бунин И. А.* Публицистика 1918–1953 годов / под общ. ред. *О. Н. Михайлова*; вступ. ст. *О. Н. Михайлова*; коммент. *С. Н. Морозова, Д. Д. Николаева, Е. М. Трубиловой*. М.: ИМЛИ РАН; Насле-

дие, 1998; 2-е изд. – 2000; *Бунин И. А.* Сочинения: «Ночь отречения» / вступит. ст., сост., подгот. текста и коммент. *Д. Д. Николаева*. М.: Лаком-книга, 2001 и др.

[3] См. также: *Бабореко А. К.* Глагол времен // Бунин И. А. Собр. соч.: В 8 т. / предисл., сост., подгот. текста, коммент. *А. К. Бабореко*. М.: Моск. рабочий, 2000. Т. 8. С. 5–24; *Василевская О.* Отверженная Россия // Бунин И. А. Великий дурман. С. 3–30; *Крыжицкий С.* Замолчанный Бунин // Бунин И. А. Под серпом и молотом. С. 7–17; *Мальцев Ю. В.* Забытые публикации Бунина // Континент. 1983. № 37. С. 337–359; *Николаев Д. Д.* Миссия русского писателя (Творчество И. А. Бунина 1920–1923 гг.) // Бунин И. А. Сочинения: «Ночь отречения». С. 5–60. и др.

[4] Далеко не полный свод выявленной на сегодня исследовательской и критической литературы о писателе представлен в сборнике «И. А. Бунин: pro et contra» (см.: *Двинятина, Лапидус* (сост.), 2001), а также на сайте: www.ivbunin.ru.

[5] См. также: *Блюм А.* Бунин и «Южное обозрение» // Дружба народов. 1968. № 7. С. 283–284; Бунин в «Южном слове» / вступит. ст., подгот. текста и примеч. *Б. Липина* // Звезда. 1993. № 9. С. 125–141.

[6] Собственно, эта общность и сделала возможным бунинское участие не только в «Общем деле», но и в других проектах Бурцева – например, в организации и работе инициированного Бурцевым съезда Русского национального объединения (1921), а затем и в деятельности созданного съездом Русского национального комитета (РНК, 1921–1940). Правда, Бунин относился к своему членству в РНК не так серьезно, как тот же Бурцев. Первое время писатель *честно* ходил на заседания Комитета, но затем начал систематически манкировать ими. Так, судя по сохранившимся протоколам заседаний РНК, за период с 23 июля 1921 г. по 9 марта 1923 г. Бунин посетил лишь *одно* заседание, которое состоялось 7 октября 1921 г. (ГАРФ. Ф. Р-6096. Оп. 1. Д. 1. Л. 89–91).

[7] Эта, четвертая, версия «Общего дела» выходила *пунктирно*, отдельными номерами и, как правило, с большими (иногда – продолжительностью до года и даже более) временными промежутками. Бурцев, выпускавший ее, по сути, в одиночку, в глазах эмигрантской общественности был уже не лидером, как в начале 1920-х гг., а маргиналом, изгоем.

[8] См.: *Бурцев Вл.* На старом пути // Общее дело (Пг.). 1917. Сент., 26.

[9] Некоторые современники, недоброжелательно настроенные по отношению к Бурцеву и его газете (в частности, И. Ф. Наживин), иронически называли ее «Козой коммуны» (игра слов: *cause* [koz] – коза и *commune* [общая] – коммуна).

[10] См. запись в бунинском дневнике от 6 октября 1917 г.: «Послал книгу Бурцеву (всем одно – 5–6 томы “Нивы”)» (*Бунин И. А.* Собр. соч. Т. 8. С. 46).

[11] *Бурцев Вл.* Горький в Каноссе // Общее дело. 1917. Окт., 19.

[12] См.: *Бунин И. А.* Собр. соч. Т. 8. С. 38–46.

[13] *Бурцев Вл.* Граждане! Спасайте Россию! // Общее дело. 1917. Окт., 21.

[14] См.: *Скобелев М., Знаменский Ф.* Инсинуация Бурцева // Новая жизнь (Пг.) 1917. Окт., 22 (Нояб., 4). Недовольство властей (точнее, лично Керенского) могла вызвать и анонимная заметка «Нелады во Временном правительстве», также напечатанная в № 23 «Общего дела»: ее автор прозрачно намекал на желательность *ухода* министра-председателя (См.: <*Б. п.*> Нелады во Временном правительстве // Общее дело. 1917. Окт., 21). Бурцев пытался возобновить свою газету – под слегка измененным заглавием: «Наше общее дело», – но ему удалось выпустить лишь один-единственный ее номер. Целиком посвященный большевистской угрозе, он (прямо по иронии судьбы) увидел свет 25 октября 1917 г. В тот же день по личному приказу Л. Д. Троцкого весь тираж «Нашего общего дела» был конфискован, а его издатель препровожден в Петропавловскую крепость. Таким образом, Бурцев оказался первым, кого новая власть отправила за решетку.

[15] См., например, запись от 15 (28) декабря 1919 г.: «Письмо от Назарова из Константинополя и бурцевская газета, где определенно говорится, что Петлюра –

немецкий агент» (Устами Буниных: Дневники И. А. и В. Н. Буниных и другие архивные материалы: В 2 т. / под ред. *М.Э. Грин*; вступит. ст. *Ю. В. Мальцева*. М.: Посев, 2004. Т. 1. С. 267).

[16] См.: Русские писатели о Добровольческой армии // Общее дело (Париж). 1919. Дек., 25. Источник перепечатки: Анкета «Южного слова» о Добровольческой армии // Южное слово (Одесса). 1919. Сент., 22 (окт., 5).

[17] См.: <*Б. п.*> Лекция И. А. Бунина // Последние новости (Париж). 1920. Май, 14.

[18] *Николаев Д. Д.* Миссия русского писателя (Творчество И. А. Бунина 1920–1923 гг.). С. 10.

[19] Милюков стал редактором «Последних новостей» с 1 марта 1921 г.

[20] Впрочем, то же самое можно сказать о З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковском, А. И. Куприне, Е. Н. Чирикове, А. В. Амфитеатрове, А. А. Яблоновском (Снадзском), С. В. Яблоновском (Потресове), А. Ветлугине (В. И. Рындзюне), Д. С. Пасманике и других ярчайших писателях и публицистах, имена которых до эмиграции невозможно было увидеть на одной газетной полосе.

[21] *Николаев Д. Д.* Миссия русского писателя (Творчество И. А. Бунина 1920–1923 гг.). С. 12.

[22] Бурцеву вообще был свойствен такой *социологический* подход к литературе и литераторам. Даже классическую русскую литературу он оценивал исключительно с точки зрения ее общественной значимости (пользы). Так, в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева Бурцев превыше всего ставил обличительный пафос этого произведения, а в личной и творческой биографии А. С. Грибоедова и А. С. Пушкина его интересовал главным образом факт близости обоих писателей к декабристам и т. д.

[23] Эта статистика, выявленная в результате сплошного просмотра *de visu* подшивок «Общего дела» за 1920–1922 гг., категорически опровергает утверждение А. М. Зверева (2000: 273), что Бунин не печатал в газете Бурцева «своих художественных текстов, за исключением трех стихов в № 304». См. также Приложение к данной статье.

[24] Заголовок франкоязычного варианта бунинской заметки представляет собой цитату из речи Горького, произнесенной в ноябре 1914 г. в московском Юридическом обществе: «Я боюсь, боюсь, что Россия навалится стомиллионным брюхом на Европу!» (Цит. по: *Бунин И. А.* Публицистика 1918–1953 годов. С. 64). На французский язык эта фраза была переведена следующим образом: *Je crains, je crains que les cent millions de ventres russes ne d valent sur l'Europe!* (Bounine I. (1920) Les “cent millions de ventres”. *La Cause commune*. 18 Septembre).

[25] Газетные вырезки с этими публикациями хранятся в бунинском фонде Отдела рукописей ИМЛИ (Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 3. Л. 1; Ед. хр. 6. Л. 1–1 об.). Пять вырезок со статьей о человеческих пальцах, найденных в супе, имеются также в бунинской коллекции РАЛ (MS. 1066/1176–1180). Кроме того, в личном фонде Бурцева в ГАРФ отложилась вырезка с оригинальным текстом этой статьи, содержащая следы авторской правки, с припиской (рукой Бунина): *Ivan Bounine, de l'Académie National de Russie* (ГАРФ. Ф. Р-5802. Оп. 1. Д. 151. Л. 9).

[26] В первой публикации этого письма, осуществленной О. В. Будницким (1992: 116), допущен ряд досадных искажений текста.

[27] Вероятно, Бунин имел в виду объявление о сборнике «Господин из Сан-Франциско», который был выпущен парижским издательством «Русская земля» в конце 1920 или начале 1921 г. Это объявление было напечатано в «Общем деле» 21 июня 1921 г.

[28] Переписка И. А. Бунина и В. Л. Бурцева: 1920–1933 / публ., подгот. текста, примеч. и пер. *А. В. Бакунцева* // Новый журнал (Нью-Йорк). 2015. Кн. 280. С. 178–179.

[29] Там же. С. 180.

[30] Там же.

Библиография

Бабореко А. К. Бунин: Жизнеописание. М.: Молодая гвардия, 2004.

Бакунцев А. В. (а) «Почему я вообще мало печатаюсь у Вас?..» К истории сотрудничества И. А. Бунина в рижской газете «Сегодня» (1921–1933) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2009. № 3. С. 145–155.

Бакунцев А. В. (б) «Такие факты не забываются и не проходят бесследно...» И. А. Бунин и рижская газета «Сегодня» в 1933–1938 гг. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2009. № 5. С. 212–224.

Бакунцев А. В. Лекция И. А. Бунина «Великий дурман» и ее роль в личной и творческой судьбе писателя // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2011 / отв. ред. *Н. Ф. Гриценко*. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2011. С. 17–44.

Бакунцев А. В. И.А. Бунин на страницах одесской печати в годы Гражданской войны // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2014. № 5. С. 55–71.

Бакунцев А. В. «В газетах – Блок, Блок, Блок...»: Отклик И. А. Бунина на смерть А. А. Блока // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2015. № 3. С. 100–114.

Бакунцев А. В. Иван Бунин – несостоявшийся редактор газеты «Южное обозрение» // Литературный факт. 2017. № 4. С. 124–142. DOI 10.22455/2541-8297-2017-4-124-142 УДК 821.161.1

Бакунцев А. В. Публицистические выступления И. А. Бунина во франкоязычной прессе 1920–40-х гг. // И. А. Бунин: от века XX к веку XXI: Материалы юбилейной всероссийской (с международным участием) научной конференции (20–21 сентября 2018 г.). Елец: Елецкий гос. ун-т им. И. А. Бунина, 2018. С. 15–21.

Блюм А. В. Цензура о раннем Бунине // Рус. лит. 1970. № 3. С. 131–133.

И. А. Бунин. Литература о жизни и творчестве. Материалы к библиографии (1892–1999) / сост. *Т. М. Двинятина, А. Я. Лапидус* // И. А. Бунин: pro et contra / сост. *Б. В. Аверина, Д. Риникера, К. В. Степанова;* коммент. *Б. В. Аверина, М. Н. Виролайнен, Д. Риникера;* библиогр. *Т. М. Двинятиной, А. Я. Лапидус*. СПб: Рус. Христ. гуманит. ин-т, 2001. С. 847–1011.

Владимир Бурцев и его корреспонденты / сост., вступ. ст. *О. В. Будницкого* // Отечественная история. 1992. № 6. С. 110–122.

Гордиенко Т. В. И. А. Бунин – автор «Нового журнала» // Русская словесность. 2005. № 5. С. 26–29.

«Грустны твои вести...»: Письма И. А. Бунина к А. М. Федорову / публ., подгот. текстов, вступит. ст., коммент. *А. К. Бабореко* // Наше наследие. 1994. № 32. С. 68–79.

«Если хотите меня печатать, терпите»: И. А. Бунин / публ. и примеч. *О. А. Коростелева* и *М. Шрубы*; вступит. ст. *О. А. Коростелева* // «Современные записки» (Париж, 1920–1940): Из архива редакции: В 4 т. / под ред. *О. Коростелева* и *М. Шрубы*. М.: НЛО, 2012. Т. 2. С. 697–932.

Зверев А. М. «Общее дело» // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940: В 4 т. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 2: Периодика и литературные центры. С. 271–277.

«Знаем, что на подъем Вы не очень легки...»: Письма П. Н. Милюкова к И. А. Бунину, 1921–1937 гг. / публ., подгот. текста, вступит. ст. и коммент. *А. В. Бакунцева* // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2016 / отв. ред. *Н. Ф. Гриценко*. М.: Дом русского зарубежья имени А. Солженицына, 2016. С. 376–405.

Иван Алексеевич Бунин. Библиография первых изданий в газетах, журналах, литературно-художественных альманахах и сборниках (1887–1987) / сост. *Й. Кржесалкова*, сост. указателей *М. Ржегакова*. Прага: Нац. библиотека Чешской Республики; Славянская библиотека, 2011.

Из творчества И. А. Бунина эпохи гражданской войны / вступ. ст. и публ. *Г. Д. Зленко* // Филологические записки (Воронеж). 1995. Вып. 4. С. 22–33.

Кондратенко А. Бунин – сотрудник «Орловского вестника» // И. А. Бунин и мировой литературный процесс: Материалы международной науч. конференции, посвященной 130-летию со дня рождения писателя, 20–22 сентября 2000 г. Орел, 2000. С. 106–112.

Кравченко А. А. Журнал «Современные записки» в творческой судьбе Ивана Бунина // Филologos. 2017. № 33. С. 28–35.

Крыжицкий С. Жизнь и творчество И. А. Бунина в эмиграции // Русская литература в эмиграции: сб. ст. / под ред. *Н. П. Полторацкого*. Питтсбург: Отд. слав. языков и литератур Питтсбургского ун-та, 1972. С. 107–120.

Летопись жизни и творчества И. А. Бунина / сост. *С. Н. Морозов*. М.: ИМЛИ, 2011. Т. 1 (1870–1909).

Летопись жизни и творчества И. А. Бунина / сост. *С. Н. Морозов*. М.: ИМЛИ, 2017. Т. 2 (1910–1919).

Мальцев Ю. В. Бунин. Франкфурт-на-Майне; М.: Посев, 1994.

«...Наша культура, отраженная в капле...»: Письма И. Бунина, Д. Мережковского, З. Гиппиус и Г. Адамовича к редакторам парижского «Звена» (1923–1928) / публ. *О. А. Коростелева* // Минувшее: Ист. альманах. СПб: Atheneum; Феникс, 1998. Вып. 24. С. 123–165.

Петрова Т. Г. «Последние новости» // Литературная энциклопедия Русского зарубежья. 1918–1940: В 4 т. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 2: Периодика и литературные центры. С. 319–329.

Риникер Д. «Простить вас, "доведших страну до Учредительного собрания", никак не могу»: Иван Бунин и журнал «Современные записки» // Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940): сб. ст. и материалов / под ред. *О. Коростелева*, *М. Шрубы*. М.: НЛО, 2010. С. 120–128.

Notes

Anketa "Yuzhnogo slova" o Dobrovol'cheskoy armii [Questionnaire of "The Southern word" about Volunteer army] (1919) *Yuzhnoe slovo,* 22 Sept. (5 October). (In Russian)

Baboreko A. K. (2000) Glagol vremen [Word of times]. In Bunin I. A. *Sobranie sochineniy*. Moscow: Moskovskiy rabochiy Publ. Vol. 8. (In Russian)

Bakuntsev A. (ed.) (2015) Perepiska I. A. Bunina i V. L. Burtseva: 1920–1933 [The correspondence of I.A. Bunin and V.L. Burtsev: 1920–1933]. *Novyy zhurnal* 280. (In Russian)

Blyum A. (1968) Bunin i "Yuzhnoe obozrenie" [Bunin and "Southern review"]. *Druzhba narodov* 7. (In Russian)

Bounine I. (1920) Les "cent millions de ventres" ["Hundred million bellies"]. *La Cause commune*, 18 Sept. (In French)

Bunin I. A. (1975, 1982) *Pod serpom i molotom* [Under a sickle and a hammer]. London (Canada): Zarya Publ. (In Russian)

Bunin I. A. (1990) *Okayannye dni. Vospominaniya. Stat'i* [Damned days. Memoirs. Articles]. Moscow: Moskovskiy rabochiy Publ. (In Russian)

Bunin I. A. (1997) *Velikiy durman* [Great dope]. Moscow: Sovershenno sekretno Publ. (In Russian)

Bunin I. A. (1998, 2000) *Publitsistika 1918–1953 godov* [Journalism of 1918–1953]. Moscow: IMLI RAN Publ., Nasledie Publ. (In Russian)

Bunin I. A. (2000) *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Moscow: Moskovskiy rabochiy Publ. Vol. 8. (In Russian)

Bunin I.A. (2001) *Sochineniya: "Noch' otrecheniya"* [Works: "Night of renunciation"]. Moscow: Lakom-kniga Publ. (In Russian)

Burtsev V. (1917) Gor'kiy v Kanosse [Gorky in Canossa]. *Obshcheye delo*, 19 Oct. (In Russian)

Burtsev V. (1917) Grazhdane! Spasayte Rossiyu! [Citizens! Save Russia!]. *Obshcheye delo*, 21 Oct. (In Russian)

Burtsev V. (1917) Na starom puti [On the old way]. *Obshcheye delo*, 26 Sept. (In Russian)

Department of manuscripts of A. M. Gorky Institute of the world literature of the Russian Academy of Sciences. Fund 3. Inventory 4. Unit of storage 3. (In Russian)

Department of manuscripts of A. M. Gorky Institute of the world literature of the Russian Academy of Sciences. Fund 3. Inventory 4. Unit of storage 6. (In Russian)

Grin M. E. (ed.) (2004) *Ustami Buninykh: Dnevniki I.A. i V.N. Buninykh i drugie arkhivnye materialy* [Bunin's lips: I. A. and V. N. Bunin's diaries and other archive materials]. Moscow: Posev Publ. Vol. 1. (In Russian)

Kryzhitskiy S. (1975, 1982) Zamolchannyy Bunin [Concealed Bunin]. In Bunin I. A. *Pod serpom i molotom*. London (Canada): Zarya Publ. (In Russian)

Lektsiya I. A. Bunina [I. A. Bunin's lecture] (1920) *Poslednie novosti*, 14 May. (In Russian)

Lipin B. (ed.) (1993) Bunin v "Yuzhnom slove" [Bunin in "The Southern word"]. *Zvezda* 9. (In Russian)

Mal'tsev Y. (1983) Zabytye publikatsii Bunina [The forgotten Bunin's publications]. *Kontinent* 37. (In Russian)

Nelady vo Vremennom pravitel'stve [Disagreement in Provisional government] (1917) *Obshcheye delo*, 21 Oct. (In Russian)

Nikolaev D. D. (2001) Missiya russkogo pisatelya (Tvorchestvo I. A. Bunina 1920–1923 gg.) [Mission of the Russian writer (I. A. Bunin's Creativity 1920–

1923)]. In I. A. Bunin *Sochineniya: "Noch' otrecheniya"*. Moscow: Lakom-kniga Publ. (In Russian)

Russkie pisateli o Dobrovol'cheskoy armii [The Russian writers about Volunteer army] (1919) *Obshcheye delo*, 25 Dec. (In Russian)

Skobelev M., Znamenskiy F. (1917) Insinuatsiya Burtseva [Insinuation of Burtsev]. *Novaya zhizn'*, 22 Oct. (4 November). (In Russian)

State archive of the Russian Federation. Fund R-5802. Inventory 1. Case 151. (In Russian)

State archive of the Russian Federation. Fund R-6096. Inventory 1. Case 1. (In Russian)

Vasilevskaya O. (1997) Otverzhennaya Rossiya [Outcast Russia]. In I. A. Bunin *Velikiy durman*. Moscow: Sovershenno sekretno Publ. (In Russian)

References

Baboreko A. K. (2004) *Bunin: Zhizneopisanie* [Bunin: Biography]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ. (In Russian)

Baboreko A. K. (ed.) (1994) "Grustny tvoi vesti...": Pis'ma I.A. Bunina k A. M. Fedorovu ["Your Messages are Sad ...": I.A. Bunin's Letters to A. M. Fedorov]. *Nashe nasledie* 32: 68–79. (In Russian)

Bakuntsev A. V. (2009 a) "Pochemu ya voobshche malo pechatayus' u Vas?..": K istorii sotrudnichestva I.A. Bunina v rizhskoy gazete "Segodnya" (1921–1933) ["Why Do You Publish Me so Little?..": to the History of I. A. Bunin's Contribution to the Riga Newspaper Segodnya (1921–1933)]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika* 3: 145–155. (In Russian)

Bakuntsev A. V. (2009 b) "Takie fakty ne zabyvayutsya i ne prokhodyat bessledno...": I.A. Bunin i rizhskaya gazeta «Segodnya» v 1933–1938 gg. ["Such Facts are not Forgotten and Do Not Pass Completely...": I.A. Bunin and the Riga Newspaper Segodnya in 1933–1938]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika* 5: 212–224. (In Russian)

Bakuntsev A. V. (2011) Lektsiya I.A. Bunina "Velikiy durman" i ee rol' v lichnoy i tvorcheskoy sud'be pisatelya [I.A. Bunin's Lecture "The Great Dope" and Its Role in the Writer's Personal and Creative Destiny]. In *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ya imeni Aleksandra Solzhenitsyna, 2011* [Yearbook of the Alexander Solzhenitsyn House of Russian Emigration, 2011]. Moscow: Dom russkogo zarubezh'ya imeni A. Solzhenitsyna Publ. Pp. 17–44. (In Russian)

Bakuntsev A. V. (2014) I.A. Bunin na stranitsakh odesskoy pechati v gody Grazhdanskoy voyny [I.A. Bunin on the Pages of the Odessa Press in the Years of the Civil War]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika* 5: 55–71. (In Russian)

Bakuntsev A. V. (2015) "V gazetakh – Blok, Blok, Blok...": otklik I. A. Bunina na smert' A. A. Bloka ["In newspapers – Blok, Blok, Blok ...": I. A. Bunin's Response to the Death of A. A. Blok]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika* 3: 100–114. (In Russian)

Bakuntsev A. V. (ed.) (2016) "Znaem, chto na pod"em Vy ne ochen' legki...": Pis'ma P. N. Milyukova k I. A. Buninu, 1921–1937 gg. ["We Know That You Are Not Really Quick off the Mark...": P. N. Milyukov's Letters to I. A. Bunin, 1921–

1937]. In *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ya imeni Aleksandra Solzhenitsyna, 2016* [Yearbook of the Alexander Solzhenitsyn House of Russian Emigration, 2016]. Moscow: Dom russkogo zarubezh'ya imeni A. Solzhenitsyna Publ. Pp. 376–405. (In Russian)

Bakuntsev A. V. (2017) Ivan Bunin – nesostoyavshiysya redaktor gazety "Yuzhnoe obozrenie" [Ivan Bunin as a Might-Have-Been Editor of the Yuzhnoye Obozreniye Newspaper]. *Literaturnyy fakt* 4: 124–142. (In Russian). DOI 10.22455/2541-8297-2017-4-124-142 УДК 821.161.1

Bakuntsev A. V. (2018) Publitsisticheskie vystupleniya I. A. Bunina vo frankoyazychnoy presse 1920–40-kh gg. [Journalistic Works of I. A. Bunin in the French-Language Press of the 1920s–40s]. In *I. A. Bunin: ot veka XX k veku XXI: materialy yubileynoy vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoy konferentsii (20–21 sentyabrya 2018 g.)* [I. A. Bunin: from the 20th to the 21st Century: Proceedings of the Anniversary All-Russian (with International Participation) Scientific Conference (September 20–21, 2018)]. Elets: Eletskiy gosudarstvennyy universitet imeni I.A. Bunina. Pp. 15–21. (In Russian)

Blyum A. V. (1970) Tsenzura o rannem Bunine [Censorship About Early Bunin]. *Russkaya literature* 3: 131–133. (In Russian)

Budnitskiy O. V. (ed.) (1992) Vladimir Burtsev i ego korrespondenty [Vladimir Burtsev and His Correspondents]. *Otechestvennaya istoriya* 6: 110–122. (In Russian)

Dvinyatina T. M., Lapidus A. Y. (ed.) (2001) I.A. Bunin. Literatura o zhizni i tvorchestve. Materialy k bibliografii (1892–1999) [I.A. Bunin. Literature on Life and Creative Work. Materials to the Bibliography (1892–1999)]. In *I. A. Bunin: pro et contra*. St. Petersburg: Russkiy Khristianskiy gumanitarnyy institut Publ. Pp. 847–1011. (In Russian)

Gordienko T. V. (2005) I.A. Bunin – avtor "Novogo zhurnala" [I. A. Bunin as the Author of Novyi Zhurnal]. *Russkaya slovesnost'* 5: 26–29. (In Russian)

Kondratenko A. (2000) Bunin – sotrudnik "Orlovskogo vestnika" [Bunin as an employee of Orlovskiy Vestnik]. In *I. A. Bunin i mirovoy literaturnyy protsess: materialy mezhdunarodnoy nauch. konferentsii, posvyashchennoy 130-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya, 20–22 sentyabrya 2000 g* [I.A. Bunin and the Global Literary Process: Proceedings of the International Scientific Conference Devoted to the 130th Anniversary of the Writer's Birth, September 20–22, 2000]. Orel. Pp. 106–112. (In Russian)

Korostelev O. A. (ed.) (1998) "...Nasha kul'tura, otrazhennaya v kaple...": Pis'ma I. Bunina, D. Merezh-kovskogo, Z. Gippius i G. Adamovicha k redaktoram parizhskogo "Zvena" (1923–1928) ["...Our Culture Reflected in a Drop...": Letters of I. Bunin, D. Merezhkovsky, Z. Gippius and G. Adamovich to the Editors of Parisian Zveno (1923–1928)]. *Minuvshee: Istoricheskiy al'manakh* 24: 123–165. (In Russian)

Korostelev O. A., Schruba M. (ed.) (2012) «Esli khotite menya pechatat', terpite»: I. A. Bunin ["If you Want to Publish Me, Suffer": I. A. Bunin]. In *«Sovremennye zapiski» (Parizh, 1920–1940): Iz arkhiva redaktsii. T. 2* [Sovremennye Zapiski (Paris, 1920–1940): from the Editorial Archive. Vol. 2]. Moscow: Novoe literaturnoye obozreniye Publ. Pp. 697–932. (In Russian)

Kravchenko A. A. (2017) Zhurnal «Sovremennye zapiski» v tvorcheskoy sud'be Ivana Bunina [The Sovremennye Zapiski Magazine in the Creative Destiny of Ivan Bunin]. *Philologos* 33: 28–35. (In Russian)

Krzhesalkova Y., Rzhegakova M. (ed.) (2011) *Ivan Alekseevich Bunin. Bibliografiya pervykh izdaniy v gazetakh, zhurnalakh, literaturno-khudozhestvennykh al'manakhakh i sbornikakh (1887–1987)* [Ivan Alekseyevich Bunin. Bibliography of the First Editions in Newspapers, Magazines, Literary and Art Almanacs and Collections (1887–1987)]. Prague: Natsional`naya biblioteka Cheshskoy Respubliki Publ., Slavyanskaya biblioteka Publ. (In Russian)

Kryzhitskiy S. (1972) Zhizn' i tvorchestvo I.A. Bunina v emigratsii [I. A. Bunin's Life and Creative Work in Emigration]. In *Russkaya literatura v emigratsii: sbornik statey* [Russian Literature in Emigration: a collection of articles]. Pittsburg: Otdel slavyanskikh yazykov i literatur Pittsburgskogo universiteta. Pp. 107–120. (In Russian)

Mal'tsev Y. V. (1994) *Bunin* [Bunin]. Frankfurt am Main, Moscow: Posev Publ. (In Russian)

Morozov S. N. (ed.) (2011) *Letopis' zhizni i tvorchestva I. A. Bunina T. 1 (1870–1909)* [Chronicle of I. A. Bunin's Life and Creative Work. Vol. 1 (1870–1909).]. Moscow: IMLI Publ. (In Russian)

Morozov S. N. (ed.) (2017) *Letopis' zhizni i tvorchestva I. A. Bunina T. 2 (1910–1919)* [Chronicle of I. A. Bunin's Life and Creative Work. Vol. 2 (1910–1919).]. Moscow: IMLI Publ. (In Russian)

Petrova T. G. (2000) "Poslednie novosti" ["The Latest News"]. In *Literaturnaya entsiklopediya Russkogo zarubezh'ya. 1918–1940. T. 2: Periodika i literaturnye tsentry* [Literary Encyclopedia of the Russian Abroad. 1918-1940. Vol. 2: Periodicals and Literary Centers]. Moscow: ROSSPEN Publ.. Pp. 319–329. (In Russian)

Riniker D. (2010) "Prostit' vas, 'dovedshikh stranu do Uchreditel'nogo sobraniya', nikak ne mogu": Ivan Bunin i zhurnal "Sovremennye zapiski" ["I Cannot in Any Way Forgive You 'Who Brought the Country to the Constituent Assembly'": Ivan Bunin and the Sovremennye Zapiski Magazine]. In *Vokrug redaktsionnogo arkhiva "Sovremennykh zapisok»" (Parizh, 1920–1940): Sbornik statey i materialov* [Around the Editorial Archive of Sovremennye Zapiski (Paris, 1920-1940): a collection of articles and materials]. Moscow: Novoe literaturnoye obozrenie. Pp. 120–128. (In Russian)

Zlenko G. D. (ed.) (1995) Iz tvorchestva I.A. Bunina epokhi grazhdanskoy voyny [From I.A. Bunin's Creative Work in the Era of the Civil War]. *Filologicheskie zapiski* 4: 22–33. (In Russian)

Zverev A. M. (2000) "Obshchee delo" [Obshchee Delo]. In *Literaturnaya entsiklopediya russkogo zarubezh'ya. 1918–1940. T. 2: Periodika i literaturnye tsentry* [Literary Encyclopedia of the Russian Abroad. 1918-1940. Vol. 2: Periodicals and Literary Centers]. Moscow: ROSSPEN Publ. Pp. 271–277. (In Russian)

Поступила в редакцию
26.02.2019

Поддубцев Руслан Александрович, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры истории русской литературы и журналистики, факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; e-mail: poddubtsev@gmail.com

«КАЛИШСКИЕ БЕГЛЕЦЫ»: ПОЭТЫ-ФУТУРИСТЫ В ГАЗЕТЕ «НОВЬ»

Данное исследование посвящено ежедневной газете «Новь», которую выпускал А. А. Суворин в 1914–1915 гг. Автор кратко излагает историю издания, анализирует взаимоотношения редакции и приглашенных к сотрудничеству поэтов-футуристов, а также вводит в научный оборот архивные документы. В. Маяковский и его товарищи по цеху получили возможность печататься в «Нови» после начала Первой мировой войны. В этот период на фоне патриотического подъема вражда между литературными группами несколько ослабела. Маяковскому удалось подготовить для газеты только одну страницу поэзии под названием «Траурное ура». Она вызвала полемику, которая является одним из самых ярких эпизодов в истории издания. Быстро выяснилось, что Суворин не был готов к серьезной дискуссии о словесности. Реплики Маяковского выглядели более основательно, поскольку содержали в себе не только критику оппонентов, но и положительную эстетическую программу. В понимании творчества поэт сближался с В. Шкловским и другими формалистами. Непоследовательность Суворина не способствовала росту популярности газеты. Футуристы так и остались чужими для редакционного коллектива и читателей.

Ключевые слова: *А. А. Суворин, А. Боровой, «Новь», футуризм, В. Маяковский, формализм, В. Шкловский.*

Ruslan A. Poddubtsev, PhD in Philology, Senior Lecturer at the Chair of History of Russian Literature and Journalism, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: poddubtsev@gmail.com

"KALISZ REFUGEES": FUTURIST POETS IN THE NOV NEWSPAPER

The Nov newspaper (1914 – 1915) has a short but vivid history, which is not fully understood. General information about this publication can be found in the memoirs of A. Borovoi, an anarchist and lawyer deeply immersed in the political and journalistic life of Moscow of the 1910s. The Nov newspaper is also mentioned in the fundamental work "Russian Avant-Garde" by A. Krusanov. Using archival materials, the author of this article is trying to figure out what role futurist poets played in the history of the newspaper. Nov's publisher A. A. Suvorin decided to cooperate with V. Mayakovsky and his associates after the start of the

First World War. During this period, the enmity among literary groups lessened due to a patriotic upsurge. Mayakovsky prepared only one poetic page named "The Mournful Hurrah", which caused controversy among the poets, the publisher, journalists and readers. Suvorin was not ready for a serious discussion about literature. Mayakovsky's remarks sounded more persuasive, since they contained not only criticism, but also a positive aesthetic program. In the understanding of art the poet came close to V. Shklovsky and other formalists. The reputation of the newspaper suffered because of Suvorin's inconsistency. Obviously, the futurists remained aliens to the editorial staff and readers. Their formalistic sermon looked rather strange against the background of other materials published in the newspaper.

Key words: *A. A. Suvorin, A. Borovoi, Nov, futurism, V. Mayakovsky, formalism, V. Shklovsky*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2019.114125

Введение

Газета «Новь» имеет недолгую, но яркую историю. Это издание до сих пор не было объектом пристального внимания исследователей. Общие сведения о газете можно почерпнуть из воспоминаний одного из ее ведущих сотрудников А. Борового, анархиста, юриста, глубоко погруженного в политическую и журналистскую жизнь Москвы 1910-х гг. (Боровой, 2010). Кроме того, «Новь» не раз упоминается в фундаментальном труде А. В. Крусанова «Русский авангард» (Крусанов, 2010). Существуют также важные архивные материалы, нуждающиеся в публикации. Нас интересует, какую роль в истории газеты сыграли поэты-футуристы.

Обратимся к мемуарам Борового. Вот данная им предельно краткая характеристика: «"Новь" была газетой недолговечной. Она прожила четыре, пять месяцев в 1914 г. (январь – апрель), приостановилась в связи с временными финансовыми затруднениями ее руководителя и "хозяина" – А. А. Суворина, возобновилась с началом войны, просуществовала месяца три и угасла навсегда по причинам, лежавшим уже в природе личного своеобразия самого Суворина» (Боровой, 2010: 32). Если точнее, издание выходило ежедневно с 15 января по 31 мая 1914 г. и с 15 ноября 1914 г. по 3 января 1915 г. Его тираж быстро достиг нескольких десятков тысяч экземпляров. «Новь» не придерживалась строгого направления и ориентировалась на массового читателя, проявлявшего тягу к самообразованию. Литературный отдел газе-

ты отличался консервативностью. С началом Первой мировой войны «Новь» заняла оборонческую позицию.

Летом 1914 г. заметно изменились общественные настроения. Война отодвинула на задний план интерес к искусству, в том числе к авангардной поэзии. Футуристы, как и многие другие литераторы, поначалу были охвачены патриотическим порывом. Так, В. Маяковский и В. Хлебников собирались идти добровольцами на фронт – им помешала политическая неблагонадежность. Все это на время сблизило представителей разных художественных групп, создало почву для продуктивного взаимодействия. А. В. Крусанов весьма удачно резюмирует: «Если до войны футуристы противопоставляли себя обществу, то теперь тактика противостояния и конфронтации уступила место тактике сотрудничества. И это равноправное сотрудничество свидетельствовало о том, что отношение некоторой части общества к футуризму изменилось: статус озорников и шарлатанов утратил актуальность, и футуристы были признаны в качестве деятелей искусства» (Крусанов, 2010: 484). Поэтому неудивительно, что осенью 1914 г. тексты футуристов появились в газете «Новь». Впрочем, были и более насущные причины.

Во-первых, поэтические вечера, которые устраивали В. Маяковский, Д. Бурлюк и прочие будетляне, уже не имели того коммерческого успеха, который им сопутствовал в довоенное время. Да и количество концертов сократилось. Нужно было искать новые источники заработка. А во-вторых, едва ли не решающую роль сыграл имульсивный темперамент Суворина. Еще раз процитируем Борового. Он вспоминает: «Когда началась мировая война и футуристы пели ей пламенные дифирамбы, Суворин задумал отвести поэзии в “Нови” постоянное место. Как-то обратился ко мне: “Алексей Алексеевич... Попечатаем футуристов. Нам необходимо поддерживать новые литературные течения. Поговорите с Маяковским, Большаковым, Шершеневичем... Возьмите дело на себя, будьте хозяином еженедельной футуристической страницы”» (Боровой, 2010: 36). Судя по всему, издатель рассчитывал на то, что скандальные имена привлекут новых подписчиков.

Маяковский печатался в «Нови» с 15 ноября по 29 декабря. Именно его статья «Теперь к Америкам!» стала первым выступлением футуристов в суворинской газете[1]. Хрупкое перемирие

между авангардными поэтами и публикой, о котором пишет А. В. Крусанов, было скреплено такими словами: «Теперь жизнь усыновила нас. Боязни нет. Теперь мы ежедневно будем показывать вам, что под желтыми кофтами гаеров были тела здоровых, нужных вам, как бойцы, силачей. Сделаем так, чтоб уже никто не посмел лить в наши горна воду недоверия»[2]. Рядом поместили объявление: «В газете “Новь” раз в неделю, по четвергам, будет выходить страница поэзии и литературы. Всякое произведение, имеющее свое, оригинальное, новое лицо, найдет в ней место. Рукописи присылайте: Мамоновский переулок, 12, редакция “Нови”, В. В. Маяковскому»[3]. Естественно, найти свое место на полосе могло не любое новаторское произведение. Маяковский намеревался привести в газету, прежде всего, своих товарищей по цеху.

Отклик читателей последовал мгновенно. Уже в следующем номере сотрудникам редакции пришлось объясняться. В небольшой заметке «Футуристы ли – “Новь”?!» читаем: «Нет, мы не футуристы и не футуризму мы хотим дать поддержку. Мы видим в молодых группах литературы творческие стремления, и вот им, этим творческим силам, мы хотим дать возможность говорить с эстрады, хотя бы силы эти и были – бунтующие... пока... Мы поставили условием г. Маяковскому – отсутствие приходской партийности...»[4]. Тут же было предоставлено слово виновнику смуты. В статье «И нам мяса!» Маяковский, в частности, восклицал: «Приходите! Встретим достойно каждого. Лишь бы между его глазами и жизнью не маячила тучная фигура Апухтина, лишь бы чист был язык, а не изъеден фразами “маститых”»[5].

Забегая вперед, отметим, что, помимо самого Маяковского, внимания редакции удостоились К. Большаков, Б. Пастернак, Н. Асеев и Д. Бурлюк. То есть избежать «приходской партийности» все-таки не удалось. Идея Суворина не была реализована в полной мере. Футуристы воспользовались ситуацией и выступили с серией публикаций.

18 ноября увидела свет статья Маяковского «Не бабочки, а Александр Македонский». В ней был выдвинут один из самых важных футуристических тезисов: «Цель поэта – слово»[6]. По мнению Маяковского, темы и сюжеты переходят по наследству от одной эпохи к другой. Как правило, писатель не высказывает новых мыслей, но находит уникальное выражение для старых. В понима-

нии творчества будетляне сближались с опоязовцами, которые в середине 1910-х гг. закладывали основы формализма.

Поначалу Суворин защищал Маяковского от нападок раздраженных читателей. 19 ноября он настойчиво писал: «Пусть статьи г. Маяковского только “наглость”. Однако он берется и что-то сделать нужное для литературы, для молодой литературы, сделать со своими товарищами и другою молодежью...»[7]. Вот как издатель представлял себе миссию газеты: «В белом переднике хирурга, с засученными рукавами, вымытыми руками она кладет здоровую шпанскую мушку на гнойный лишай нашей закоснелой литературщины, затянувшей дорогое ей лицо русской литературы»[8]. В действительности «Новь» не была готова к радикальным действиям. Быстро выяснилось, что Суворин не пойдет дальше банальной метафоры.

В том же номере Маяковский напечатал статью «Россия. Искусство. Мы», в которой утверждал, что поэзия футуристов вытекает «не из подражания вышедшим у “культурных” наций книгам, а из светлого русла родного, первобытного слова, из безымянной русской песни»[9]. Речь идет главным образом о произведениях Хлебникова, Крученых и других авторов, часто использовавших неологизмы и заумь. Не все будетляне были склонны к этому, но характерная тенденция выявлена Маяковским верно. Известно, что литературный модернизм черпал сюжеты, приемы и лексику из фольклора. Забытые слова звучали по-новому, рождали непривычные ассоциации.

В период с 20 по 23 ноября конфликт между футуристами и их критиками достиг кульминации. 20 ноября «Новь» напечатала единственную страницу поэзии, подготовленную Маяковским. Она называлась «Траурное ура» и была посвящена войне[10]. Футуристы приветствовали обновление мира, к которому, как им казалось, должно было привести столь масштабное вооруженное столкновение. Например, Асеев писал:

Пусть рушатся зданий камни в огне.
На растерзание пусть исказится за чертою черта
Поношенной морды мира...[11]

Интересно, что Суворин на одной из соседних страниц, в сущности, отрекся от поэтов, которых сам же поддержал: «Вы думаете, я буду защищать “Траурное ура!”? Мне кажется, слишком много старчества оплетено кругом этой молодости. В чем тут слова моло-

дой силы?»[12] Такая очевидная непоследовательность едва ли способствовала росту популярности газеты и формированию положительной репутации издателя.

Мысль Суворина о *старчестве* футуристов тут же была подхвачена. В следующем номере в рубрике «На неотложные темы» со статьей «Старички» выступил Н. Раевский. Он говорил уже не только о тех авторах, чьи фамилии появились под заголовком «Траурное ура», но и об их единомышленниках, то есть о всей эстетической группе. Раевский иронизировал: «Позвольте представить вам “молодых людей”: Большаков... Маяковский... Бурлюк... Хлебников... Пастернак...»[13]. И далее: «Да, что вы? Старички – и больше ничего. Вы родились от отцов-упадочников. Воспитались в нездоровой атмосфере фешенебельных ресторанов. И состарились, не начав жить»[14]. Творчество футуристов не напрасно соотносится здесь с творчеством символистов, непочтительно названных упадочниками. Несмотря на то что смена направлений в начале XX в. осуществлялась революционным путем, преемственность в литературном процессе все же наблюдается. Вспомним статью Н. Гумилева с показательным названием «Наследие символизма и акмеизм», опубликованную в 1913 г. в журнале «Аполлон». Футуристы, как и акмеисты, имели полное право на поэтическое наследство 1890–1900-х гг. Однако они, без сомнения, далеко не во всем пошли за отцами.

Отказав *старичкам* в художественном новаторстве, теоретической актуальности и исторической прозорливости, Раевский безапелляционно подвел итог: «Футуристов *забыли* <...> Все силы народа устремлены *к будущему*. И явятся вожди и пророки этого радостного творческого стремления. Они принесут и новые слова, сильные, яркие, задушевные, и новые чувства, и новые прозрения. Откуда придут они? Из *народа*»[15].

Перед нами противостояние консерваторов и модернистов. Парадоксальным образом литературная практика будетлян связывается не с будущим, а с прошлым. Разве не так же, прикрываясь ложным демократизмом и прибегая к грубости, советские критики позже станут бороться с формализмом, утверждая казенный реализм?

23 ноября Маяковский уверенно отвечает Суворину и Раевскому в статье «Без белых флагов». Вот его основные тезисы. Первый: «Для поэта важно не что, а как»[16]. Второй: «Надо еще показать, что

жестокость и неверность нашей речи – не косноязычие юнцов, а обдуманная измена новаторов»[17]. Третий: «Нам слово нужно для жизни. Мы не признаем бесполезного искусства»[18]. Лидер футуристов, с одной стороны, дает понять, что изначально не рассчитывал на поддержку издателя «Нови», а с другой – отмежевывается от символистов брюсовского круга, которые в поэзии ценили, прежде всего, мастерство. Маяковский, в отличие от обоих оппонентов, более основателен и теоретичен. Не ограничивась ироничными замечаниями, он излагает собственную эстетическую программу.

Днем позже Суворин подводит черту. И снова в его словах видна непоследовательность. Ранее он говорил о *старчестве* футуристов, а теперь называет стихотворение Большакова и отдельные строки из стихотворения Маяковского превосходными и завершает полемику так: «Из-за чего шум? Вы получили на четырех столбцах одно прекрасное стихотворение. Как много можно набрать толстых журнальных книжек, в которых и этого не найдется...»[19] Ясно, что Суворин не был готов к серьезной дискуссии о литературе. Его в то время гораздо больше занимали поиски так называемого *нового человека*[20]. Среди футуристов он новых людей не обнаружил и потому разочаровался. Об этом свидетельствует Боровой: «Роман с футуристами продолжался недолго. Недели через три Суворин заявил: надо покончить с футуристической страницей. Чепуха! Из-за одного хорошего стихотворения не стоит портить столько бумаги. Моя “защита” успеха не имела. Суворин охладел» (Боровой, 2010: 37). А. В. Крусанов полагает, что камнем преткновения стали деньги: «Коммерческие интересы издателя, которому приходилось считаться со вкусами публики, оказались важнее пропаганды творчества молодых поэтов» (Крусанов, 2010: 519). Как бы то ни было, стихотворные опыты футуристов перестали появляться на страницах газеты «Новь». Их место заняли более традиционные сочинения Ф. Чернова и В. Горянского. Однако провокационные статьи Маяковского по-прежнему печатались.

В номере от 27 ноября находим его очередное выступление под названием «Война и язык». Эта статья заключает в себе концептуальный посыл. Стилистически она напоминает прозу В. Шкловского, к которому апеллирует Маяковский в одном из абзацев. Главный постулат: «Каждое чувство, каждый предмет вырастает

вон из одежды слова. Одежда треплется. Надо менять»[21]. Речь идет о том, что Шкловский в знаменитой статье «Искусство как прием» называл автоматизацией и остранением. Еще один постулат – «сделать язык русским»[22]. Маяковский предлагает создавать неологизмы, опираясь на законы русского языка. И резюме: «Пересмотр арсенала старых слов и словотворчество – вот военные задачи поэтов»[23]. Сближение футуристов и формалистов бросается в глаза. Очевидно, что первые внимательно следили за деятельностью последних.

После двухнедельного молчания Маяковский публикует статью «Будетляне». Примечательно, что в ней поэт, вторгаясь на территорию издателя «Нови», размышляет о новых людях. Вероятно, это был осознанный ответ Суворину. Рожденного мировой войной человека Маяковский называет будетлянином, то есть пытается вернуть футуристам монополию на будущее. Полемизируя с Сувориным, делавшим ставку на физические упражнения и духовный рост, он прямо заявляет: «Этот новый человек не таинственный йог, за которым надо гоняться по опасной Индии; это не одинокий отшельник, для новизны бегущий в пустыню»[24]. Поэт убежден в превосходстве коллективизма над индивидуализмом: «Сознание, что каждая душа открыта великому, создает в нас силу, гордость, самолюбие, чувство ответственности за каждый шаг, сознание, что каждая жизнь вливается равноценною кровью в общие жилы толп, – чувство солидарности, чувство бесконечного увеличения своей силы силами одинаковых других. Все это вместе создает нового человека: бесконечно радостного оптимиста, непоборимо здорового!»[25].

Маяковский увереннее чувствовал себя в роли учителя жизни, чем Суворин – в роли литературного критика. В каком-то смысле последнее слово осталось за лидером футуристов. Маяковский еще дважды появлялся на страницах «Нови» со статьями. Оба текста посвящены не стихосложению, а живописи. 20 декабря напечатана статья «Как бы Москве не остаться без художников», а 29 декабря – статья «Бегом через верниссажи» (так. – *Р.П.*). Их общая идея сводится к тому, что Москве нужно учебное заведение, в стенах которого ни в чем не ограничивали бы неординарных художников. Процитируем только два небольших фрагмента. Первый: «Боритесь за создание новой свободной академии, выйдя из которой могли бы диктовать одряхлевшему Западу русскую волю, дерзкую волю Вос-

тока!»[26]. Второй: «Ежегодная чистка училища от сколько-нибудь проявляющих самостоятельность учеников сделала ученические картины или робкими классными этюдами с натурщика, или более или менее добросовестной копией с профессора»[27]. О поэзии Маяковский не говорит, но самое главное уже сказано.

Футуристам больше нечего было делать в газете Суворина. Да и самой газеты совсем скоро не стало. 29 декабря 1914 г. вышла последняя статья Маяковского, а 3 января 1915 г. – последний номер. Полемика вокруг страницы «Траурное ура» является одним из самых ярких эпизодов в истории «Нови»[28]. Маяковский в уже упоминавшейся статье «Без белых флагов» писал: «Мы для газеты – калишские беглецы»[29]. То есть иноземцы, получившие кров и защиту. Очевидно, что футуристы так и остались чужаками для редакционного коллектива и читателей. Их формалистическая проповедь выглядела странно на фоне прочих материалов.

Приложение[30]

Письмо Ю. Бочарова к А. Боровому

Января 3 дня 1915 г.

Дорогой Алексей Алексеевич!

“Великолепные нелепости” “Нови” кончились, кричим “траурное ура”!

Посылаю Вам остатки наследства – книги – и 111 руб. 25 коп. (из них 100 руб. – жалованье за 2 недели, 11 руб. 25 коп. – гонорар), полученных сегодня по Вашей доверенности в конторе.

С сегодняшнего утра, с той минуты, как “грудой пепла стал Пергам”, по пустым комнатам редакции бродят три-четыре быстро дичающих сотрудника и буйная чернь – рассыльные – ропщущая, недовольная. Кое-где стучат молотки – это сдирают со стен карты полковника Алексеева (я слышу этот стук – и нацеливаюсь на карту австрийского штаба. Знаете, в большой комнате?...)

Один только редакционный Фирс, “дедушка”, снимавший с нас пальто, сохраняет обычное настроение. Боюсь, как бы его не “забыли” здесь...

А может быть, не без задней (несомненно садистического происхождения) мысли его оставляют сторожить пустые вешалки – разле-

тится в редакцию какой-нибудь неведающий репортер, увидит пустоту – будет, по крайней мере, к кому обратиться с вопросом...

Новый стук! Кажется, судебный пристав. Или же скупщик старья. Так пока до свиданья! Буду звонить по телефону.

А знаете, что больше всего удивляет меня – не то, что мы кончились, нет! – до сих пор мне не звонила наша общая знакомая. Представьте!

Ваш Ю. Бочаров.

Мой поклон Эмилии Васильевне[31].

Примечания

[1] Фактически сотрудничество с Суворинym началось раньше. 12, 13 и 14 ноября Маяковский опубликовал три заметки в приложении «Утренний телефон газеты “Новь”».

[2] *Маяковский В. В.* Теперь к Американам! // Новь. 1914. Ноябрь, 15.

[3] Там же.

[4] Футуристы ли «Новь» // Новь. 1914. Ноябрь, 16.

[5] *Маяковский В. В.* И нам мяса! // Там же.

[6] *Маяковский В. В.* Не бабочки, а Александр Македонский // Новь. 1914. Ноябрь, 18.

[7] *Порошин А.* Листки журналиста // Новь. 1914. Ноябрь, 19. Суворин публиковался под псевдонимом Алексей Порошин.

[8] Там же.

[9] *Маяковский В. В.* Россия. Искусство. Мы // Там же.

[10] См.: Траурное ура // Новь. 1914. 20 нояб. На странице было помещено пять стихотворений («Бельгия» Большакова, «Мама и убитый немцами вечер» Маяковского, «Артиллерист стоит у кормила» Пастернака, «Разрубленное, как вы» Асеева, «Доверие героям» Д. Бурлюка), а также рассказы «Давно прошедшее» Маяковского и «Кисть и штык» Д. Бурлюка (под псевдонимом Д. Михневич).

[11] Там же.

[12] *Порошин А.* Листки журналиста // Там же.

[13] *Раевский Н.* На неотложные темы // Новь. 1914. Ноябрь, 21.

[14] Там же.

[15] *Раевский Н.* Указ. соч.

[16] *Маяковский В.* Без белых флагов // Новь. 1914. Ноябрь, 23.

[17] Там же.

[18] Там же.

[19] *Порошин А.* Листки журналиста // Новь. 1914. Ноябрь, 24.

[20] В 1914 г. выходит второе (дополненное) издание книги Суворина «Новый человек». См.: *Суворин А. А.* Новый человек. – СПб: Новый человек, 1914.

[21] *Маяковский В. В.* Война и язык // Новь. 1914. Ноябрь, 27.

[22] Там же.

[23] Там же.

[24] *Маяковский В. В.* Будетляне // Новь. 1914. Дек., 14.

[25] Там же.

[26] *Маяковский В. В.* Как бы Москве не остаться без художников // Новь. 1914. Дек., 20.

[27] *Маяковский В. В.* Бегом через верниссажи // Новь. 1914. Дек., 29.

[28] Об этом свидетельствует хотя бы то, что секретарь редакции Ю. Бочаров, сообщая Боровому о закрытии газеты, обыгрывает название страницы поэзии, подготовленной Маяковским. См. приложение.

[29] *Маяковский В.* Без белых флагов // Новь. 1914. Ноябрь, 23.

[30] РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 290. Л. 2-3. Предоставлено Н. А. Богомоловым.

[31] Жена А. Борового.

Библиография

Боровой А. А. Моя жизнь: Фрагменты воспоминаний // Московский журнал. 2010. № 10. С. 20–40.

Крусанов А. В. Русский авангард: 1907–1932 (Исторический обзор). В 3 т. Т. 1. Боевое десятилетие. Кн. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 514, 519.

Notes

Futuristy li «Nov» (1914) [Doubtful if Nov is Futuristic]. Nov. 16 Nov. (In Russian)

Mayakovsky V. (1914) *Begom cherez vernissazhi* [At a Run Through Vernissages] Nov. 29 Dec. (In Russian)

Mayakovsky V. (1914) *Bez belykh flagov* [Without White Flags]. Nov. 23 Nov. (In Russian)

Mayakovsky V. (1914) *Budetlyane* [Budetliane]. Nov. 14 Dec. (In Russian)

Mayakovsky V. V. (1914) *I nam myasa!* [We Want Meat, Too]. Nov. 16 Nov. (In Russian)

Mayakovsky V. (1914) *Kak by Moskve ne ostatsya bez khudozhnikov* [What if Moscow Is Left Without Artists]. Nov. 20 Dec. (In Russian)

Mayakovsky V. V. (1914) *Ne babochki, a Aleksandr Makedonsky* [Not Butterflies but Alexander the Great]. Nov. 18 Nov. (In Russian)

Mayakovsky V. V. (1914) *Rossiya. Iskusstvo. My* [Russia. Art. We]. Nov. 19 Nov. (In Russian)

Mayakovsky V. V. (1914) *Teper k Amerikam!* [And Now to Americas!]. Nov. 15 Nov. (In Russian)

Mayakovsky V. (1914) *Voyna i yazyk* [The War and the Language] Nov. 27 Nov. (In Russian)

Poroshin A. (1914) *Listki zhurnalista* [The Journalist's Notes]. Nov. 19 Nov.

Rayevsky N. (1921) *Na neotlozhnye temy* [On Urgent Issues]. Nov. 21 Nov. (In Russian)

RGALI. F. 1023. [Russian State Archive of Literature and Art. F. 1023]. (In Russian)

Suvorin A. A. (1914) Novy chelovek [A New Man]. Saint-Petersburg. (In Russian)

Traurnoye ura (1914) [The Mournful Hurrah]. Nov. 20 Nov. (In Russian)

References

Borovoy A. A. (2010) Moya zhizn: Fragmenty vospominany [My Life: Fragments of Memories]. *Moskovsky zhurnal* 10: 20–40. (In Russian)

Krusanov A. V. (2010) *Russky avangard: 1907–1932 (Istorichesky obzor)* V 3 t. T. 1. Boyevoye desyatiletiye. Kn. 2. [Russian Avant-Garde: 1907–1932 (A Historical Overview) In 3 vol. Vol. 1. The War Decade. Book 2]. Moscow: New Literary Observer Publ. Pp. 514, 519. (In Russian)

Поступила в редакцию
17.01.2019

Веред Юлия Тарасовна, студентка, факультет международной журналистики, МГИМО, Москва, Россия; e-mail: juliavered@gmail.com

ЖУРНАЛИСТЫ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДЕЯТЕЛИ КАК УЧАСТНИКИ И ПОСРЕДНИКИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА ЭМИГРАНТСКОЙ РОССИИ И ФРАНЦИИ В 1920-Х ГГ.

В статье рассматривается взаимодействие французской элиты и представителей русской эмиграции, в частности литературных деятелей, в сфере журналистики и публицистики. Научная новизна данного исследования заключается в привлечении не изученного до этого иноязычного материала. Впервые предпринята попытка анализа франкоязычных статей русских публицистов, появившихся во французских и франкоязычных периодических изданиях. Цель исследования – выявить, насколько активно развивалось сотрудничество русских эмигрантов с обществом принимающей страны и привело ли оно к усилению позиций русской диаспоры в глазах французов, а также к укоренению антисоветских настроений во Франции. Французская сторона была заинтересована в культурных контактах с эмигрантами, которые также искали способы взаимодействия с французской публикой. Однако активное русско-французское сотрудничество в рамках общественных организаций и органов печати не смогло предотвратить изменения внутриполитического климата в принимающей стране, результатом которого стало завершение дипломатической изоляции СССР со стороны Франции. Это привело к снижению интереса французского общества к русским эмигрантам, которые так и не смогли полностью интегрироваться в общество страны-реципиента.

Ключевые слова: *русская эмиграция, эмигранты первой волны, русская эмигрантская литература, русская эмигрантская печать, французская печать.*

Julia T. Vered, student at the Faculty of International Journalism, Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia; e-mail: juliavered@gmail.com

JOURNALISTS AND LITERARY FIGURES AS PARTICIPANTS AND MEDIATORS IN THE INTERCULTURAL DIALOGUE BETWEEN EMIGRANT RUSSIA AND FRANCE IN THE 1920-ies

The article considers the cooperation by French elite and white émigrés, i. e., literary figures, in the field of journalism and publicism are scrutinized. The relevance of this research relies on the analysis of the materials that have never been examined before – the articles of Russian émigrés published in the French press as well as in the francophone émigré press. The aim of the research is to reveal to what extent the Russian-French collaboration was compelling and whether it has resulted in the consolidation of the émigrés' image in the eyes of the French as well as in the fanning anti-Soviet flames in

France. As a result of the research conducted we found that the French were enthusiastic about Russian-French contacts, and the émigrés strived for the cooperation with French society. Russian émigrés in France were far from being ignored. Nevertheless, flamboyant Russian-French cooperation within public organisations and the press could not prevent the alterations of the interior political landscape in France that brought diplomatic isolation of the USSR by France to a halt. Thus, that led to the diminished interest in the émigrés, who proved themselves as not being able to integrate into French society.

Key words: *Russian emigration, white émigrés, Russian émigré literature, Russian émigré press, French press.*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2019.126143

Введение

В начале XX в. Октябрьская революция и Гражданская война стали потрясением для России. Они не только разделили страну на два противоборствующих лагеря, но и привели к образованию *второй* России – России за рубежом. События первых десятилетий века вызвали мощную волну эмиграции: за рубеж уехало более двух миллионов человек. Некоторые страны становились центрами русской эмиграции, где сохранялась и развивалась русская национальная культура.

Разрозненная в географическом плане, русская эмиграция поддерживала духовное единство благодаря Слову. Русский язык стал связующим элементом для всех, кому пришлось покинуть Россию. Ряд авторов полагает, что пребывавшие за границей, или, по выражению М. А. Раева, «в изгнании», русские эмигранты надеялись вернуться на родину, а стало быть, не стремились ассимилироваться с европейским обществом. Этим объясняется прохладное отношение последнего к нуждам эмигрантов (Лизунова, Лбова, 2013: 88).

В данной работе мы рассмотрим положение русских эмигрантов именно во Франции, не затрагивая других центров русской эмиграции первой волны. Следует отметить, что, несмотря на меняющееся под действием внешних факторов отношение французов к русской интеллигенции, русские эмигранты пытались хотя бы частично преодолеть свою обособленность и сформировать более или менее положительное отношение к себе страны-реципиента.

Цель этого исследования – изучить шаги, предпринятые представителями русской эмиграции для установления диалога между русскими писателями-эмигрантами и французской элитой, диалога, направленного на взаимное обогащение французской и рус-

ской – вынужденной развиваться за пределами родной страны – культуры.

Для достижения поставленной цели в настоящем исследовании были сформулированы следующие аспекты исследования:

- каким образом формировалась и укреплялась духовная доминанта русского зарубежья: национальное самосознание, отвержение большевизма;
- как эмигранты *транслировали* свои идеи во французскую среду (выпуск собственных периодических изданий, сотрудничество во французской печати);
- каких результатов достигло сотрудничество в рамках русско-французских организаций.

Актуальность проблемы обусловлена недостаточной изученностью интеллектуального и творческого вклада русского зарубежья в русскую и французскую культуру, а также жизни русской диаспоры за границей в период между двумя мировыми войнами. Если духовный вклад французской культуры в русскую не вызывает у исследователей сомнения, то обратное влияние остается сферой непознанного. Новизна представленной работы состоит в обращении к малоизученному вопросу – идейному влиянию русской диаспоры на французское общество; в привлечении нового иноязычного материала; в рассмотрении проблемы межкультурного контакта, являющейся острой и на сегодняшний день.

Современные исследователи, например Грета Слобин, Леонид Ливак (2007) и Андрей Устинов (2014), продолжают заниматься проблемой русской литературы и публицистики начала XX в. в ключе русско-французских межкультурных отношений. Также тема культурных контактов русской эмиграции и французской общественности в 1920-х гг. освещается в работах Т. В. Марченко (2008), рассматривавшей, помимо прочего, взгляд европейской критики на русскую эмигрантскую прозу, А. В. Бакунцева (2011), внесшего значительный вклад в изучение культурной жизни эмиграции, в частности через призму деятельности И. А. Бунина, и в работах Д. Д. Николаева (2015), изучавшего и творчество отдельных представителей русской эмиграции, и общие духовные ценности русской диаспоры.

В основе эмпирической базы исследования лежат публикации во французской прессе в рассматриваемый исторический период, доступные в электронном виде на портале Национальной библиотеки Франции[1], документы Комитета помощи русским писателям

и ученым во Франции, доступные на электронном портале архивов Библиотеки международной современной документации (Париж)[2], а также архивы Государственной публичной библиотеки России (русскоязычные периодические издания 1910–1920 гг.) и письма современников.

Укрепление антибольшевистских идей внутри русской диаспоры и их трансляция через эмигрантскую печать в зарубежную среду

После событий 1917 г. русские эмигранты покинули родину и оказались в разных странах Европы, Азии, Северной и Южной Америки, Магриба и даже в Австралии. Поток эмигрантов не прекращался в течение как минимум пяти лет, причем пик его пришелся на рубеж двух десятилетий, то есть на 1919–1920 гг. К наиболее крупным русским диаспорам можно отнести диаспоры Германии, Франции, Прибалтики. Также значительным центром русского рассеяния были Балканы. Начиная примерно с 1924 г. Париж стал считаться столицей русского зарубежья, приняв немалую часть интеллектуальной (в частности, литературной) элиты русского общества.

Журналист Морис Де Валеф так выразил отношение к русской интеллигенции во Франции: «Практически все российские умы останутся на некоторое время во Франции. Давайте же признаем этот факт и оценим его по достоинству!»[3].

Безусловно, русские эмигранты жили во Франции, в частности в Париже, и до 1917 г., но именно второе десятилетие XX в. стало временем, когда первая волна русских эмигрантов превратила количество в качество — сформировалась особая культурная среда русского зарубежья, с ее интеллектуальной и литературной жизнью.

В первой половине 1920-х гг. русской диаспоре были свойственны настроения объединения против общего врага – большевизма. В это время появились общеэмигрантская газета «Современные записки», стремившееся стать общеэмигрантским «Общее дело», «Последние новости», которые с 1921 г. были органом левого крыла Партии народной свободы и, соответственно, Республиканско-демократического объединения, монархистская газета «Возрождение» и т. д.

Единство русской эмиграции в культурных кругах проявлялось в откликах на памятные *литературные* даты. Первой из таких дат явилось десятилетие со дня смерти Л. Н. Толстого. Основным

приемом в статьях и выступлениях было противопоставление «России за рубежом и России большевиков, России дореволюционной и пореволюционной, России монархической и России демократической, России и Европы и т. д.» (Николаев, 2015: 19).

Элита русской диаспоры осознавала, что для упрочения своих идей необходимо заручиться поддержкой иностранных (то есть французских) коллег. Так, обеспечением российской патриотической пропаганды занимались зарубежные отделения Российского бюро печати, наиболее крупным из которых являлось парижское – телеграфное агентство В. Л. Бурцева «Унион» *(Union)*. Агентство получало сообщения из Сибири, США, Германии, Чехословакии и направляло туда собственные телеграммы. Собранная информация передавалась в крупное французское агентство «Гавас» *(Havas)*, которое распространяло ее в своих бюллетенях. Через «Гавас» информация доходила до влиятельных французских общественных, политических и культурных кругов. В ежедневной газете «Матэн» *(Le Matin)* за 28 января 1919 г. находим информационное сообщение, полученное из агентства «Гавас», которое, в свою очередь, ссылается на «Унион», – *Les socialistes d'Omsk soutiennent Koltchak*[4] («Омские социалисты поддерживают Колчака»). В другом номере газеты за 1919 г. помещена телеграмма «Униона» *Le dernier communiqué de Judenitch*[5] («Последнее коммюнике Юденича»).

Газета В. Л. Бурцева «Общее дело», с ее французской версией «Коз Коммюн» *(La Cause Commune)*, стала уникальным явлением благодаря наличию у нее прямого доступа к французской публике. «Общее дело» было главным периодическим изданием эмиграции до появления «Последних новостей» (точнее, до назначения П. Н. Милюкова редактором в феврале 1921 г.). Но, в отличие от милюковской газеты, издание В. Л. Бурцева не только способствовало объединению русского зарубежья, но и – благодаря своей французской версии – формировало у французского читателя положительное отношение к русским эмигрантам. В газете публиковались И. А. Бунин, А. И. Куприн, З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковский, Г. А. Алексинский. Наиболее важные с точки зрения редакции сообщения агентства «Унион» помещались в каждом номере еженедельника. Во франкоязычной «Коз Коммюн» 27 сентября 1919 г. размещена статья Г. А. Алексинского *L'Apologie de Korniloff* («Апология Корнилова»), а также информационные сообщения (одно – из телеграфного агентства «Руссагент», остальные – из «Униона»).

Будучи внепартийным печатным органом, газета тем не менее занимала резко антибольшевистские позиции, что было в немалой степени обусловлено личностью самого В. Л. Бурцева, который беспрестанно – не только на страницах издаваемой им газеты[6], но и в личных письмах – яростно критиковал «Совдепию»[7] (как он предпочитал отзываться о Советской России) и призывал объединиться в борьбе против большевиков[8].

Одной из знаковых публикаций, получивших широкую огласку, стало обращение Л. Н. Андреева «Спасите!». Нам доступны две русскоязычные версии этого текста: одна из них является переводом и сопровождается комментарием В. Л. Бурцева: «Русский текст статьи Л. Н. Андреева был давно нам послан, но мы его почему-то не получили <...> Я не считал себя вправе дольше ждать оригинала русского текста и дал в «Общем Деле» перевод статьи Л. Н. Андреева с английского на французский язык <...> Такие исторические документы, как «S. O. S.» Андреева, требуют того, чтоб их опубликовывали вовремя, немедленно, как только они попадают в руки тех, у кого есть печатный станок»[9]. Другая же версия, позже также опубликованная в «Общем деле», является подлинным текстом[10]. Редакцией «Общего дела» было издано несколько десятков тысяч брошюр обращения Л. Н. Андреева как на французском, так и на русском языках.

Таким образом, «Унион» и «Общее дело» вели антибольшевистскую пропаганду не только в политических элитах, но среди широких слоев населения, являясь каналами трансляции эмигрантской мысли в зарубежную среду.

Русские авторы во французских издательствах и французской прессе

Несмотря на несколько изолированное положение русской диаспоры, многие представители русской интеллигенции, прибыв во Францию, обнаружили весьма доброжелательное отношение к себе французов. Дело в том, что Первая мировая война нанесла удар по Франции, а в особенности по ее духовой жизни, и теперь французская культура искала пути взаимодействия с иными, новыми культурами. Эти поиски отмечены распространением переводных произведений, в том числе русских авторов-эмигрантов. Жан Генно писал в «Гранд Ревю» *(La Grande Revue)*: «Думается, что война также усилила интенсивность духовного обмена <...> Рус-

ских, действительно, переводят больше всего»[11]. О популярности произведений русских авторов-эмигрантов свидетельствует и тот факт, что издательский дом Боссара выпустил под руководством переводчика Хенри Монгаулта «Собрание произведений русской литературы» (*Collection des textes integraux de la littérature russe*), в которое вошли произведения И. А. Бунина, К. Д. Бальмонта, З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковского, А. И. Куприна и других авторов. В 1921 г. издательство Боссара опубликовало сборник рассказов И. А. Бунина «Господин из Сан-Франциско» и разместило в различных газетах (например, в «Меркюр де Франс»[12] и «Фигаро»[13]) объявления о публикации серии *Les chefs d'oeuvre inédits du roman modern russe*, в которую входило вышеназванное собрание произведений И. А. Бунина. Такая рекламная акция отчасти способствовала тому, что сборник пресса приняла с энтузиазмом.

Помимо того, что Боссар предоставлял авторам возможность публикации, организовывал рекламные кампании, помогающие публике узнать о современных русских писателях, последние получали и достойный гонорар.

З. Н. Гиппиус писала И. А. Бунину 17 июля 1921 г. из Висбадена, говоря о преимуществах пребывания в этом немецком городе по сравнению с Югославией, «где надо было у кого-то «гостить»: «Так вот, в смысле независимости и полной свободы (+ дешевизна), если они вам нужны на недели отдыха – здесь хорошо <...> Взяли бы у Боссара 3 тысячи (да и куда столько?), взяли бы два чемоданчика и в первый прохладный день рискнули бы»[14].

Очевидно, З. Н. Гиппиус под названной суммой имеет в виду не гонорар, а аванс. Приведенные данные позволяют составить примерное представление о материальных возможностях писателей, работавших в издательстве Боссара. Воспользовавшись конвертером[15] на сайте Национального института статистики и экономических исследований Франции, мы можем примерно оценить сумму, о которой говорит З. Н. Гиппиус, переведя ее в евро. Так, с учетом инфляции, покупательная способность 3 000 франков в 1921 г. равна 3367.71 евро в 2018 г. С учетом относительной дешевизны жизни в Германии в начале 1920-х гг., эта сумма справедливо оценена З. Н. Гиппиус как избыточная для пребывания в Висбадене.

Присутствие во Франции русской диаспоры нашло отражение и во французской современной литературе: персонажи – эмигранты из России – часто встречаются во французских произведениях рассматриваемого периода. Примером такого произведения может

послужить роман Этьена Бюрне «Вдали от икон. Роман о русской эмиграции» (1923). К этому следует добавить, что для французских граждан, инвестировавших в займы российскому правительству, свергнутому большевиками, и ждущих падения большевистского режима, дабы вернуть свои вложения, единственным авторитетным источником информации о стране, будущее которой в первой половине 1920-х гг. было неясно, были эмигранты. Поэтому нет ничего удивительного в том, что начиная с 1920 и вплоть до осени 1924 г. русские эмигранты пользовались таким расположением издательств. Следует добавить, что русские авторы-эмигранты печатались не только у Боссара, но и в таких французских издательских домах, как Алькан (*Alcan*), Кальманн-Леви (Calmann-Lévy), Арман Колен (*Armand Colin*) и Сток (*Stock*) (Livak, 2007: 26).

Что же касается периодических изданий, то журналом, который наиболее активно сотрудничал с писателями-эмигрантами, был «Меркюр де Франс», напечатавший в период с 1920 по 1925 г. большое количество эссе, рассказов, отрывков из романов, мемуаров, архивных документов и рецензий А. И. Куприна, К. Д. Бальмонта, Л. И. Шестова, С. В. Познера, И. С. Шмелева, З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковского, В. А. Маклакова, Г. А. Алексинского, Н. А. Теффи, С. С. Юшкевича, Б. В. Савинкова. В качестве примера возьмем «Меркюр де Франс» за 1 ноября 1922 г., где находим статью С. В. Познера *L'Ecole unique en Russie soviétique*[16], а также статью Г. А. Алексинского[17] в разделе сводок новостей про различные страны, в котором его тексты регулярно публиковались. Например, в 1922 г. статьи Г. А. Алексинского появлялись на страницах журнала не менее 15 раз (судя по сохранившимся выпускам). В том же году 15 июля вышла статья автора-эмигранта А. М. Горовцева *Les Raisons de la Stabilité du Pouvoir des Soviets*[18] («Причины устойчивости советской власти»), а 15 ноября – статья В. А. Маклакова *La Crise du Bolchévisme*[19] («Кризис большевизма»). «Меркюр де Франс» был правоцентристским, критиковавшим советский режим журналом, что и определило его благожелательное отношение к русским авторам-эмигрантам.

Центрами сотрудничества с русскими писателями стали также «Комедиа» *(Comoedia)*, «Эклер» *(L'Eclair)*, «Фигаро» *(Le Figaro)*, «Энтрансижан» *(L' intransigeant)* и «Попюлер» *(Le Populaire)*. С энтузиазмом принимали эмигрантов и в «Нувель литерер» *(Les Nouvelles littéraires, artistiques et scientifiques)*. В двух следующих друг за другом выпусках за 8 и 15 ноября 1924 г. был помещен весьма любопытный

опрос, посвященный французскому литературному влиянию за рубежом. Наиболее видные писатели из разных стран в форме короткого эссе отвечали на поставленные редакцией вопросы. Германию представлял Герман фон Кайзерлинг, со стороны Великобритании в опросе принял участие Бернард Шоу, французское влияние на русскую литературную традицию оценивал И. А. Бунин. В своем ответе русский писатель отметил вклад французов в развитие русской поэзии, а также негативно отозвался о современной советской литературе, «которую невозможно воспринимать всерьез»[20].

В другом литературном журнале – «Ревю де Пари» *(La Revue de Paris)* – в нескольких частях[21] напечатали рассказ А. И. Куприна «Олеся» в переводе Марка Семенова. Русские авторы публиковались также в «Ревю де Франс» *(La Revue de France)*, «Ревю де Де Монд» *(La Revue des Deux Mondes)*, «Ви де Пепль» *(La Vie des Peuples)* и «Ревю де Женев» *(La Revue de Genève)*.

Логичным было бы предположение, что политические взгляды издания предопределяют выбор авторов. Однако в первой половине 1920-х гг. среди парижских изданий только «Попюлер», будучи печатным органом социалистов, работал исключительно с социал-демократическими авторами. Для других же политические взгляды не являлись камнем преткновения в совместной работе, поскольку эмигранты из России были важны как источник информации о стране, судьба которой интересовала французского читателя. «Нувель Ревю франсез» *(La Nouvelle Revue française)*, литературный журнал левоцентристского толка, пользовавшийся большой популярностью в межвоенный период, работал с теми же авторами (Л. И. Шестов, Г. Д. Гребенщиков), что и правые издания. А на страницах коммунистической газеты «Юманите» *(L'Humanité)* был опубликован перевод[22] рассказа А. Т. Аверченко «Под лучом здравого смысла» – *Le véritable bon sens*, также выполненный Морисом Донзелем. На русском этот рассказ впервые появился в 1914 г. в сборнике[23] «Дешевая юмористическая библиотека Нового Сатирикона». Что примечательно, Морис Донзель, являясь приверженцем левых идей, постоянно сотрудничал в коммунистической «Юманите», но при этом был одним из главных популяризаторов творчества Бунина, филигранно выполняя переводы произведений великого русского писателя. Таким образом, Морис Донзель задал французским читателям вектор восприятия творчества И. А. Бунина. Что же касается политической позиции самого писателя, то, как отмечает А. В. Бакунцев, его приверженность *белой идее* «не имела никакой

«партийной окраски»: она являла собой скорее некий нравственный принцип» (Бакунцев, 2011: 29).

В 1925 г., когда французское правительство Эдуарда Эррио признало *de jure* правительство СССР, издательства встали перед выбором – публиковать советских авторов или авторов-эмигрантов, поскольку теперь для внезапно полевевшей французской публики статьи, очерки, рассказы и романы эмигрантов, повествовавшие о старой и новой России, были не так интересны и воспринимались как тенденциозные.

Русско-французское сотрудничество в рамках Комитета помощи русским ученым и писателям во Франции

Каков бы ни был интерес французского читателя к русским авторам, его невозможно объяснить лишь «особой духовной обстановкой» во Франции после Первой мировой войны и поисками культурных связей. Здесь необходимо подчеркнуть усилия самих представителей русской диаспоры, направленные на сближение с французскими коллегами.

Русская интеллигенция многим обязана Софье Григорьевне Балаховской-Пети (1870–1966) – общественной деятельнице и переводчице, супруге Эжена Пети, занимавшего должность генерального секретаря президента А. Мильерана. Именно к Софье Григорьевне обращались деятели русской культуры, дабы она походайствовала перед своим супругом, чтобы облегчить соотечественникам процесс переезда во Францию и обустройства в новой стране. Поэтому можно утверждать, что семья Пети способствовала превращению Парижа в политический и культурный центр русской эмиграции.

Финансовую поддержку представителям русской интеллигенции оказывали и различные организации, одной из которых был Комитет помощи русским писателям и ученым во Франции, основанный в 1920 г. и вплоть до 1925 г. находившийся под руководством Н. В. Чайковского. История Комитета начинается с открытия небольшой Комиссии: в 1919 г. она получает от Фонда помощи нуждающимся российским литераторам и ученым в Нью-Йорке тысячу долларов для беспроцентных ссуд ученым, литераторам и деятелям искусства. Еще в 1919 г. К. М. Оберучев, в прошлом посол России в США, будучи главой Фонда в Америке, писал: «Дело помощи нуждающимся литераторам и ученым — дело живое и ему

нужно отдать максимум энергии: ведь речь идет о спасении русской культуры, которая составляет часть культуры мировой и часть красивую и заметную» (Кельнер, Познер, 1994: 270). В 1920 г., ввиду резко увеличившегося числа русских эмигрантов в Париже, Комиссию преобразовали в Парижский комитет помощи русским писателям и ученым.

Сохранились письменные прошения о материальной помощи от различных деятелей науки и искусства: И. А. Бунина, М. А. Алданова, Л. И. Шестова, Д. С. Мережковского, М. И. Цветаевой, В. Ф. Ходасевича, И. С. Шмелева. Например, 6 января 1931 г. в Комитет пишет из Медона М. И. Цветаева: «Покорнейше прошу Комитет оказать мне посильную помощь. Муж болен (туберкулез), дочь учится и нужно платить за школу, литературного заработка никакого, — положение ужасное»[24].

Помимо финансовой помощи, Комитет концентрировал свои усилия на том, чтобы положительно настроить французское высшее общество по отношению к русским. Это делалось не только для пополнения материального фонда, но и для облегчения сотрудничества русских писателей с французскими издательствами и печатными органами. Комитет привлекал в свой состав представителей французской элиты, неравнодушных к русской культуре. Так, в 1922 г. французские члены Комитета сформировали так называемую Французскую секцию, председателем которой стал Эдуар Эррио, лидер партии радикалов и мэр Лиона. Деятельность Секции распределялась по трем сферам: содействие профессиональным ассоциациям, организация публичных выступлений в помощь эмигрантам, установление сотрудничества между авторами-эмигрантами и французской прессой. Наиболее значимыми профессиональными организациями, работавшими с Комитетом, были Общество писателей *(Société des Gens de lettres)* под началом Эдмона Арокура и Французский союз *l'Union fran aise (Association nationale pour l'expansion morale et matérielle de la France)* под руководством Анри Бергсона, Поля Готье и Эрнеста Лависса.

Из архивов[25] Комитета мы узнаем, сколь велика была роль Секции в организации совместной работы эмигрантов и французской прессы. Члены Французской секции распределялись согласно изданию, которое они представляли. Альбер Каюэ отвечал за «Иллюстрасьон» *(L'Illustration)*, Мони Сабэн – за «Аксьон насьональ» *(L'Action nationale)*, Дузе и Рипо – за «Радикаль» *(Le Radical)*. Все они стали активно сотрудничать с русскими авторами начиная с 1921 г.

Также в записях Комитета среди членов Секции значатся литературные критики Рауль Лабри и Альбер Мийо, которые должны были составлять рецензии на произведения русских авторов-эмигрантов. Включение их в состав Французской секции являлось и стратегическим шагом, поскольку от критиков зависело, будет ли представлен тот или иной русский автор-эмигрант французским читателям и будут ли фигурировать его произведения на литературном рынке.

С целью поддержки русских писателей Комитет организовывал балы, встречи, памятные вечера в честь значимых событий русской интеллектуальной и литературной жизни. Управление Комитета также отдавало себе отчет в том, что, при всем уважении к щедрости и великодушию французских коллег, ни материальная поддержка частных или публичных фондов, ни организация культурных мероприятий не могут обеспечить более или менее стабильного дохода. Тогда Комитет решился на беспрецедентный в истории межкультурных русско-французских отношений шаг – открыть издательство, которое обслуживало бы интересы и французских, и русских читателей и писателей. Однако проекту не суждено было осуществиться.

В конце 1922 г. идею создания общего издательского дома перенял Борис Шлецер, состоявший в Комитете. У писателя было достаточно связей в литературных кругах обеих стран для реализации подобного предприятия. В 1923–1925 гг. выходили переводы произведений русских классиков: А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Н. С. Лескова, А. П. Чехова. Вдохновленный коммерческим успехом этих изданий, Шлецер в 1926-1927 гг. публикует три книги Л. И. Шестова и одну П. П. Муратова, но продажи оказались меньше ожидаемых. И все же главный проект, а именно выпуск переведенных произведений русских авторов-эмигрантов, не был реализован. Дело в том, что к этому времени – в связи с признанием Францией СССР – изменилась идеологическая обстановка в стране.

Это сделало возможными в 1925 г. проекты, казавшиеся нереализуемыми еще в 1921–1923 гг. Теперь, когда будущее советского государства не представлялось французским читателям туманным, произошел резкий спад интереса к русской тематике. Более того, место русских авторов-эмигрантов во французской прессе и издательствах, склонявшихся к левым, заняли советские авторы или большевистские *изгнанники*, провозглашающие себя носителями *голоса истинной России*.

Жозеф Кессель выразил изменения в отношении французской интеллигенции к авторам-эмигрантам следующим образом: «Мы видим отголоски новой жизни в новой литературе в виде абсолютного непонимания, разделяющего авторов, оставшихся в России, и тех, кто ее покинул. Большинство последних находятся во Франции. Их имена хорошо известны. Назовем лишь ключевые фигуры: Бальмонт, Куприн, Мережковский, Шмелев и неподражаемый Иван Бунин, который, можно сказать с уверенностью, является одним из величайших ныне живущих писателей. Я не буду говорить об этих авторах, прежде всего, потому, что они более или менее известны французской публике, и особенно по той причине, что они практически ничего не создали с тех пор, как находятся в эмиграции. Что касается их творений, то они связаны с прекрасной и великой традицией, но они больше не отвечают ритму, в котором живут молодые русские писатели»[26].

Деятельность Французской секции Комитета помощи русским писателям и ученым, активно функционировавшей еще в 1924 г. (например, она организовала пушкинский вечер в Сорбонне 12 июня и благотворительный концерт в театре де Л'Этуаль 23 июня), заметно сократилась в 1925 г.

Новая обстановка привела к уменьшению участия эмигрантов в литературной и интеллектуальной жизни Франции. Прямые русско-французские контакты возобновятся лишь в 1929 г., с появлением молодого поколения русских авторов, или *младоэмигрантов*, чье жизненное и творческое становление проходило в зарубежной среде, что сделало их более адаптированными к французской жизни. Именно по инициативе молодого поколения писателей и их французских коллег-ровесников будет создана Франко-русская студия, по сути представляющая собой дискуссионный клуб, задача которого – построить диалог между русской культурной элитой в эмиграции и французскими интеллектуальными кругами.

Заключение

Духовная доминанта русского зарубежья – непринятие идей большевизма и методов их воплощения – формировалась и распространялась благодаря публицистическим выступлениям отдельных представителей русской диаспоры, в которых они обозначали свою общественно-политическую позицию; деятельности эмигрантских изданий, многие из которых отчетливо проводили антибольшевист-

скую линию; работе с французскими коллегами и французской аудиторией, благодаря публикациям на французском языке.

Русская диаспора, обосновавшаяся в разных государствах, не могла полностью интегрироваться в общество принимающей страны ввиду естественных причин: языковой барьер, отличные от принятых в стране политические взгляды, общественная позиция и т. д. Рассмотренные в работе примеры свидетельствуют о том, что предпринятые русскими эмигрантами попытки сближения с французской культурной элитой помогли на отдельных этапах наладить русско-французский диалог, что тем не менее не отменяло обособленного положения русской диаспоры.

В начале 1920-х гг. французская общественность действительно была заинтересована в культурных контактах с эмигрантами, но, как отмечает Т. В. Марченко, «особенностью «диалога» России и Запада является общее убеждение сторон в невозможности полного взаимного понимания, в такой исконной чуждости национальных характеров» (Марченко, 2008: 11).

Нами были освещены лишь отдельные эпизоды отношений между русскими эмигрантами и французами в межвоенный период, который имеет предельную важность для русской культуры в общеевропейском контексте. Вопрос русско-французского сотрудничества, закономерно отражаясь в историографии, заставляет по-новому посмотреть на вклад русской диаспоры в культурную жизнь Франции.

В процессе исследования выявилась необходимость более детального изучения франкоязычной публицистики русских писателей. Выступления русских авторов на страницах франкоязычной периодики представляют интерес не только в контексте французского газетно-журнального дискурса, но и для изучения творческого и жизненного пути отдельных авторов, взаимосвязи тем, затрагиваемых в публицистике и литературно-художественных произведениях.

Очевидно, что данная проблема требует изучения архивов франкоязычных периодических изданий с целью описания, обобщения и научной систематизации материала, без которого невозможна объективная оценка наследия русской эмиграции.

Примечания

[1] Maurice de Waleffe] (1922) Russophilie [Русофилия]. *Paris-midi*, 9 mars: 2. (In French)

[2] Les socialistes d'Omsk soutiennent Koltchak [Омские социалисты поддерживают Колчака] (1919) *Le Matin*, 28 janvier: 3. (In French

[3] Le dernier communiqué de Judenitch [Последнее коммюнике Юденича] (1919) *Le Matin*, 22 octobre 1919: 3. (In French)

[4] *Бурцев Вл.* Борьба с большевиками продолжается // Общее дело. 1920. № 66. С. 1.

[5] *Бурцев Вл.* Из жизни в Совдепии // Общее дело. 1921. № 295. С. 3.

[6] См. письмо Бурцева Деникину (Париж, 25 февраля 1938 г.). Режим доступа: http://hrono.ru/libris/lib_b/burcev_pisma.html (дата обращения: 06.02.19).

[7] *Андреев Л.* Спасите! (S.O.S.). Режим доступа: http://az.lib.ru/a/andreew_l_n/text_1919_spasite_oldorfo.shtml (дата обращения: 06.02.19).

[8] *Андреев Л.* Спасите! (S.O.S!..). // Общее дело. 1919. № 58. С. 1.

[9] JJean Guéhenno. (1924) Le goût des livres étrangers [Вкус иностранных книг]. *La Grande Revue,* 1 janvier: 511. (In French)

[10] *Le Mercure de France* (1921) 1 novembre: 892. (In French)

[11] *Le Figaro* (1921) 15 novembre: 5. (In French)

[12] Pachmuss Temira. Из архива Мережковских. // *Cahiers du monde russe et soviétique*, vol. 22, No. 4, Octobre-Décembre 1981. Pp. 417–470. (In French)

[13] Конвертер франк-евро. Национальный институт статистики и экономических исследований Франции. Режим доступа: https://www.insee.fr/fr/information/2417794 (дата обращения: 26.01.2019).

[14] Posener S. (1922) L'Ecole unique en Russie soviétique [Уникальная школа в советской России]. *Le Mercure de France* 1 novembre: 658–661. (In French)

[15] Alexinsky G. (1922) L'Affaire Urquhart [Дело Уркхарта]. *Le Mercure de France,* 1 novembre: 8470850. (In French)

[16] Gorovtzev A. (1922) Les Raisons de la Stabilité du Pouvoir des Soviets [Причины устойчивости советской власти]. *Le Mercure de France,* 15 juillet: 327. (In French)

[17] Maklakoff B. (1922) La Crise du Bolchévisme [Кризис большевизма]. *Le Mercure de France,* 15 novembre: 5. (In French)

[18] L'influence Littéraire de la France à l'Etranger [Литературное влияние Франции на зарубежье] (1924) *Les Nouvelles littéraires, artistiques et scientifiques,* 8 novembre: 1. (In French)

[19] Kouprine A. (1922) Olessia la sorcière [Олеся]. *La Revue de Paris,* 1 et 15 juin: 477–504. (In French)

Kouprine A. (1922) Olessia la sorcière [Олеся]. *La Revue de Paris,* 1 juillet: 84–112. (In French)

[20] Arkadi Avertschenko (1921) Le véritable bon sens [Под лучом здравого смысла]. *L'Humanité,* 14 juin: 2. (In French)

[21] *Аверченко А.* Под лучом здравого смысла // Дешевая юмористическая библиотека Нового Сатирикона, Выпуск 2–3. Издательство: Товарищество «Новый Сатирикон», 1914. С. 43—50.

[22] Ivan Bounine (1922) Récit de Paul [Сын]. *L'Humanité,* 3 fevrier: 2. (In French)

[23] Ivan Bounine. (1922) Récit de Paul [Сын]. *L'Humanité*, 4 fevrier: 2. (In French)

[24] *Цветаева М. И.* Письма. Режим доступа: http://www.tsvetayeva.com/letters/let_v_kom (дата обращения 05.01.2019).

[25] Correspondances et documents divers classés suivant l'ordre chronologique: Novembre-décembre 1922 [Переписка и разного рода документы в хронологической последовательности: ноябрь-декабрь 1922 года] F delta res. 832/2/11, Element 23, Fonds du Comité de secours, BDIC. (In French)

[26] J. Kessel. (1925) La nouvelle Littérature russe [Новая русская литература]. *La Revue de Paris*, 15 septembre: 310. (In French)

Библиография

Бакунцев А. В. Лекция И. А. Бунина «Великий дурман» и ее роль в личной и творческой судьбе писателя // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2011. С. 17–44.

Кельнер В. Е., Познер В. Комитет помощи русским писателям и ученым во Франции (Из архива Соломона Познера) // Russian Studies. Ежеквартальник русской филологии и культуры. СПб, 1994. Т. I. № 1. С. 269–313.

Ливак Л., Устинов А. Литературный авангард русского Парижа. 1920–1925. М.: ОГИ, 2014.

Лизунова И. В., Лбова Е. М. Диалог двух культур: французская и русская культура в контексте книжной культуры // Интерэкспо ГЕО-Сибиоб-2013: IX Междунар. науч. конгр., 15–26 апр. 2013. Новосибирск: междунар. науч. конф. «Глобал. Процессы в регион. Измерении: опыт истории и современность»: сб. материалов. Новосибирск, 2013. Т. 1. С. 87–90.

Марченко Т. В. Проза русского зарубежья 1920–1940-х гг. в европейском критическом осмыслении: нобелевский аспект (по иностранным архивам и периодике): дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2008.

Николаев Д. Д. От Толстого до Лескова: памятные «писательские» даты в русском зарубежье в I-й половине 1920-х годов // Культура русской диаспоры: знаки и символы эмиграции: сборник статей / под ред. *А. Данилевского, С. Доценко*. М.: Флинта: Наука, 2015. С. 8–29.

Livak L. (2007) L'émigration russe et les élites culturelles françaises 1920-1925. Les débuts d'une collaboration [Русская эмиграция и французские культурные элиты 1920–1925 годов. Первые шаги в сотрудничестве]. *Cahiers du monde russe* 48: 23–43. (In French)

Notes

Alexinsky G. (1922) L'Affaire Urquhart [Urquhart's Affair]. *Le Mercure de France,* 1 novembre: 847–850. (In French)

Andreev L. Spasite! (S.O.S.) [Save Our Souls!]. (In Russian). Available at: http://az.lib.ru/a/andreew_l_n/text_1919_spasite_oldorfo.shtml (accessed: 06.02.19).

Andreev L. (1919) Spasite! (S.O.S!..) [Save Our Souls!]. *Obshhee delo* 58: 1. (In Russian)

Avertschenko A. (1921) Le véritable bon sens [In the Spotlight of Common Sense]. *L'Humanité*, 14 juin: 2. (In French)

Avertschenko A. (1914) Pod luchom zdravogo smysla [In the Spotlight of Common Sense]. In *Deshevaja jumoristicheskaja biblioteka Novogo Satirikona*. Vol. 2–3 [Cheap Humorous Library of Novyi Satirikon, Vol. 2–3]. Tovarishhestvo «Novyj Satirikon» Publ. Pp. 43–50. (In Russian)

Bounine I. (1922) Récit de Paul [The Son]. *L'Humanité*, 3 fevrier: 2. (In French)

Bounine I. (1922) Récit de Paul [The Son]. *L'Humanité*, 4 fevrier: 2. (In French)

Burtsev Vl. (1920) Bor'ba s bol'shevikami prodolzhaetsja [The Fight Against Bolsheviks Continues]. *Obshhee delo* 66: 1. (In Russian)

Burtsev Vl. (1921) Iz zhizni v Sovdepii [From Life in Sovietdom]. *Obshhee delo* 295: 3. (In Russian)

Correspondances et documents divers classés suivant l'ordre chronologique: Novembre-décembre 1922 [Correspondence and Various Documents in Chronological Order: November-December 1922], F delta res. 832/2/11, Element 23, Fonds du Comité de secours, BDIC. (In French)

Franc-Euro Converter. National Institute of Statistics and Economic Studies. Available at: https://www.insee.fr/fr/information/2417794 (accessed: 26.01.2019).

Gorovtzev A. (1922) Les Raisons de la Stabilité du Pouvoir des Soviets [The Reasons for Stability of Soviet Power]. *Le Mercure de France*, 15 juillet: 327. (In French)

Jean Guéhenno. (1924) Le goût des livres étrangers [The Taste of Foreign Books]. *La Grande Revue*, 1 janvier: 511. (In French)

Kessel J. (1925) La nouvelle Littérature russe [New Russian Literature]. La *Revue de Paris*, 15 septembre: 310. (In French)

Kouprine A. (1922) Olessia la sorcière [Olesya]. *La Revue de Paris,* 1 et 15 juin: 477–504. (In French)

Kouprine A. (1922) Olessia la sorcière [Olesya]. *La Revue de Paris*, 1 juillet: 84 –112. (In French)

Le dernier communiqué de Judenitch (1919) [The Last Communique of Yudenich]. *Le Matin*, 22 octobre 1919: 3. (In French)

Le Figaro, 15 novembre 1921: 5. (In French)

Le Mercure de France, 1 novembre 1921: 892. (In French)

Les socialistes d'Omsk soutiennent Koltchak (1919) [Omsk Socialists Support Kolchak]. *Le Matin,* 28 janvier: 3. (In French)

L'influence Littéraire de la France à l'Etranger [Literary Influence of France on Emigration] (1924) *Les Nouvelles littéraires, artistiques et scientifiques*, 8 novembre: 1. (In French)

Maklakoff B. (1922) La Crise du Bolchévisme [The Crisis of Bolshevism]. *Le Mercure de France*, 15 novembre: 5. (In French)

Maurice de Waleffe (1922) Russophilie [Russophilia]. *Paris-midi*, 9 mars: 2. (In French)

Pachmuss Temira. Iz arhiva Merezhkovskih [From the Merezhkovskys Archive] (1981) *Cahiers du monde russe et soviétique* 22 (4) Octobre-Décembre: 417–470. (In French)

Posener S. (1922) L'Ecole unique en Russie soviétique [A Unique School in Soviet Russia]. *Le Mercure de France*, 1 novembre: 658–661. (In French)

See Burtsev's letter to Denikin (Paris, 25 February 1938). Available at: http://hrono.ru/libris/lib_b/burcev_pisma.html (accessed: 06.02.19).

Tsvetaeva M. I. Pis'ma [Letters]. (In Russian). Available at: http://www.tsvetayeva. com/letters/let_v_kom (accessed: 05.01.2019).

References

Bakuncev A. V. (2011) Lekcija I.A. Bunina «Velikij durman» i ee rol‘ v lichnoj i tvorcheskoj sud‘be pisatelja [Ivan Bunin’s Lecture “The Great Dope” and Its Role in the Writer’s Personal and Creative Destiny]. In *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh’ja imeni Aleksandra Solzhenicyna* [Yearbook of the Alexander Solzhenitsyn House of Russian Emigration]. Moscow: Dom russkogo zarubezh’ja imeni Aleksandra Solzhenicyna. Pp. 17–44. (In Russian)

Kel’ner V. E., Pozner V. (1994) Komitet pomoshhi russkim pisateljam i uchenym vo Francii (Iz arhiva Solomona Poznera) [Committee of Assistance to Russian Writers and Scientists in France (From Solomon Pozner’s archive)]. *Russian Studies. Ezhekvartal’nik russkoj filologii i kul’tury* I (1): 269–313. (In Russian)

Lizunova I. V., Lbova E. M. (2013) Dialog dvuh kul’tur: francuzskaja i russkaja kul’tura v kontekste knizhnoj kul’tury [The Dialogue of Two Cultures: French and Russian Culture in the Context of Book Culture]. In *Interjekspo GEO-Sibiob-2013: IX Mezhdunar. nauch. kongr., 15–26 apr. 2013 Novosibirsk: mezhdunar. nauch. konf. «Global. processy v region. izmerenii: opyt istorii i sovremennost’»: sb. materialov. Novosibirsk, Vol. 1* [Interexpo GEO-Sibiob-2013: the 9th International Scientific Conference “Global Processes in Regional Dimension: Historical Experience and Modernity”: a Collection of Proceedings. Novosibirsk, Vol. 1]. Pp. 87–90. (In Russian)

Livak L. (2007) L’émigration russe et les élites culturelles françaises 1920–1925. Les débuts d’une collaboration [Russian Emigration and French Cultural Elites of 1920–1925. The First Steps in Collaboration]. *Cahiers du monde russe* 48: 23–43. (In French)

Marchenko T.V. (2008) *Proza russkogo zarubezh’ja 1920s – 1940s. v evropejskom kriticheskom osmyslenii: nobelevskij aspekt (po inostrannym arhivam i periodike):* dis. ... d-ra filol. nauk [Prose of Russian Emigration of the 1920s–1940s in European Critical Thinking: the Nobel Aspect (based on foreign archives and periodicals): Dr. philol. sci. diss.] Moscow. (In Russian)

Nikolaev D. D. (2015) Ot Tolstogo do Leskova: pamjatnye «pisatel’skie» daty v russkom zarubezh’e v I-j polovine 1920-h godov [From Tolstoy to Leskov: Memorable “Literary” Dates in Russian Emigration in the First Half of the 1920s]. In A. Danilevskij, S. Docenko (eds.) *Kul’tura russkoj diaspory: znaki i simvoly jemigracii*: Sbornik statej [The Culture of Russian Diaspora: Signs and Symbols of Emigration: a Collection of Articles]. Moscow: Flinta, Nauka Publ. Pp. 8–29. (In Russian)

Поступила в редакцию
08.01.2019

Палахан Наттаноп, аспирант кафедры истории журналистики, Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: st059427@student.spbu.ru

ИСТОРИЯ РОССИЙСКО-ТАИЛАНДСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА СТРАНИЦАХ ТАЙСКОЙ ВЕРСИИ ЖУРНАЛА «СОВЕТСКИЙ СОЮЗ»

В статье рассматривается освещение российско-таиландских отношений в тайской версии журнала «Советский Союз» с 1978 по 1990 г., после массовых репрессий против коммунистов и левых движений в Таиланде. Проведенный контент-анализ содержания журнала и других документов позволяет сделать следующие выводы: 1) в материалах, представлявших историю взаимодействия и взаимоотношений России и Таиланда, был отражен процесс гуманизации образа Советского Союза; 2) мирное взаимодействие играло определяющую роль в отношениях между двумя странами.

Ключевые слова: *журнал «Советский Союз», холодная война, российско-таиландские отношения, историография.*

Nattanop Palahan, PhD student at the Chair of History of Journalism, School of Journalism and Mass Communications, St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; e-mail: st059427@student.spbu.ru

HISTORY OF RUSSIAN-THAI RELATIONS IN THE THAI VERSION OF THE SOVETSKY SOYUZ MAGAZINE

This research aims to study the history of Russian-Thai relations, which was featured in the Thai version of the Sovetskiy Soyuz magazine in 1978–1990 after a period of mass repressions against communists and left-wing movements in Thailand. The conducted content analysis of the magazine articles and other relevant documents makes it possible to draw the following conclusions: 1) The materials regarding the history of interaction between Russia and Thailand reflected the process of humanization of the image of the Soviet Union; 2) Peaceful cooperation played an important role in relations between the two countries.

Key words: *Sovetskiy Soyuz magazine, Cold War, Russian-Thai relations, historiography.*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2019.144162

Введение

В 2017 г. отмечалось 120-летие дипломатических отношений между Россией (СССР) и Таиландом (Сиамом), которые были установлены в 1897 г., во время визита короля Чулалонгкорна (Рамы V) в Россию по приглашению российского императора Николая II. В своем выступлении по случаю юбилейной даты министр иностранных дел Таиланда Праматвинай Дон сказал о том, что дружеские отношения между Таиландом и Россией «процветают и постоянно развиваются» *(Satan Ekakkara Ratchathoot Na Krung Moscow)*, однако складывались они порой очень противоречиво.

В течение 120 лет как в Таиланде, так и в России произошли значительные изменения в политической жизни и государственной системе. В Таиланде в 1932 г. свершилась так называемая *демократическая* революция, сменившая абсолютную монархию на конституционную. При этом роль короля как главы государства и общее политическое направление развития сохранились. Россия, где произошло несколько революций и смен политических режимов, неоднократно меняла формы правления и название высшего должностного лица государства: император, генеральный секретарь Коммунистической партии, президент. Идеологическая составляющая в значительной степени предопределяла характер отношений между Таиландом и Россией.

В Советском Союзе, официальной идеологией которого был марксизм-ленинизм, существовал строгий контроль за политической направленностью средств массовой коммуникации (Markwick, 2015: 372). Пропагандистская деятельность за рубежом являлась важной составляющей международной политики Советского Союза. После Октябрьской революции 1917 г. одним из первых ленинских декретов стал декрет о печати, реорганизовавший всю систему массовой коммуникации (Кузнецов, 2003: 74). В частности, Петроградское телеграфное агентство было преобразовано в Российское телеграфное агентство, а затем – в знаменитое во всем мире Телеграфное агентство Советского Союза (ТАСС), ставшее главным источником новостей из Советского Союза и России. Журнал «Советский Союз», основанный в 1929 г. (первоначальное название – «СССР на стройке»), стал одним из первых реализованных Советским Союзом пропагандистских проектов (Wolf, 1990: 41–42). В 1941 г. было создано Совинформбюро, которое в

условиях военного времени сконцентрировало всю полноту информации в своих руках. В 1961 г. система СМИ в СССР пополнилась еще одним информационным агентством – АПН (Агентством печати «Новости»), которое было создано несколькими общественными организациями для осуществления информационно-пропагандистской работы в зарубежных странах. АПН имело своих представителей в 85 странах мира и издавало для зарубежных читателей 51 журнал, 10 газет и 190 пресс-бюллетеней на 56 языках, общий тираж которых составлял 2,5 млн экз. (Овсепян, 1996: 136).

После смерти И. В. Сталина в международной политике Советского Союза появилась новая практика *народной дипломатии*: приоритетом стала гуманизация социалистического общества, а средства массовой информации – главным инструментом распространения новой политики. Несмотря на бóльшую открытость России внешнему миру, деятельность средств массовой информации по-прежнему оставалась в плену идеологических догм и с трудом меняла свою сущность, что отражалось на работе журналистов (Битюцкая, 2017: 644–646).

Эти противоречивые явления находили отражение на страницах тайской версии выходившего с 1951 г. журнала «Советский Союз», ставшего главным советским периодическим изданием в Таиланде. Над публикацией журнала «Советский Союз» в Таиланде работала редакция Совинформбюро, впоследствии – Агентства печати «Новости» (Puengkanthai, 1978: 287; Saraban, 1978: 4; Yimprasert, 2007: 275)[1]. С одной стороны, журнал пытался изменить сложившееся в Таиланде негативное представление о Советском Союзе: в то время слово *коммунист* в общественном сознании тайцев было равнозначно слову *террорист*[2]. Журнал стремился преодолеть этот идеологический стереотип, представить читателям другой, позитивный образ страны Советов. Однако доминирующая на страницах журнала коммунистическая идеология препятствовала изменению устоявшегося представления об СССР как стране тоталитарного режима. В Таиланде помнили, что в процессе установления дипломатических отношений главную роль сыграли тогдашние главы двух государств – король Чулалонгкорн (или Рама V) и император Николай II. Однако образ Николая II в советской историографии был представлен негативно, что не могло не отразиться в журнале (официальном периодическом издании Советского Союза в Таиланде) на трактовке истории отноше-

ний между двумя странами, так как этим представлением во многом определялись и дипломатические отношения между Таиландом и Советским Союзом.

Литература. Методология

Истории взаимоотношений России и Таиланда до распада Советского Союза в 1991 г. посвящены многие академические работы. Тема представлена в разных аспектах: история установления дипломатических отношений между Россией и Сиамом в 1897 г. (Palahan, 2018: 159–163; Soontravanich, 1973; Гузин, 1983); влияние двухсторонних дипломатических отношений на борьбу за сохранение независимости Сиама (Фирамонтри, 2016); история взаимоотношений между сиамским домом Чакри и российским домом Романовых (Pugacheva, 2009); процесс восстановления взаимоотношений между Советским Союзом и Таиландом в эпоху холодной войны (Симоненок, 2010; Settabut, 2007: 96–112); история взаимоотношений Советского Союза и Таиланда до окончания второй индокитайской войны или вьетнамской войны в 1975 г. (Puengkanthai 1978; Конорева, 2009), после окончания второй индокитайской войны (Suksawach, 1987) и в период перестройки (Ek-Uru, 1992); развитие дипломатических связей между Россией и Таиландом с 1897–1991 гг. в исследованиях тайских ученых (Poonkham, 2016); описание дипломатических делегаций России (Karchava, 1988) и Таиланда (Мельниченко, Трифонов, 2010). Эти исследования базируются на разных источниках и эмпирических материалах. Журнал «Советский Союз» на тайском языке, представляющий позицию Советского Союза по разным вопросам, является одним из главных ресурсов, изучаемых в тайскоязычных академических трудах (Soontravanich, 1973; Puengkanthai, 1978; Suksawach, 1987; Ek-Uru, 1992; Settabut, 2007; Poonkham, 2016). Однако изучение истории самого журнала, его контента, материалов о Таиланде и истории Таиланда еще не становились предметом самостоятельного исследования.

В данной статье основное внимание посвящено периоду окончания массовых антикоммунистических репрессий в Таиланде в 1976–1977 гг. и началу нормализации отношений с коммунистическими странами после смены в 1977 г. радикального правительства премьер-министра Крайвичьена Танина. Новое правительство генерала Чаманана Криангсака проводило более взвешенную поли-

тику по отношению к тайским коммунистическим движениям. Конечная точка исследования – прекращение публикации тайской версии ежемесячного журнала «Советский Союз» в 1990 г., накануне распада Советского Союза.

В процессе подготовки статьи нами было изучено 144 выпуска журнала, вышедших после масштабных репрессий против коммунизма в 1976–1977 гг. С января 1978 по декабрь 1990 г. была проанализирована 41 публикация по истории отношений между Таиландом и Россией (Советским Союзом). В рамках исследования были проведены систематизация и контент-анализ публикаций по следующим критериям – герой и время события, чтобы составить представление о том, как интерпретировались российско-тайские отношения в советской прессе. Это позволило выявить динамику в развитии отношений между Таиландом и Россией на страницах журнала «Советский Союз», выяснить, как отражалась история в текстах журнальных статьей. Был проведен текстовый анализ всех статей. Полный контент-анализ позволяет проследить межтекстовые отношения (Барт, 1989: 425–427). Помимо публикаций журнала были проанализированы дополнительные документы, например приказы правительства Таиланда.

Результат анализа

Проведенный анализ публикаций журнала по критериям героя публикации и времени события показал:

1) В журнале представлены как истории отдельных личностей, так и истории целых социальных групп.

В публикациях дается развернутая характеристика главных героев. 41,46% (17 статей) из общего числа публикаций посвящены отдельным персоналиям, сыгравшим значительную роль в развитии двухсторонних отношений. 19,51% (8 статей) посвящены историям отдельных групп. Остальные публикации (39,02%) относятся к общей истории отношений (без определенных героев).

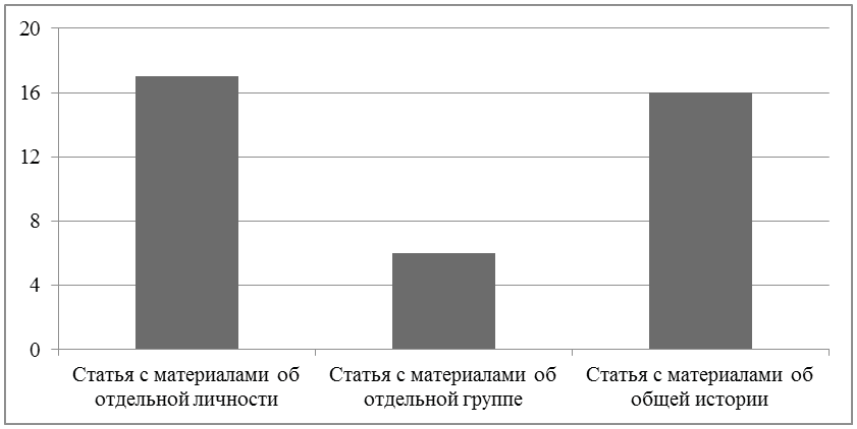

Рисунок 1. Результат классификации характеристики главных героев в публикациях о двухсторонних отношениях

При анализе публикаций мы обнаружили, что, несмотря на длительную историю отношений между двумя странами, дореволюционный период России представлен в журнале избирательно: практически отсутствуют упоминания членов императорской семьи, сыгравших определяющую роль в развитии двусторонних отношений, зато упоминаются другие известные личности – русские путешественники, дипломаты и деятели искусств, имевшие связи с Сиамом (Таиландом) в разных сферах: Н. Н. Миклухо-Маклай, А. Э. Оларовский, К. А. Вяземский, В. Я. Ерошенко, П. А. Щуровский. Роль членов тайской королевской династии в развитии дипломатических отношений между двумя странами, напротив, показана широко, отмечены члены сиамского (таиландского) королевского дома Чакри: король Чулалонгкорн (или Рама V), принц Чакрабонг (сын короля, проходивший военное обучение в Российской империи) и принц Дамронг (главный советник короля, сыгравший значительную роль в развитии двусторонних отношений).

В публикациях, содержащих информацию об общей истории, представлены различные темы: русская литература и книги о Таиланде и тайцах, история преподавания тайского языка и культуры в Советском Союзе, установление дипломатических отношений между Таиландом и Советским Союзом, развитие экономических и культурных связей между Российской империей/Советским Союзом и Таиландом. В публикациях о социальных группах, сыграв-

ших роль в развитии двухсторонних отношений, рассказывается о посещении Сиама российскими буддистами, о визите крейсера «Аврора» и его команды, о деятельности армянских торговцев и т. д.

Анализ показал, что публикации посвящены самым разным представителям российского/советского общества: монахам, военным, торговцам, путешественникам, студентам, имевшим отношение к истории двухсторонних связей между странами.

2) Политические события и изменения во взаимоотношениях между двумя странами влияли на содержание и периодичность публикаций.

Мы установили закономерную связь между количеством публикаций и характером двусторонних отношений в разные периоды истории: 63,41% (26 статей) от общего числа публикаций посвящены истории взаимодействия между двумя странами до 1917 г.; 24,39% (10 статей) посвящены истории отношений при советской власти. Остальные 12,2% (5 статьей) посвящены истории отношений и в досоветский, и в советский период. Результат анализа показывает, что до революции отношения имели более благоприятный характер и развивались без политических препятствий, как это стало впоследствии, в период холодной войны. Напоминание о дореволюционной истории могло вызвать у тайцев симпатии к преемнику Российской империи – Советскому Союзу.

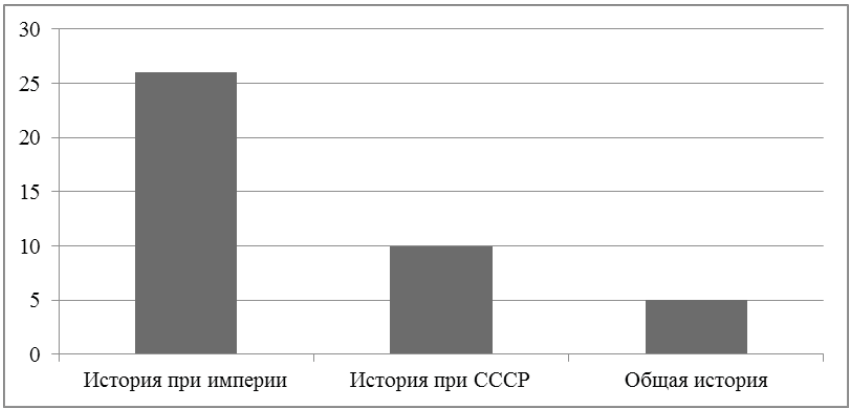

Рисунок 2. Периоды, отраженные в публикациях по истории отношений между Россией и Таиландом

Результат исследования показал, как сильно изменилось соотношение публикаций о дореволюционной России и о Советском Союзе после изменения в Таиланде политического курса. 23 апреля 1980 г. (2523 г. по буддийскому календарю) был издан приказ № 66 администрации премьер-министра[3], который знаменовал политический поворот к мирному решению конфликтов с коммунистами. Количество публикаций заметно увеличилось после обнародования этого приказа, так как он явился основанием для изменения государственной политики в отношении коммунистического движения и – шире – социалистических стран. До приказа статьи появлялись каждые два месяца (0,52 статьи в месяц), а после – только 0,23 статьи в месяц. То есть частотность публикаций по истории двусторонних отношений значительно уменьшилась, в то время как новостных сообщений о современном положении стало больше. До приказа новостных материалов выходило 0,18 статьи в месяц, после приказа – 0,55 новостной статьи в месяц. Можно заключить, что после официального поворота в государственной политике, сформировавшего более лояльное отношение к социализму, с 1980 г. взаимодействие между Советским Союзом и Таиландом стало более активным и благоприятным. Поэтому публикации об истории двусторонних отношений были заменены новостями об отношениях между Советским Союзом и Таиландом.

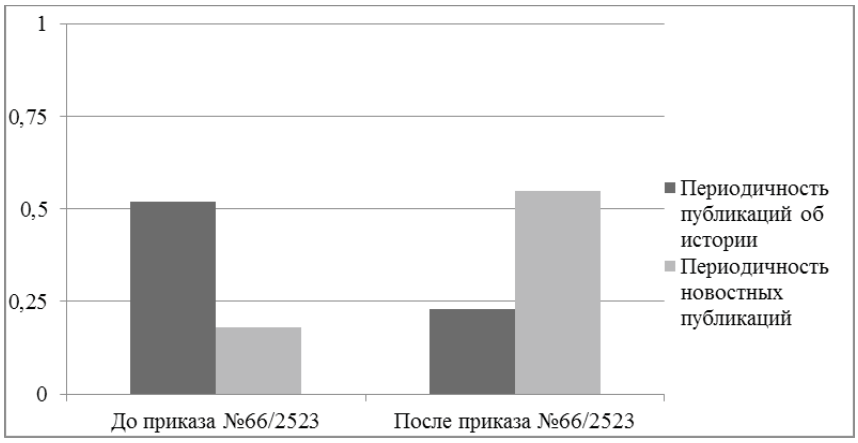

Рисунок 3. Сравнение периодичности публикаций по истории с периодичностью новостных публикаций в период до приказа № 66/2523 и после приказа № 66/2523

Вывод

Таким образом, проанализировав публикации тайской версии журнала «Советский Союз», мы пришли к следующим выводам.

1) В материалах об истории взаимоотношений России и Таиланда отразился процесс гуманизации образа Советского Союза.

В этих статьях не просто дается историческая информации, но подчеркивается положительное влияние на Таиланд политики двусторонних дипломатических отношений[4]: «Прошел 61 год после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Она – важное событие XX века. Уже в 1918 г. вышли первые декреты первого социалистического государства в мире. Самые известные из них – декрет о земле и декрет о мире. Декрет о мире – символ того, что Советский Союз с первого дня своего существования представляет всем странам новую мирную международную политику, которую будет проводить в течение 6 десятилетий.

20 ноября (3 декабря по новому стилю) 1917 г. Советское правительство заявило всем российским мусульманам и восточным странам об отмене всех несправедливых договоров императорского правительства, в частности секретных договоров, нарушающих государственность восточных народов. Такие договоры включают договор с Таиландом, подписанный в 1896 г. Это был первый случай в истории Таиланда, когда отмена несправедливых договоров происходила со стороны западной страны без всяких условий. Отмена произошла в связи с проведением новой политики нового советского правительства. На встрече в Версале (в 1919 г., после окончания Первой мировой войны) представитель Таиланда обратился к влиятельны представителям западных властей с просьбой отменить такие несправедливые договоры».

В тексте, опубликованном в октябре 1978 г. в журнале «Советский Союз» на тайском языке, представляется общая цель Советского Союза и Таиланда после Первой мировой войны – отказ от неравных и секретных договоров. При колонизации Сиам (потом Таиланд) и многие другие восточные страны должны были подписать неравные договоры с влиятельными западными странами. Такие договоры имели общие принципы: предоставление привилегий и юридическая неприкосновенность для граждан западных стран и их колоний/протекторатов в любой восточной стране, где подписан такой договор. При колонизации было подписано еще несколько секретных договоров, влиявших на государствен-

ный суверенитет колоний. Большевики проводили политику, отличающуюся от императорского режима. И Таиланд был заинтересован в отмене неравных договоров, особенно после того как оказался вместе с западными странами на стороне победителей в Первой мировой войне. Стремление показать читателям общность цели обеих стран – отказ от неравных отношений – говорило об уникальной двухсторонней дружбе и должно было вызвать у тайцев доверие и симпатию к Советскому Союзу.

По идеологическим причинам на страницах журнала «Советский Союз» замалчивается роль императорской династии Романовых в двусторонних российско-тайских отношениях, но представлены другие персоналии: великий российский путешественник и антрополог Н. Н. Миклухо-Маклай, который посещал столицу Сиама Бангкок в 1875 г. во время своего путешествия по Индонезии и острову Гвинея; А. Э. Ораловский, ставший первым посланником Российской империи в Сиаме (1897-1907 гг.); путешественник К. А. Вяземский, который посещал Сиам (провинции Сиемриеп, Бангкок и Мэсод) в 1892 г.; путешественник В. Я. Ерошенко, который посещал Сиам в 1916 г.; композитор П. А. Щуровский, написавший мелодию гимна Сиама (ныне гимн королевской семьи) в конце 1880-х г.

О каждом из этих героев есть интересная публикация. Так, в статье крупного советского таиландоведа Э. О. Берзина (Berzin, 1988: 12) рассказывается о посещении Н. Н. Миклухой-Маклаем Бангкока: «Он (Н. Н. Миклухо-Маклай) проживал среди папуасов без всякого оружия. Сначала местные жители относились к нему с недоверием и осторожностью. Многие думали, что он не сможет выжить (на о. Гвинея). Однако через несколько месяцев, когда российский корабль приплыл к нему, он оказался жив и здоров и проживал среди местных жителей. Папуасы относились к нему с любовью, так как он был бескорыстным, спокойным человеком и уважительно относился к местным жителям. Он отличался от других европейских путешественников, которые унижали местных жителей. Николай Миклухо-Маклай относился к местным жителям как к равным».

Эта статья, опубликованная в январе 1988 г., представляет собирательный позитивный образ русского человека, отличающегося от «других европейских путешественников». Но это рассказ не просто о русском путешественнике, но еще и о России как дружественной стране (Berzin, 1978: 37): «В конце XIX века сложилась

опасная для Сиама (Таиданда) ситуация. Империалистические Великобритания и Франция последовательно колонизировали соседние страны. Возникла реальная угроза независимости Сиама. Прозорливый сиамский король Рама V нашел защиту у России, не проводившей колониальную политику в юго-восточной Азии. Поэтому в 1897 г. он решил посетить столицу России Санкт-Петербург».

Как и в статье, посвященной русскому путешественнику Н. Н. Миклухо-Маклаю, Россия (Советский Союз) представляется тайской аудитории как традиционно дружественная страна.

В результате анализа мы выяснили, что большая часть публикаций посвящена истории отношений России и Таиланда до Октябрьской революции 1917 г. Редакция журнала, ставшего частью тайской службы Агентства печати «Новости», большое внимание уделяла изучению менталитета аудитории. Редакция не случайно обращалась к освещению периода правления короля Рамы V, которое в Таиланде считается золотым веком государственности (Sattayanurak, 2005: 45), благодаря административной реформе середины XIX в. и политике противостояния западной колонизации (Winichakul, 2001: 58). Текстовый анализ показал, что Россия (Советский Союз) предстает в публикациях дружественной Таиланду страной. Во время холодной войны Таиланд выступал на стороне капиталистического лагеря, поэтому в обществе преобладали антикоммунистические настроения. Самый радикальный период во внутренней политике – это 1976–1977 гг., когда в Бангкоке происходили массовые убийства коммунистов и левых активистов. И хотя в 1978 г. к власти пришло новое, *компромиссное* правительство под руководством премьер-министра генерала Чаманана Криангсака, а впоследствии генерала Тинасуланона Према, в Таиланде все еще сохранялись антикоммунистические настроения. Это отражалось и в официальной риторике. Так, в тексте приказа администрации премьер-министра (1980) Тинасуланона, определявшего новую политику после радикальных репрессий, еще употребляется слово *террорист* по отношению к коммунистам: «Пересмотревших свою позицию коммунистических террористов и тех, кто еще заблуждается, следует считать соотечественниками. Им надо разъяснять государственную политику. Им надо помогать вернуться в общество и адаптироваться к нему». Таким образом, во времена Советского Союза к коммунизму и, как следствие, к социалистическим стра-

нам в Таиланде относились преимущественно отрицательно. И хотя в 1941 г. между СССР и Таиландом были установлены дипломатические отношения, а с 1947 г. в Таиланде постоянно работала советская миссия, по результатам контент-анализа мы видим, что большая часть статей о взаимоотношениях России и Таиланда посвящена дореволюционному периоду, когда отношения между странами и королевскими семьями были дружественными и близкими.

Пропаганда оставалась важным фактором влияния на тайскую аудиторию, так как цель советских средств массовой информации за рубежом – распространение идеологически выверенной информации о Советском Союзе (Markwick, 2015: 372). В текстах тайской версии журнала «Советский Союз» расставлены прямые или косвенные идеологические акценты.

В августе 1987 г. вышла статья о путешествии Василия Ерошенко по Восточной и Юго-Восточной Азии. В ней подчеркивается большой интерес путешественника к Октябрьской революции, которая произошла в России, когда он прибыл в Мьянму[5].

«До Бирмы дошли новости о победе в России Великой социалистической революции. Ерошенко упоминал в своем дневнике: «Не желая больше терпеть гнет капиталистов и помещиков, народ опрокинул этих эксплуататоров. Сейчас властью владеют пролетарии, ставшие настоящими хозяевами страны».

Взволнованный полученными новостями, путешественник глубоко задумался о том, что, пока он наслаждался своим кругосветным путешествием, его народ решал задачи справедливого переустройства общества. Почему он является лишь наблюдателем, а не участником этих событий?».

В тексте Октябрьская революция прямо называется великим событием на Родине Ерошенко. Борьба пролетариев против капиталистов подается тайскому читателю как благо, как надежда на будущее справедливое переустройство мира, в свершении которого герою публикации не посчастливилось участвовать.

В опубликованном в январе 1988 г. тексте «Российский путешественник и этнограф в Таиланде» приводится следующее косвенное идеологическое упоминание (Berzin, 1988: 12): «Будучи человеком прогрессивных взглядов, Н. Н. Миклухо-Маклай отказался от западной псевдонаучной теории о неравенстве народов. Он доказал, что по происхождению все народы равны».

Публикации в журнале о простых россиянах, ставших хозяевами своей жизни, безусловно, оказывали идеологическое влияние на тайскую читательскую аудиторию.

2) Мирное взаимодействие играло важную роль в отношениях между двумя странами.

Хотя образ Советского Союза в статьях дается преимущественно через образы простых людей, он позволяет зарубежному читателю уловить и общую тенденцию гуманизации образа страны Советов. Кроме того, журнал не упускал случая напомнить, что важную роль в двусторонних отношениях сыграли члены королевской семьи Таиланда.

Тайское национальное самосознание утвердилось в XIX в. в связи с колонизацией страны. Главную роль в этом сыграли королевская семья и высшие чиновники. Моделью идеального национального государства им виделось иерархическое общество, главными символами которого являются нация, религия и король. После демократической революции 1932 г. четвертым символом стала конституция с идеей всеобщего равенства. Однако после поражения революции в 1947 г. и создания нового военно-монархистского правительства демократическая конституция и понятие всеобщего равенства были отвергнуты. Взамен предлагалась *демократия по-тайски* – консервативная политика нового правительства, фактически означающая возвращение к трем символам: нация, религия, король – в период холодной войны (Sattayanurak, 2005: 51–55). Эти изменения во внутренней политике Таиланда неизбежно требовали изменения контента издания, обращения к историческому материалу начального периода взаимоотношений двух стран.

Главная роль в развитии этих отношений принадлежит двум членам королевской семьи: Королю Чулалонгкорн (Рама V) и Принцу Чакрабонг – второму сыну после кронпринца Вачиравут, который потом стал королем Рамой VI. Король Чулалонгкорн был близко знаком с императором Николаем II, который был первым представителем западных династий, посетившим Бангкок в марте 1891 г. Принц Чакрабонг был первым тайцем, прошедшим обучение в России и получившим звание полковника императорской армии России. По возвращении на родину он стал начальником Генерального штаба Вооруженных сил Сиама и основателем сиамских Военно-воздушных сил.

Хотя на страницах журнала «Советский Союз» достаточно подробно представлена история членов королевской семьи Таиланда,

никто из членов русской царской семьи не упоминается, в том числе и Николай II, сыгравший ключевую роль в установлении дипломатических отношений между Россией и Таиландом. Типичным примером обезличенного описания является следующий текст[6]: «3 июля 1897 г. Король Сиама с делегацией под руководством принца Сават (Кроммапра Сават) и принца Джира (Кроммамын Накорнчайси Сурадет) прибыл на специальном поезде в город Петергоф, где на берегу Балтийского моря, невдалеке от Санкт-Петербурга, находилась летняя императорская резиденция. Почетный караул приветствовал высоких гостей. После приема король и его делегация остались гостить во дворце Петергофа».

В тексте, опубликованном в ноябре 1979 г., упоминаются имена всех членов сиамской королевской династии, сыгравших роль в истории установления дипломатических отношений между императорской Россией и Сиамом, но нет ни одного упоминания членов российской императорской семьи. Есть только «императорский летний дворец», «императорские гости», но нет самого императора.

Необходимо отметить, что количество публикаций по истории значительно снизилось после приказа премьер-министра Таиланда 1980 г. Вместо исторических материалов в тайской версии журнала «Советский Союз» после апреля 1980 г. стали появляться статьи о современном состоянии отношений между Советским Союзом и Таиландом. В связи с изменениями в отношении к социалистическим движениям и государствам заметно увеличилось число новостей о текущих двусторонних отношениях и связанных с этим событиях.

Заключение

Средства массовой информации являются инструментом воздействия на общественное мнение. Журнал «Советский Союз» на тайском языке содержал значительный объем идеологической информации. Статьи по истории отношений между Россией и Таиландом тщательно отбирались с учетом задач, которые ставил перед собой Советский Союз во внешней политике и в освещении вопросов истории России. Результат проведенного контент-анализа и текстового анализа показывает, что тематика и характер публикаций зависели от политического и идеологического состояния двусторонних отношений в каждый конкретный период. Конкретные пропагандистские задачи, стоявшие на повестке дня, объясняют замалчивание конкретных имен и событий, существовавшую в редакции цензуру и

самоцензуру. В целом же проведенный анализ показывает, что публикации журнала способствовали гуманизации образа Советской страны в глазах тайского читателя, создавали более благоприятное представление о России и россиянах как в исторической ретроспективе, так и в перспективе развития отношений между двумя странами.

Примечания

[1] «Самнаг Талэнгкхао Совет» (название «Совинформбюро» на тайском языке) в Таиланде впервые упоминялось в 1949 г. Первым тайским редактором «Совинформбюро» стал левый активист Суконтапиром Супат, работавший переводчиком в посольстве Советского Союза в Таиланде с 1948 г. (Yimprasert, 2007: 275). После образования АПН в 1961 г. это тайское название еще сохранялось в качестве названия АПН на тайском языке без изменения (Saraban, 1978: 4). Журнал «Советский Союз» впервые упоминался в Таиланде в 1951 г. (Puengkanthai, 1978: 287).

ТАСС – История [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tass.ru/history, свободный. Доступен: 15.11.2018. Загл. с экрана.

[2] «Пхугоганрай Коммунист» (Коммунистический террорист) на тайском языке (Khamsang Samnaknayok Rattamontree Thee 66/2523 Rueng Nayobaikantosu Puer Aochana Kommiunist, 1980).

[3] Khamsang Samnaknayok Rattamontree Thee 66/2523 Rueng Nayobaikantosu Puer Aochana Kommiunist, 1980.

[4] Sahaphap Soviet-Prathes Thai: Khanton Khong Khwampuammue, 1978.

[5] Vasili Yerochenko Naksamruaj Tawan-ok Chaorussia, 1987: 42.

[5] Phraphutthachaoluang Sadetpraphas Russia, 1979: 45.

Библиография

Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / пер. с фр. *Г. К. Косикова*. М: Прогресс, 1989.

Битюцкая В. В. Советская информация за границей: особенности работы ТАСС в условиях «железного занавеса» // Вестн. СПбГУ. Язык и литература. 2017. №14 (4). С. 643–649. DOI: https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2017.411

Гузин А. С. Русско-сиамские отношения в 1863–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Москва, 1983.

Конорева И. А. Индокитайский регион во внешней политике СССР (1943–1976): дис.... докт. ист. наук. Тамбов, 2009.

Кузнецов И. В. История отечественной журналистики (1917–2000). М: Флинта, 2003.

Мельниченко Б. Н., Трифонов С. Е. Король Чулалонгкорн в России. СПб: Консульство Королевства Таиланд в СПб, 2010.

Овсепян Р. П. История новейшей отечественной журналистики (февраль 1917 – начало 90-х годов): учеб. пособие / под ред. *Я. Н.Засурского*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996.

Симоненок А. В. Советско-таиландские отношения (1940-е гг.-1991 г.): дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2010.

Фирамонтри Р. Роль императора Николая II в борьбе за сохранение независимости Сиама. Бангкок: Центр изучения России университета им. короля Чулалонгкорна, 2016.

Berzin E. O. (1978) Chaofa Chakkraphong nai Russia [Prince Chakrabongse in Russia]. *Nitayasan Sahaphap Soviet* 3: 37. (In Thai)

Berzin E. O. (1988) Nakderntang Chaorussia kab Nakchattiphanwannana Nai Prathes Thai [Russian Traveller and Anthropologist in Thailand]. *Nitayasan Sahaphap Soviet* 1: 12–13. (In Thai)

Ek-Uru W. (1992*) Khwamsamphan Rawang Thai lae Sahaphap Soviet 1985–1991: Saraniphon Rattasat Mahabandit Sakha Kantangprathes lae Kanthoot* [Soviet-Thai Relations in 1985-1991: MA in Political Science Dissertation]. Bangkok: Faculty of Political Science of Thammasat University. (In Thai)

Karchava A. A. (1988) *90 pee Khwamsamphan Thangkanthoot Russia-Thai* [90 years of Russian-Thai Diplomatic Relations]. Bangkok: Borphit. (In Thai)

Markwick R. D. (2015) Censorship and Fear: Historical Research in the Soviet Union. *Groniek. Historisch Tijdschrift* 46 (201): 371–386.

Palahan N. (2018) Khlongphap Khontangpasa (The Poem of Different Nationalities): The Image and Perception of Russia in the Mid-Nineteenth Century in Thai Poetry. In E. M. D`yakonova, N. V. Zaxarova, V. A. Ivanova, N. S. Frolova (eds.) *Vostochny`e chteniya. Religii. Kul`tury`. Literatury`. V Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya. 15-16 noyabrya 2018 g. Sbornik materialov* [Oriental Readings. Religions. Cultures. Literatures. The 5th International Scientific Conference. November 15–16, 2018. A collection of proceedings]. Moscow: IMLI RAN. Pp. 159–163.

Poonkham J. (2016) *Withesphanitsamphan Susongkhramyen: Khwamsamphan rawang Prathes Thai kab Russia (1897-1991)* [From Foreign and Commercial Relations to the Cold War: Relations between Thailand and Russia (1897–1991)]. Bangkok: Chulalongkorn University Publishing House. (In Thai)

Puengkanthai T. (1978) *Latthi Khommiunist lae Nayobaitortan Khongratthabanthai: Wittayanipon Aksornrasat Mahabandit Sakha Prawattisat* [Communism and the Royal Thai Government's Anti-communist policy: MA in History Dissertation]. Bangkok: Faculty of Arts of Chulalongkorn University. (In Thai)

Pugacheva E.V. (2009) *The Significance of personal contacts between the Russian imperial family and the royal court of Siam in the late 19th–early 20th centuries: MA in Southeast Asian Studies Dissertation*. Bangkok: Graduate School of Chulalongkorn University.

Sattayanurak S. (2005) Kansang 'Khwampenthai' Krasaelak lae 'Khwamjing' tee 'Khvampenthai' sang [The Construction of Mainstream 'Thainess' and the 'Truth', constructed by 'Thainess']. *Fahdiewkan Magazine* 3 (4): 40–67. (In Thai)

Settabut N. (2007) Thai kab Sahaphab Soviet sathapanakanthootkan konruelang songkhramlok? [Thailand and the Soviet Union reinstated their relations before or after World War II?]. *Sinlapawattanatham Magazine* 28 (10): 96–112. (In Thai)

Soontravanich C. (1973) *Khwamsampan Rawang Prathes Russia lae Prathes Thai Tangtae Plaisatawatthee Sipkao tueng Tonsatawatthee Yisib: Wittayanipon Aksornrasat Mahabandit Sakha Prawattisat* [Russo-Siamese relations from the

late 19th century to the early 20th century: MA in History Dissertation]. Bangkok: Faculty of Arts of Chulalongkorn University. (In Thai)

Suksawach P. (1987) *Uppasak naikhwamsampan rawang Thai kap Sahaphap Soviet naiyuk langsongkhram indojeen krangteesong: Wittayanipon Rattasat Mahabandit Sakha Kvamsampanrawangprathes* [Obstacles in Thai-Soviet relations after the Second Indochina War: MA in Political Science Dissertation]. Bangkok: Faculty of Political Sciences of Chulalongkorn University. (In Thai)

Winichakul T. (2001) Pravattisatthai baebrachachatniyom: Jakyuk Ananikhomamphrang Surachachatniyommai ruelatthisadetpho khongchonchankradumphee naiphatchuban [Thai Royal-nationalist History: From Hidden Colonialism to Neo-Nationalism, or the Cult of King Rama V among Contemporary Thai Bourgeoisie]. *Sinlapawattanatham Magazine* 23 (1): 56–65. (In Thai)

Wolf E.M. (1990) *USSR in Construction: From Avant-garde to Socialist Realist Practice: PhD in History of Art Dissertation*. Michigan: University of Michigan. 432 p.

Yimprasert S. (2007) *Phaenchingchartthai: Waduairat laekantortanrat Samai Chomphon Por Phibunsongkhram Khrangtheesong* [The Plan to seize Thailand: On State and Anti-state Movements in the Second Tenure of Field Marshal P. Pibunsongkhram's Premiership]. Bangkok: Hok Tularamruek. (In Thai)

Notes

Khamsang Samnaknayok Rattamontree Thee 66/2523 Rueng Nayobaikantosu Puer Aochana Kommiunist, 1980. [Order of the Administration Office of the Prime Minister No. 66/2523 on the Policy of Struggle Against Communism, 1980]. (In Thai)

Phraphutthachaoluang Sadetpraphas Russia [The Visit of King Rama V to Russia] (1979) *Nittayasan Sahaphap Soviet* 11: 45. (In Thai)

Sahaphap Soviet-Prathes Thai: Khanton Khong Khwampuammue [The Soviet Union and Thailand: the Process of Cooperation] (1978) *Nitayasan Sahaphap Soviet* 10: 1, 19. (In Thai)

Saraban [Contents] (1978) *Nitayasan Sahaphap Soviet* 1: 4. (In Thai)

Satan Ekakkara Ratchathoot Na Krung Moscow. Khokhwamsan Sadaengkwamyindi Chak Rattamontriwakan Krasuangkantangprathes Nuengnai Okas Khrobrob 120 pee Khwamsamphan Thangkanthoot Thai-Russia [Congratulatory Messages from Ministers of Foreign Affairs on the Occasion of the 120th Anniversary of Thai-Russian Relations]. (In Thai). Available at: http://www.thaiembassy.org/moscow/th/news/80261-.html (accessed: 11.11.2018).

Vasili Yerochenko Naksamruaj Tawan-ok Chaorussia [Vasily Eroshenko, Russian Traveller to the East] (1987) *Nitayasan Sahaphap Soviet* 8: 41–42. (In Thai)

References

Bart R. (1989) *Izbranny'e raboty'. Semiotika. Poe'tika* [Selected Works. Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress. (In Russian)

Berzin E. O. (1978) Chaofa Chakkraphong nai Russia [Prince Chakrabongse in Russia]. *Nitayasan Sahaphap Soviet* 3: 37. (In Thai)

Berzin E. O. (1988) Nakderntang Chaorussia kab Nakchattiphanwannana Nai Prathes Thai [Russian Traveller and Anthropologist in Thailand]. *Nitayasan Sahaphap Soviet* 1: 12–13.

Bityuczkaya V. V. (2017) Sovetskaya informaciya za granicej: osobennosti raboty` TASS v usloviyax «zheleznogo zanavesa» [Soviet Information Abroad: the Work of TASS under the "iron curtain"]. *Vestnik SPbGU. Yazy'k i literatura* 14 (4): 643–649. (In Russian). DOI: https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2017.411

Ek-Uru W. (1992*) Khwamsamphan Rawang Thai lae Sahaphap Soviet 1985–1991: Saraniphon Rattasat Mahabandit Sakha Kantangprathes lae Kanthoot* [Soviet-Thai Relations in 1985–1991: MA in Political Science dissertation]. Bangkok: Faculty of Political Science of Thammasat University. (In Thai)

Firamontri R. (2016) *Rol` imperatora Nikolaya II v bor'be za soxranenie nezavisimosti Siama* [The Role of Emperor Nicholas II in the Struggle for Maintaining Siam's Independence]. Bangkok: Centr izucheniya Rossii universiteta im. korolya Chulalongkorna. (In Russian)

Guzin A. S. (1983) *Russko-siamskie otnosheniya v 1863–1917 gg.:* dis. ... kand. ist. nauk [Russian-Siamese Relations in 1863–1917: PhD hist. sci. diss.] Moscow. (In Russian)

Karchava A. A. (1988) *90 pee Khwamsamphan Thangkanthoot Russia-Thai* [90 years of Russian-Thai Diplomatic Relations]. Bangkok: Borphit. (In Thai)

Konoreva I. A. (2009) *Indokitajskij region vo vneshnej politike SSSR (1943–1976):* dis. ... d-ra. ist. nauk [The Indo-Chinese Region in the USSR's Foreign Policy (1943–1976): Dr. hist. sci. diss.] Tambov. (In Russian)

Kuzneczov I. V. (2003) *Istoriya otechestvennoj zhurnalistiki (1917–2000)* [History of Russian Journalism (1917–2000)]. Moscow: Flinta. (In Russian)

Markwick R.D. (2015) Censorship and Fear: Historical Research in the Soviet Union. *Groniek. Historisch Tijdschrift* 46 (201): 371–386.

Mel`nichenko B. N., Trifonov S. E. (2010) *Korol` Chulalongkorn v Rossii* [King Chulalongkorn in Russia]. SPb: Konsul`stvo Korolevstva Tailand v SPb. (In Russian)

Ovsepyan R. P. (1996) *Istoriya novejshej otechestvennoj zhurnalistiki (fevral` 1917 – nachalo 90-x godov):* ucheb. posobie [History of Recent Russian Journalism (February 1917 – the Early 1990s): a Study Guide]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta. (In Russian)

Palahan N. (2018) Khlongphap Khontangpasa (The Poem of Different Nationalities): The Image and Perception of Russia in the Mid-Nineteenth Century in Thai Poetry. In E. M. D`yakonova, N. V. Zaxarova, V. A. Ivanova, N. S. Frolova (eds.) *Vostochny'e chteniya. Religii. Kul'tury`. Literatury`. V Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya. 15-16 noyabrya 2018 g. Sbornik materialov* [Oriental Readings. Religions. Cultures. Literatures. The 5th International Scientific Conference. November 15–16, 2018. A collection of proceedings]. Moscow: IMLI RAN. Pp. 159–163.

Poonkham J. (2016) *Withesphanitsamphan Susongkhramyen: Khwamsamphan rawang Prathes Thai kab Russia (1897–1991)* [From Foreign and Commercial Relations to the Cold War: Relations between Thailand and Russia (1897–1991)]. Bangkok: Chulalongkorn University Publishing House.

Puengkanthai T. (1978) *Latthi Khommiunist lae Nayobaitortan Khongratthabanthai: Wittayanipon Aksornrasat Mahabandit Sakha Prawattisat* [Communism and the Royal Thai Government's Anti-Communist Policy: MA in History dissertation]. Bangkok: Faculty of Arts of Chulalongkorn University.

Pugacheva E.V. (2009) *The Significance of Personal Contacts Between the Russian Imperial Family and the Royal Court of Siam in the Late 19th – Early 20th centuries: MA in Southeast Asian Studies diss*. Bangkok: Graduate School of Chulalongkorn University.

Sattayanurak S. (2005) Kansang 'Khwampenthai' Krasaelak lae 'Khwamjing' tee 'Khvampenthai' sang [The Construction of Mainstream 'Thainess' and the 'Truth', Constructed by 'Thainess']. *Fahdiewkan Magazine* 3 (4): 40–67. (In Thai)

Settabut N. (2007) Thai kab Sahaphab Soviet sathapanakanthootkan konruelang songkhramlok? [Thailand and the Soviet Union Reinstated Their Relations Before or After World War II?]. *Sinlapawattanatham Magazine* 28 (10): 96–112. (In Thai)

Simonenok A.V. (2010) *Sovetsko-tailandskie otnosheniya (1940-e – 1991 g.):* dis. ... kand. ist. nauk [Soviet-Thai Relations (the 1940s–1991): PhD hist. sci. diss.] Vladivostok. (In Russian)

Soontravanich C. (1973) *Khwamsampan Rawang Prathes Russia lae Prathes Thai Tangtae Plaisatawatthee Sipkao tueng Tonsatawatthee Yisib: Wittayanipon Aksornrasat Mahabandit Sakha Prawattisat* [Russo-Siamese Relations from the Late 19th Century to the Early 20th Century: MA in History dissertation]. Bangkok: Faculty of Arts of Chulalongkorn University.

Suksawach P. (1987) *Uppasak naikhwamsampan rawang Thai kap Sahaphap Soviet naiyuk langsongkhram indojeen krangteesong: Wittayanipon Rattasat Mahabandit Sakha Kvamsampanrawangprathes* [Obstacles in Thai-Soviet Relations after the Second Indochina War: MA in Political Science Dissertation]. Bangkok: Faculty of Political Sciences of Chulalongkorn University. (In Thai)

Winichakul T. (2001) Pravattisatthai baebrachachatniyom: Jakyuk Ananikhomamphrang Surachachatniyommai ruelatthisadetpho khongchonchankradumphee naiphatchuban [Thai Royal-Nationalist History: From Hidden Colonialism to Neo-Nationalism, or the Cult of King Rama V among Contemporary Thai Bourgeoisie]. *Sinlapawattanatham Magazine* 23 (1): 56–65. (In Thai)

Wolf E. M. (1990) *USSR in Construction: From Avant-garde to Socialist Realist Practice: PhD in History of Art dissertation*. Michigan: University of Michigan.

Yimprasert S. (2007) *Phaenchingchartthai: Waduairat laekantortanrat Samai Chomphon Por Phibunsongkhram Khrangtheesong* [The Plan to Seize Thailand: on State and Anti-State Movements in the Second Tenure of Field Marshal P. Pibunsongkhram's Premiership]. Bangkok: Hok Tularamruek. (In Thai)

Поступила в редакцию
20.12.2018

ЗАРУБЕЖНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА

Чикишев Николай Анатольевич, редактор 2-й категории кафедры истории и правового регулирования отечественных СМИ, факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; e-mail: kuormasto@gmail.com

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЦИФРОВОЙ АУДИТОРИИ ВО ФРАНЦИИ (ОБЗОР ОТРАСЛЕВЫХ ДОКЛАДОВ)

Интернет-сфера во Франции сегодня переживает настоящую цифровую революцию: распространение цифровых инструментов для доступа к Сети кардинально изменяет потребление французской аудитории. Расширение мобильной и уменьшение фиксированной связи, использование различных гаджетов, растущая компьютеризация населения напрямую влияют на практики поведения французов в Сети. Данная работа представляет собой обзор и анализ французских отраслевых докладов и призвана охарактеризовать современное состояние французской интернет-аудитории. Выводы исследования говорят о расширении использования мобильных технологий во Франции и повышении цифровой грамотности пользователей, появлении феномена «триединого» использования гаджетов и внимании французов к безопасности своих личных данных.

Ключевые слова: *Интернет, аудитория, гаджеты, мобильная связь, фиксированная связь, цифровизация.*

Nikolai A. Chikishev, Editor of the 2nd category at the Chair of History and Legal Regulation of Domestic Media, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: kuormasto@gmail.com

CURRENT STATE OF THE DIGITAL AUDIENCE IN FRANCE (A REVIEW OF INDUSTRY REPORTS)

Over the past fifteen years, the digitalization of French society has been rapid and steady. Against the background of the growing number of digital devices in the world, France is one of the leaders in the rate of Internet penetration. Digitalization affects all spheres of French society, especially the sphere of mobile and fixed communication. The substantial growth in the use of mobile phones and smartphones leads to an increase in the consumption of mobile communication and the Internet. For this reason, the phenomenon of "three devices" appears. Nowadays French people do not limit themselves to the possession of one gadget with Internet access: most of them use a computer, a smartphone and a tablet. This research paper characterizes the current state of the digital audience in France and shows the main tendencies that affect the pace of digitalization. The basic data are borrowed from au-

thoritative reports provided by the French institutes studying the Internet sphere. The conclusion of the study sets out the tendencies that are typical of French users nowadays: the growth of mobile communication, the reduction in the share of fixed communication, the growth of digital literacy, the involvement of the French in social networks, the spread of online shopping and the e-government system.

Key words: *the Internet, audience, gadgets, mobile communication, fixed communication, digitalization.*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2019.163183

Введение

Сегодня Интернет стал коллективным достоянием и *инфраструктурой свободы* – пространством для выражения собственного мнения, точкой доступа к знаниям и умениям и их обмену, местом привлечения инноваций. Многогранный опыт пользователей становится объектом пристального изучения исследователей: Глобальная сеть стала играть решающую роль в повседневной жизни граждан. В данной работе проведен анализ основных отраслевых докладов, статья призвана охарактеризовать современное состояние цифровой аудитории Франции, ее ценность заключается в формулировании тенденций, связанных с поведением французских пользователей в Сети: современные данные не только позволят показать развитие цифровой среды во Франции, но также могут стать подходящим материалом для дальнейшего анализа цифровой аудитории различных стран, в том числе и России.

Под цифровой аудиторией мы понимаем всех потребителей сети Интернет, пользующихся различными гаджетами: компьютерами, смартфонами, планшетами и т. п. Цифровая среда – это данные, закодированные в двоичной системе, на основе которых создаются алгоритмы и программное обеспечение для телекоммуникационных сетей, в первую очередь Интернета. Цифровизация – это процесс распространения цифровой среды на все сферы общественной жизни. Наконец, цифровая революция – это переход от аналоговых технологий к цифровым, коренные изменения, связанные с широким распространением информационно-коммуникационных технологий. В своей работе мы ограничимся национальными аспектами развития цифровой среды и аудитории и обратимся к результатам цифровой революции во Франции.

Исследованиям тенденций, происходящих в цифровой среде Франции, посвящены некоторые работы отечественных ученых. В первую очередь, это работы М. В. Захаровой (2010, 2012, 2018), Л. В. Шарончиковой (2009, 2012), И. В. Кирия (2005). Среди зарубежных работ следует отметить исследования Н. Джексона и Д. Лиллекера (Jackson, Lilleker, 2013), М. Форнерино (Fornerino, 2003), С. Ваккари (Vaccari, 2008), Е. Морганти (Morganti, 2014) и др.

В обстоятельной работе И. В. Кирии показаны особенности развития Интернета в Европе на начальном этапе становления Сети. Уже в 1990-х гг., несмотря на отставание от США, страны ЕС, особенно Северной Европы, показали бурный рост цифровой аудитории. Франция находилась в конце европейского рейтинга. Исследователь называет Францию «сравнительно отсталой в области развития интернета». По данным на 2005 г., «менее четверти жилищ во Франции (22,4%) имели доступ к интернету, притом что в конце 2000 г. эта цифра не превышала 17%». Таким образом, «Франция серьезно отстает от среднеевропейского уровня (29%). Компьютер установлен лишь в 32,5% квартир, что также существенно отстает от европейского уровня – 39%»[1]. Как мы увидим в дальнейшем, Франции удалось преодолеть отставание и нарастить темпы цифровизации.

Работы М. В. Захаровой (2012) и Л. В. Шарончиковой (2009) посвящены, в первую очередь, вопросам развития медиа, однако они также уделяют внимание процессу распространения Интернета во Франции. По данным 2012 г., «Франция находится на 4-м месте в рейтинге 10-ти европейских стран-лидеров по количеству пользователей интернета (1-е место в Европе занимает Германия – 65,1 млн пользователей, 2-е место – Россия с 59,7 млн, 3-е место – Великобритания с 51,4 млн). Из 65 млн французов 45,2 млн человек пользуются интернетом»[2]. Таким образом, положение Франции на европейском цифровом рынке упрочилось.

Отдельной темой исследований является избирательный процесс: этому посвящены работы М. В. Захаровой (2018), Н. Джексона и Д. Лилликеллера (Jackson, Lilleker, 2013), С. Ваккари (Vaccari, 2008). Все они указывают на важность изучения не только политического устройства французского государства, но и влияния Интернета на избирательный процесс. Растущая цифровизация изменяет и политические предпочтения французов, и их поведение в Сети. В этом ключе интересен подход М. Форнерино (Fornerino, 2003), который предлагает рассматривать явления

цифровой революции целостно и выделяет несколько направлений для изучения: степень распространения Сети, доля мобильного и фиксированного Интернета, социально-демографические показатели пользователей (возраст, образование, уровень дохода и т. д.), практики их поведения онлайн. Благодаря изучению этих направлений мы можем сформировать целостную картину развития Интернета во Франции.

Методика данной работы заключается в компиляции и реферировании источников, их систематизации и обобщении, авторской интерпретации и критической оценке отраслевых докладов французских институтов, ответственных за цифровую сферу во Франции: в первую очередь, это *ARCEP* (*Autorité de Régulation des Communications Électroniques et des Postes* – Регулирующий орган электронных и почтовых сообщений), *CGE* (*le Conseil général de l'économie* – Генеральный экономический совет), *AN* (*L'Agence du Numérique* – Цифровое агентство) и *CRÉDOC* (*Centre de recherche pour l'étude et l'observation des conditions de vie* – Исследовательский центр изучения и наблюдения за условиями жизни). На основе анализа этих докладов мы сможем сформулировать выводы об уровне цифровизации французского общества.

Целью данной работы является характеристика цифровой аудитории современной Франции. Для этой цели необходимо решить несколько исследовательских задач, а именно: представить, насколько сегодня использование Интернета распространено во французском обществе; описать способы использования Сети с помощью различных гаджетов; выявить социально-демографические показатели французской цифровой аудитории и практики поведения пользователей в Интернете. Гипотезой можно считать предположение о том, что растущая цифровизация французского населения приводит к изменению пользования цифровыми инструментами и практик поведения пользователей в Сети.

Французская аудитория и Интернет

По оценкам многих исследований, к 2020 г. количество используемых устройств, подключенных к Интернету, будет варьироваться от 26 до 80 млрд[3]. Хотя эти цифры следует принимать с осторожностью, они являются показательными и предвещают значительное увеличение использования Интернета во всех сферах жизни. Поэтому сегодня для понимания кардинальных изменений

в цифровой среде важно отслеживать тенденции использования и распространения Интернета – как качественные, так и количественные.

Например, французы сегодня в среднем проводят 18 часов в неделю в Интернете (и 20 – перед телевизором)[4]. В настоящее время большую часть трафика во Франции составляет использование сторонних сервисов, например просмотр онлайн-видео, что привело к постоянному и регулярному увеличению общего трафика (фиксированного и мобильного) примерно на 20% в год[5]. Эти данные соотносятся с мировыми трендами. Начиная с 2015 г. наблюдается уверенный прирост общего *IP*-трафика, который на 2020 г., по данным *Cisco*, составит 19% для фиксированных линий и 53% для мобильного Интернета[6]. Таким образом, процессы конвергенции и цифровизации показывают, что сегодня Интернет становится прямым и главным конкурентом других типов медиа, в первую очередь телевидения, в борьбе за внимание потребителя.

На протяжении последних пятнадцати лет цифровизация французского общества происходит быстрыми и устойчивыми темпами. Цифровая жизнь охватывает подавляющее большинство французов: доля пользователей Интернета во Франции продолжает расти и достигла в 2015 г. 83,8% об общего числа населения (55 429 382 чел.)[7]. 76% населения ежедневно проводят время в Сети. 12% французов никогда не подключались к Интернету, подавляющее большинство из них 60 лет и старше[8]. Объемы цифровизации, нарастающие в последние годы, – это результат длительной программы информатизации французского общества, которая была начата еще в конце 1960-х гг. Пристальное внимание французского правительства к цифровым технологиям и преодоление постоянного *отставания* принесло свои плоды: сегодня большинство французских граждан пользуются Интернетом.

Девять из десяти французов подключаются к Интернету не реже одного раза в неделю. Однако существуют некоторые различия в потреблении у разных возрастных групп: среди молодого поколения (до 25 лет) каждый заявляет, что подключается к Интернету. Самая уязвимая группа в этом смысле – пожилые люди (70 лет и старше): лишь половина из них проводит время в Сети, однако за последние два года их количество увеличивается. Доля пользователей Интернета также увеличивается с размером семьи: все французы, состоящие в домохозяйствах из пяти и более человек, имеют доступ к Интернету. Уровень дохода не коррелирует напрямую с

частотой пользования Сетью, поскольку восемь из десяти французов с низкими доходами все-таки являются интернет-пользователями[9]. Самые активные потребители – французы моложе 40 лет, девять из десяти говорят, что подключаются к Интернету каждый день независимо от способа или места подключения[10]. Возрастные характеристики пользователей также существенно влияют на практики их поведения в Сети, о которых мы скажем позднее. Стоит заметить, что сегодня проблема цифрового неравенства в первую очередь касается социально уязвимых групп, и идеология свободного доступа, которой придерживаются французские власти, подразумевает дополнительную поддержку тех, кто испытывает трудности с цифровой коммуникацией: это создание точек свободного бесплатного доступа, организация обучающих курсов, регулирование тарифов и стоимости сервисов и т. п.

Мобильная и фиксированная связь

Использование мобильной телефонии сегодня преобладает над стационарной линией. 94% французов пользуются мобильным телефоном, и только 86% имеют фиксированную телефонную связь. Этот разрыв продолжает увеличиваться, поскольку стационарная телефония продолжает терять пользователей, доля же фиксированного подключения к Интернету остается той же на протяжении уже двух лет (85%)[11]. В то время как восемь из десяти человек в возрасте от 18 до 39 лет имеют стационарный телефон, пожилые люди (70 лет и старше) почти все оснащены оборудованием дома (96%). Размер домашнего хозяйства влияет на владение стационарным телефоном: одинокие люди менее оснащены, чем хозяйства, состоящие из нескольких человек (77% одиноких людей против 93% семей, состоящих из пяти и более человек). Однако у большинства людей, не имеющих стационарной телефонной линии, есть мобильный телефон (95%)[12]. Итак, у всего населения в возрасте от 12 лет и старше 1% людей не имеет ни фиксированной телефонной линии, ни мобильного телефона[13].

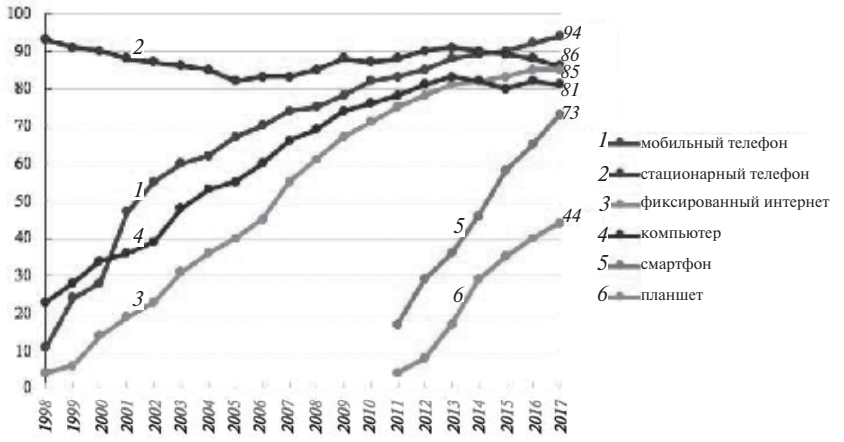

Рисунок 1. Использование телефонии, гаджетов и Интернета дома (в %)

Источник: CRÉDOC, исследования Conditions de vie et Aspirations

В целом, 66% французского населения имеют доступ к Интернету – либо к фиксированному домашнему, либо к мобильному. 19% имеют только фиксированный, и 5% – только мобильный. 10% французов не имеют ни мобильного, ни фиксированного доступа, однако эта доля постепенно сокращается. Заметно увеличение доли тех, кто пользуется обоими способами или только мобильным Интернетом, причем в первом случае – на 9% за прошедший год[14].

Подобные изменения легко объясняются увеличением скорости мобильного Интернета и его портативностью: 71% французов со смартфонами против 29%, которые используют только стационарный телефон. И все-таки 80% французского населения имеют как мобильный, так и стационарный телефон. Такая ситуация тесно связана с характеристиками домохозяйств и уровнем жизни пользователей: вероятность иметь оба вида связи повышается с увеличением размера домохозяйства[15].

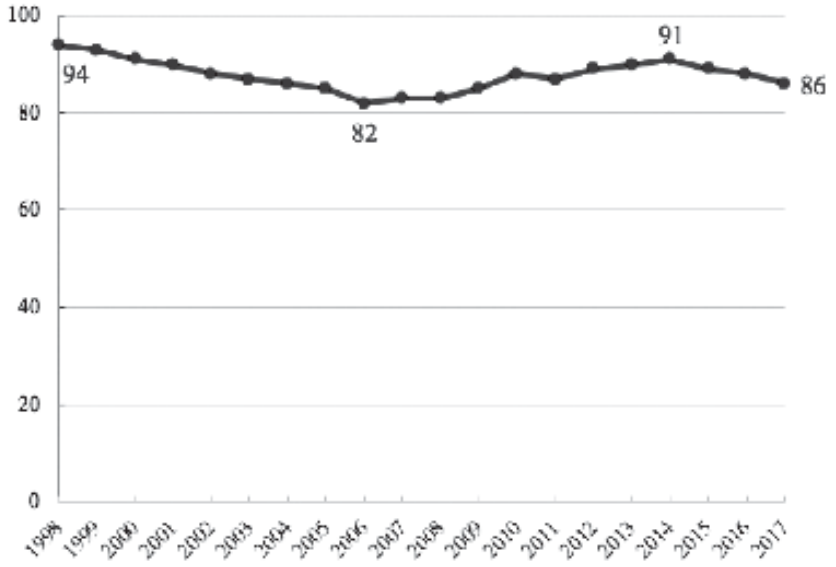

Рисунок 2. Использование фиксированной телефонии (в %)

Источник: CRÉDOC, исследования Conditions de vie et Aspirations

Стационарный телефон сегодня также конкурирует с программным обеспечением *Skype* или *MSN*, которыми пользуются не менее 37% потребителей Сети. Использование программного обеспечения *Skype* или *MSN Messenger* для совершения звонков из дома по Интернету чаще встречается среди молодого поколения, студентов, французов с высшим образованием, а также в больших домохозяйствах (семьях из пяти и более человек). Его использует половина несовершеннолетних и немногим более половины 18–24-летних. Если посмотреть на размеры агломераций, то Париж и его пригороды отличаются более широким использованием этих программ (47% жителей столичной области Парижа используют программное обеспечение *Skype* или *MSN Messenger* для вызова из дома)[16].

Хотя подавляющее большинство французского населения пользуется мобильными телефонами, некоторые различия сохраняются в разных возрастных группах. Почти 100 % 18–24-летних имеют мобильные телефоны, 98% среди группы 25–39-летних, далее эта доля снижается, и только 76% французов в возрасте 70 лет

и старше используют мобильную телефонию[17]. Ожидаемо размер домохозяйства сильно коррелирует с возрастом и размером семьи: у одиноких людей меньше шансов иметь мобильный телефон, чем у членов больших семей; после 60 лет количество таких пользователей убывает. Сегодня 6% французского населения в возрасте 12 лет и старше не имеют личного мобильного телефона[18].

Подобную статистику можно объяснить экономической и мобильной эффективностью портативных гаджетов. Фиксированный, стационарный доступ налагает ряд ограничений на пользование, при этом не каждый пользователь намерен иметь домашнюю линию, предпочитая ей удобный мобильный Интернет. Он также может быть выгоден и финансово: растущие объемы мобильного Интернета говорят о том, что французы готовы платить скорее за доступ со смартфона, чем за фиксированный доступ. Предположим, что в дальнейшем доля стационарного доступа будет стремительно снижаться не только из-за технологических инноваций, но также и по вполне естественным демографическим причинам: сегодня молодое поколение французов предпочитают, в первую очередь, портативный доступ.

Компьютеры и планшеты

Подключение к Интернету сегодня все чаще осуществляется через мобильный телефон. 42% подключений приходится на смартфоны, 38% – на компьютеры и лишь 7% на планшеты. Даже из своего дома французы все больше предпочитают подключаться через мобильные сети: 51% пользователей прибегают в домашних условиях к мобильному Интернету через смартфоны, планшеты и компьютеры. 65% французов подключаются дома по крайней мере двумя разными способами[19].

Однако компьютер остается одним из основных способов выхода в Сеть. В 2017 г. 81% французов имел домашний компьютер, у одной трети их было несколько. Эта доля начинает повышаться с 2016 г., как и использование планшетов (до 4% в год). С 2011 г. наблюдается стагнация уровня подключения к Интернету через компьютер – неизменной остается доля в 97%. Можно сказать, что любое приобретение компьютера сегодня подразумевает получение доступа в Сеть, однако 34% французов без домашнего компьютера все-таки имеют подключение к Интернету по фиксированной линии[20].

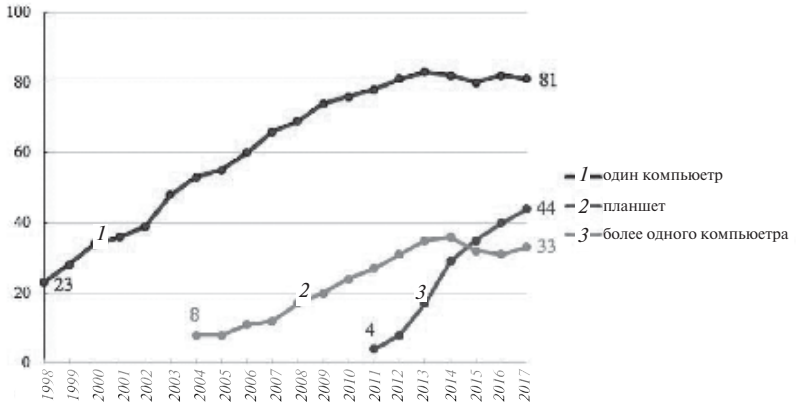

Рисунок 3. Использование компьютера дома (в %)

Источник: CRÉDOC, исследования Conditions de vie et Aspirations

Основным способом подключения к Интернету дома остается *ADSL*-линия (80% домохозяйств), но эта доля продолжает снижаться. Доля подключений через оптоволокно повышается с 6% в 2014 г. до 13% в 2017 г. Доступ через кабельные сети составляет 5% от общего количества подключений. На подключения влияют территориальные характеристики: доля оптоволокна в крупных французских городах намного выше, чем в сельских регионах. В парижской агломерации два человека из пяти подключены к Интернету через оптоволоконную сеть[21].

Французы, не имеющие домашнего подключения к сети, – это в первую очередь пожилые люди старше 70 лет (43%). Также в этой категории оказываются люди, живущие в одиночку и не имеющие высшего образования. Как правило, те, кто не имеет фиксированной линии дома, имеют более низкие доходы, чем те, кто пользуется домашним Интернетом. 37% французов, не имеющих фиксированного доступа, согласно исследованиям, подключаются к Интернету с помощью мобильного телефона, планшета или компьютера через мобильную сеть[22].

Наличие компьютерного оборудования коррелирует с социально-демографическими характеристиками: 95% детей в возрасте 12–17 лет имеют домашний компьютер, далее доля продолжает снижаться до 52% людей в возрасте 70 лет и старше. То же самое касается и уровня доходов: по мере увеличения дохода уровень компьютерной оснащенности повышается. Размер домохозяйства

также играет роль: более половины домохозяйств с четырьмя или более людьми имеют несколько компьютеров[23].

Интересно сравнить эти данные с распространенностью планшета. Здесь цифры на порядок меньше, и только половина французов в возрасте 25–39 лет использует планшет. Практически на том же уровне остается использование планшетов среди домохозяйств в размере трех-четырех человек, а также тех, кто имеет высшее образование и высокий уровень дохода[24].

Компьютер как средство подключения к Интернету также ежедневно используют 53% французов, 30% ежедневно применяют компьютер на работе или во время учебы. Подобные цифры следует интерпретировать как увеличение доли использования мобильного Интернета. Среди гаджетов планшет является наименее популярным оборудованием для выхода в Интернет: только 21% французов используют его ежедневно[25].

Смартфоны и мобильные телефоны

Начиная с 2011 г. наблюдается неуклонный рост подключения к Интернету через смартфоны: с 11% в 2011 г. до 73% в 2017 г. Таким образом, сегодня три четверти французов оснащены смартфонами (в 2011 г. менее одной четверти населения имело лишь по одному смартфону). Таким же образом растет использование планшетов: за последние шесть лет их рост составил 40%. 44% французов, использующих Интернет, имеют хотя бы один гаджет[26].

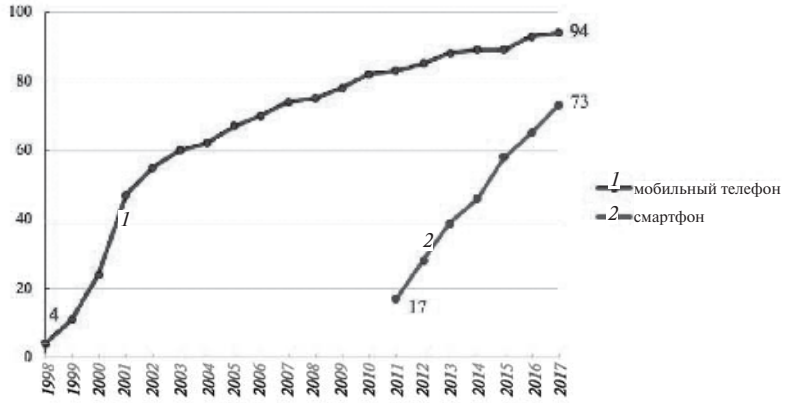

Рисунок 4. Использование мобильного телефонии и смартфона (в %)

Источник: CRÉDOC, исследования Conditions de vie et Aspirations

Рынок мобильных телефонов постепенно поглощается смартфонами. С 2014 г. наблюдается преобладание смартфонов по сравнению с другими гаджетами, и сегодня только у 21% населения есть мобильный телефон, но нет смартфона. Кто держатели этих устройств? Согласно исследованиям, девять человек из десяти в возрасте 18–39 лет имеют высшее образование и живут в домохозяйствах с высоким доходом[27].

Каковы причины отказа от использования смартфона? Ведь, как упоминалось ранее, пятая часть французов пользуется только мобильным телефоном. Среди самых распространенных ответов – «сомнение в полезности гаджета», «незнание устройства», «слишком сложный для использования». Так чаще говорят люди с невысоким доходом, пенсионеры, мужчины, жители сельских районов, состоящие в домохозяйствах из одного-двух человек. Высокая стоимость смартфона отталкивает людей в возрасте 40–59 лет. Сложность устройства – распространенный ответ среди людей старше 70 лет[28].

Значительное увеличение количества смартфонов привело к важным изменениям в цифровом потреблении: демократизации процесса коммуникации, трансформации отношения к потребляемой информации, увеличению скорости ее передачи, изменению медийных форматов и т. д. Таким образом, технологические инновации в цифровой среде ведут к серьезным изменениям во многих сферах общества, последствия которых еще предстоит проанализировать и оценить.

Новая тенденция (по сравнению с 2016 г.) – это наличие в распоряжении пользователя трех устройств – компьютер, смартфон и планшет. Если в 2012 г. таких пользователей было лишь 5%, то к 2017 их доля возросла до 36%. А число людей, имеющих только компьютер, составило на сегодняшний момент лишь 12%. Наличие трех устройств – прерогатива молодого поколения: четыре из десяти человек в возрасте от 18 до 59 лет имеют и компьютер, и смартфон, и планшет, в то время как пожилые люди (60 лет и старше) чаще всего оснащены только компьютером[29].

Феномен *триединого* пользования Интернетом подразумевает частое применение как компьютера, так и портативных гаджетов – планшета и смартфона. Однако стремительное появление на рынке планшетов как средства доступа к Интернету так же стремительно сменилось падением их популярности, как это произошло и с домашними компьютерами. Однако для выбора типа гаджета все еще важным остается географический и технологический фактор: доступность *ADSL*-линий и оптоволоконной связи значительно разнится во французских регионах и зачастую ниже, чем в парижской агломерации.

Практики поведения в Сети

Практики поведения в Интернете также различаются в зависимости от используемых гаджетов. Большую часть времени французы проводят в социальных сетях, используя преимущественно смартфоны (61%). Менее популярными остаются видеоигры, просмотр видео, отправка электронной почты, онлайн-покупки. Интересно, что при работе самым популярным гаджетом остается компьютер (76%) при незначительной доле смартфона (16%)[30].

59% французов используют социальные сети, в первую очередь, для получения информации. Однако большинство населения (73%) не доверяет информации, которая распространяется в социальных сетях (в отличие от традиционных СМИ). Недоверие повышается из-за распространения в соцсетях фейковых новостей, спама, из-за случаев мошенничества, а также других негативных явлений[31].

Увеличение трафика социальных сетей поставило перед французским правительством новые задачи, т. к. увеличение скорости передачи информации ведет иногда к непредсказуемым социальным последствиям. Распространение мессенджеров (*Whatsapp*, *Telegram* и др.) не только демократизировало процесс общения пользователей, но и подстегнуло граждан активнее участвовать в политической жизни страны. Поэтому эта область становится предметом регулирования государственных органов, и за несколько последних лет французское правительство приняло законодательные акты, касающиеся распространения фейковых новостей, хранения личных данных и противодействия терроризму – во многом благодаря совершенствованию подобных технологий.

Доля пользователей, совершающих онлайн-покупки, высока и имеет тенденцию к увеличению (61%). Основным препятствием для онлайн-покупок остается недоверие к безопасности онлайн-платежей: 59% французов отказывались от онлайн-покупок в момент оплаты[32].

Следует добавить, что французы входят в число ведущих онлайн-покупателей в Европе, особенно в сфере покупки автомобилей и просмотра видео по запросу[33]. Доходы от электронной коммерции во Франции достигли 72 млрд евро после десятилетия двузначного роста, что делает Францию пятым по величине рынком в мире[34].

Значительна доля использования мессенджеров: 43% пользователей обмениваются текстовыми сообщениями, около 30% используют в общении видеозвонок (*Whatsapp, Viber* и др.) Преимущества отправки мгновенных текстовых сообщений в указанных приложениях привлекают все большее число пользователей. Кроме простой

письменной корреспонденции приложения позволяют размещать фотографии, посылать аудиосообщения, совершать звонки, создавать группы и совместные чаты. Мгновенные мессенджеры привлекают 4 из 10 французов, которые чаще используют их для отправки текстовых сообщений, чем для звонков. Количество пользователей, практикующих *SMS*-сообщения, неуклонно снижается, особенно это заметно среди французской молодежи[35].

Все большее число французов доверяет электронному администрированию (67%). Их доля среди получивших высшее образование (25–39 лет) достигает 90%[36]. В целом, 48% европейцев пользуются общественными услугами с помощью Интернета, и Франция значительно отстает от скандинавских стран (88%), но опережает Германию (55%) и Великобританию (53%)[37].

В связи с этим следует сказать, что благодаря цифровизации всех сфер жизни происходит взаимопроникновение профессиональной и частной сфер. Например, каждый третий француз приносит свое личное оборудование на рабочее место для профессионального использования. Граница между частным временем и профессиональной средой размывается все быстрее, и уже 39% занятых французов высказываются за удаленную работу[38].

Постепенно французское население чувствует себя все более компетентным в использовании цифровых продуктов. 69% не испытывают проблем в пользовании смартфоном. При этом чаще всего пользователи отказываются от установки приложений для защиты своих персональных данных. Два из трех человек отказываются от геолокации, открывая веб-страницу. Почти каждый второй (48%) принимает меры, чтобы не оставлять следов в интернет-пространстве, каждый шестой (17%) отключает свой мобильный телефон, чтобы избежать слежки[39].

В большинстве случаев люди сами обучаются пользованию цифровыми продуктами, реже – при помощи семьи или друзей. Интересная деталь: французы в возрасте 18 лет и несколько старше говорят, что *полностью* используют услуги и функции цифровых продуктов[40]. Это означает повышение цифровой грамотности населения и характеризует французских потребителей как продвинутых пользователей Сети.

Новые технологии предлагают разнообразие возможностей в использовании цифровых продуктов, в том числе в сфере электронного правительства. 79% французов приветствуют внедрение в городскую среду цифровых инструментов, которые предоставляют гражданам

качественные услуги и позволяют оптимизировать свою повседневную жизнь (парковочные места, уровень загрязнения и т. д.)[41].

В целом, можно сказать о французах как об уверенных онлайн-пользователях. Как потребители глобализированного рынка, они воспринимают Интернет, в первую очередь, как средство общения и место для трансакций. По типу потребляемого контента французские пользователи практически не отличаются от других европейцев: уровень использования социальных сетей, мессенджеров и СМИ примерно одинаков. Однако в последние несколько лет процесс внедрения цифровых инструментов в политическую жизнь Франции (электронные выборы, само понятие *виртуальная демократия*, вокруг которого ведутся дискуссии во Франции, мессенджеры как способ противостояния властям) показывает, что Интернет становится мощным политическим инструментом и чувствительной темой для французских избирателей. Процесс цифровизации французского общества привел к тому, что в современной ситуации Интернет – одна из ключевых тем общественной повестки, и это приходится учитывать и политикам, и гражданским активистам.

Выводы

Стремительное распространение Интернета за последние пятнадцать лет привело к тому, что подавляющее большинство французских граждан имеет доступ к Интернету с нескольких устройств – компьютера, мобильного телефона/смартфона и планшета. Лишь 12% граждан не имеют доступа к Сети. В возрастных категориях самой уязвимой на сегодняшний момент остается группа пожилых французов (за 60 лет). Именно на эту группу следует обратить внимание для повышения цифровой грамотности и вовлечения в цифровую среду.

Технологическое отставание конца 1990-х гг. сменилось уверенным ростом темпов цифровизации. Сегодня можно констатировать, что Франция – одна из передовых стран по уровню развития цифровых технологий не только в рамках Европейского союза, но и на мировом уровне. Этот результат был достигнут продолжительным сотрудничеством французского правительства и *IT*-сообщества. Следствием подобной деятельности стало не только увеличение сферы распространения и использования Интернета, но и появление разветвленного законодательства, регулирующего цифровую среду, на которое ориентируются другие европейские страны.

Для описания цифровых компетенций французского общества немаловажны такие характеристики, как уровень образования и величина дохода. С повышением образовательного статуса и дохода повышается и цифровая грамотность граждан, а также разнообразие использования цифровых инструментов для выхода в Сеть. Доход не коррелирует напрямую с самим способом доступа, сегодня даже малоимущие граждане могут себе позволить мобильные инструменты – мобильные телефоны и смартфоны – для пользования Интернетом. Наиболее активными пользователями Сети остаются взрослые граждане с высоким уровнем дохода и высшим образованием. Количество участников домохозяйства, как выясняется, также влияет на степень вовлеченности в цифровую среду: чем больше членов семьи, тем больше инструментов доступа в Сеть и тем активнее потребление цифрового контента.

Таким образом, Интернет перестает быть привилегией потребителя и становится естественной средой обитания. Взамен аналоговых технологий и традиционных способов взаимодействия, с начала 2000-х гг. Интернет становится безличным пространством, платформой, которая может быть использована для любого социального взаимодействия, в том числе и в политических целях. И в значительной степени этому способствовало распространение мобильной телефонии, затем мобильного Интернета и портативных гаджетов.

Мобильная телефония на протяжении нескольких последних лет уверенно обгоняет стационарную связь. Разрыв между ними увеличивается, поскольку пользование мобильной связью расширяется: люди отказываются от стационарных телефонов, отдавая предпочтение мобильникам и смартфонам. Совмещение мобильной телефонии и мобильного Интернета в одном устройстве привело к взрывному росту использования смартфонов. За последние шесть лет применение этих устройств выросло геометрически благодаря их относительно низкой цене и удобству использования. Новейшая тенденция – это практика одновременного применения нескольких устройств: компьютеров, смартфонов и планшетов.

Можем ли мы говорить о *моральном устаревании* стационарного телефона? Несомненно: он теряет свою эффективность в век мобильности и быстрой скорости передачи информации. Однако об отказе от старых технологий говорить преждевременно, поскольку проблема цифрового неравенства до сих пор остается актуальной даже в таких развитых странах, как Франция или США (Fornerino, 2003).

Для решения данной проблемы необходим пристальный анализ пользовательских практик и способов подключения к Сети.

Опыт наблюдения за французами говорит о том, что самым чувствительным вопросом, касающимися поведения в Сети, остается безопасность личных данных (Jackson, Lilleker, 2013), поскольку он затрагивает всех цифровых контрагентов. Французское правительство уделяет большое внимание этой проблеме и, в сотрудничестве с Европейским союзом, принимает регулирующие документы, которые призваны защитить права обычного пользователя и сохранить цифровой суверенитет страны (из последних примеров – принятие Генерального регламента о защите персональных данных Европейского союза 2018 года).

Таким образом, на основе обзора французских отраслевых докладов, мы выяснили некоторые аспекты развития цифровой аудитории во Франции: изученная статистика показывает увеличение объемов мобильной связи и уменьшение доли фиксированной, подавляющую компьютеризацию французского населения и повышение уровня цифровой грамотности, широкое использование цифровых инструментов для выхода в Сеть и изменение поведения пользователей в Интернете.

Почему в нашем анализе преобладал технологический аспект и формальные характеристики подключения в Сети (тип гаджетов, уровень оснащенности оптоволоконной связью, уровень развития мобильной телефонии и мобильного Интернета и т. д.)? Развитие медиа и коммуникации сопутствует цифровой революции, и подобный технологический детерминизм может быть оправдан в случае формулирования основных положений, пригодных для сравнения цифровых сред тех или иных стран. И среди этих положений мы можем выделить характеристики, которые поддаются относительно точному измерению: величина аудитории пользователей Сети, ее динамика, доля Интернета в соответствии с используемыми гаджетами. Данная работа – попытка на примере Франции выделить области анализа, руководствуясь которыми мы можем в дальнейшем выстроить универсальную компаративную модель. Некоторые из положений более пригодны для сравнения (например, глубина проникновения Интернета), другие же – предмет для дискуссии (например, практики поведения в Сети).

Практическая значимость данной работы состоит в попытке систематизации и описания основных показателей французской цифровой аудитории. В представленных источниках и изученной литературе авторы касаются лишь некоторых положений, связанных с цифровой средой. Данная статья восполняет пробелы в освещении вопроса современного состояния интернет-аудитории во Франции и

будет интересна исследователям французских медиа и цифровой сферы. Собранный статистический материал будет полезен для сравнительного анализа европейских стран в студенческой аудитории.

Примечания

[1] *Кирия И. В.* Телевидение и интернет Франции на пути к информационному обществу. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. С. 74.

[2] *Захарова М. В., Семина М. П.* Функционирование закона о соблюдении прав интеллектуальной собственности в интернете во Франции (2010–2011 гг.) // Медиаскоп. 2012. № 2.

[3] По данным IDATE DigiWorld, CISCO, Gartner.

[4] The state of internet in France. L'Arcep, May 2017. P. 8.

[5] Nicolas Teisseyre. Etat des lieux numériques de la France [Состояние цифровых сетей Франции]. Google, January 2017. P. 5. (In French)

[6] The state of internet in France. L'Arcep, May 2017. P. 9.

[7] Статистика по: Internet World Stats. France Internet Usage Stats and Telecom Reports. Эти данные соотносятся со статистикой Международного союза электросвязи: 83,75% на 2014 г.

[8] Там же. P. 7.

[9] Le baromètre du numérique 2017. L'Arcep, le Conseil général de l'économie (CGE) et l'Agence du Numérique [Цифровой барометр 2017. АРСЕП, Генеральный совет по экономике (CGE) и Агентство по цифровым технологиям]. Paris, Novembre 2017. P. 9. (In French)

[10] Там же.

[11] Le baromètre du numérique 2016. L'Arcep, le Conseil général de l'économie (CGE) et l'Agence du Numérique [Цифровой барометр 2016. АРСЕП, Генеральный совет по экономике (CGE) и Агентство по цифровым технологиям]. Paris, Novembre 2016. P. 19. (In French)

[12] Présentation de quelques éléments de l'enqueête Conditions de vie et Aspirations CREDOC sur les usages du numérique dans les relations aux services publics [Презентация части исследования «Условия жизни и тенденции» КРЕДОК, посвященная цифровым технологиям в коммунальных услугах]. Crédoc, Mai 2017. P. 6. (In French)

[13] Nicolas Teisseyre. Etat des lieux numériques de la France [Состояние цифровых сетей Франции]. Google, January 2017. P. 16. (In French)

[14] The state of internet in France. L'Arcep, May 2017. P. 8.

[15] Le compte rendu des travaux 2016 du GRACO. La régulation au service des territoires connectés. L'Arcep [Отчет о работе ГРАКО 2016 года. Регулирование службы на подключенных территориях]. Janvier 2017. P. 26. (In French)

[16] Le baromètre du numérique 2017. L'Arcep, le Conseil général de l'économie (CGE) et l'Agence du Numérique [Цифровой барометр 2017. АРСЕП, Генеральный совет по экономике (CGE) и Агентство по цифровым технологиям]. Paris, Novembre 2017. P. 11. (In French)

[17] Там же. P. 29.

[18] Nicolas Teisseyre. Etat des lieux numériques de la France [Состояние цифровых сетей Франции]. Google, January 2017. P. 16. (In French)

[19] Internet and network neutrality. Proposals and recommendations. L'Arcep, Septembre 2017. P. 23.

[20] Le baromètre du numérique 2017. L'Arcep, le Conseil général de l'économie (CGE) et l'Agence du Numérique [Цифровой барометр 2017. АРСЕП, Генеральный

совет по экономике (CGE) и Агентство по цифровым технологиям]. Paris, Novembre 2017. P. 40. (In French)

[21] The state of internet in France. L'Arcep, May 2017. P. 24.

[22] Internet and network neutrality. Proposals and recommendations. L'Arcep, Septembre 2017. P. 25.

[23] Le baromètre du numérique 2017. L'Arcep, le Conseil général de l'économie (CGE) et l'Agence du Numérique [Цифровой барометр 2017. АРСЕП, Генеральный совет по экономике (CGE) и Агентство по цифровым технологиям]. Paris, Novembre 2017. P. 41. (In French)

[24] Там же.

[25] Nicolas Teisseyre. Etat des lieux numériques de la France [Состояние цифровых сетей Франции]. Google, January 2017. P. 17. (In French)

[26] Le compte rendu des travaux 2016 du GRACO. La régulation au service des territoires connectés [Отчет о работе ГРАКО 2016 года. Регулирование службы на подключенных территориях]. L'Arcep, Janvier 2017. P. 26. (In French)

[27] Там же. P. 27.

[28] Le baromètre du numérique 2017. L'Arcep, le Conseil général de l'économie (CGE) et l'Agence du Numérique [Цифровой барометр 2017. АРСЕП, Генеральный совет по экономике (CGE) и Агентство по цифровым технологиям]. Paris, Novembre 2017. P. 32. (In French)

[29] Le baromètre du numérique 2017. L'Arcep, le Conseil général de l'économie (CGE) et l'Agence du Numérique [Цифровой барометр 2017. АРСЕП, Генеральный совет по экономике (CGE) и Агентство по цифровым технологиям]. Paris, Novembre 2017. P. 41. (In French)

[30] Nicolas Teisseyre. Etat des lieux numériques de la France [Состояние цифровых сетей Франции]. Google, January 2017. P. 19. (In French)

[31] Le baromètre du numérique 2017. L'Arcep, le Conseil général de l'économie (CGE) et l'Agence du Numérique [Цифровой барометр 2017. АРСЕП, Генеральный совет по экономике (CGE) и Агентство по цифровым технологиям]. Paris, Novembre 2017. P. 41. (In French)

[32] Nicolas Teisseyre. Etat des lieux numériques de la France [Состояние цифровых сетей Франции]. Google, January 2017. P. 19. (In French)

[33] Там же. P. 13.

[34] Там же. P. 12.

[35] Le baromètre du numérique 2017. L'Arcep, le Conseil général de l'économie (CGE) et l'Agence du Numérique [Цифровой барометр 2017. АРСЕП, Генеральный совет по экономике (CGE) и Агентство по цифровым технологиям]. Paris, Novembre 2017. P. 10. (In French)

[36] Там же. P. 13.

[37] Internet and network neutrality. Proposals and recommendations. L'Arcep, Septembre 2017. P. 27.

[38] Le compte rendu des travaux 2016 du GRACO. La régulation au service des territoires connectés [Отчет о работе ГРАКО 2016 года. Регулирование службы на подключенных территориях]. L'Arcep, Janvier 2017. P. 31. (In French)

[39] Le baromètre du numérique 2016. L'Arcep, le Conseil général de l'économie (CGE) et l'Agence du Numérique [Цифровой барометр 2016. АРСЕП, Генеральный совет по экономике (CGE) и Агентство по цифровым технологиям]. Paris, Novembre 2016. P. 14. (In French)

[40] Le baromètre du numérique 2017. L'Arcep, le Conseil général de l'économie (CGE) et l'Agence du Numérique [Цифровой барометр 2017. АРСЕП, Генеральный совет по экономике (CGE) и Агентство по цифровым технологиям]. Paris, Novembre 2017. P. 15. (In French)

[41] Там же. P. 16.

Библиография

Захарова М. В. Аудиовизуальные СМИ в период выборов во Франции: трансформация форматов (по итогам президентской кампании 2017 г.) // МедиаАльманах. 2018. № 1. С. 126–137.

Захарова М. В., Семина М. П. Функционирование закона о соблюдении прав интеллектуальной собственности в интернете во Франции (2010–2011 гг.) // Медиаскоп. 2012. № 2.

Захарова М. В. Франция принимает законы о соблюдении прав интеллектуальной собственности в интернете // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2010. № 2. С. 45–56.

Шарончикова Л. В. «Монд» в меняющемся мире (эволюция и традиции качественной газеты в цифровую эпоху) // Медиаскоп. 2012. № 3.

Шарончикова Л. В. Кризис французской прессы в эпоху цифровых технологий // Медиаскоп. 2009. № 3.

Кирия И. В. Телевидение и интернет Франции на пути к информационному обществу. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005.

Fornerino M. (2003) Internet adoption in France. *The Service Industries Journal* 1 (23): 119–135. DOI: https://doi.org/10.1080/02642060412331300812

Jackson N., Lilleker D.G. (2013) *Political campaigning, elections and the Internet: Comparing the US, UK, France and Germany*. Routledge.

Morganti E., et al. (2014) The impact of e-commerce on final deliveries: alternative parcel delivery services in France and Germany. *Transportation Research Procedia* 4: 178–190. DOI: https://doi.org/10.1016/j.trpro.2014.11.014

Vaccari C. (2008) Surfing to the Elysee: The Internet in the 2007 French elections. *French Politics* 1 (6): 1–22.

Notes

Le baromètre du numérique 2016. L'Arcep, le Conseil général de l'économie (CGE) et l'Agence du Numérique [The Digital Barometer 2016. ARCEP, the General Council for Economy (GCE) and the Digital Technology Agency]. Paris, Novembre 2016. (In French)

Le baromètre du numérique 2016. L'Arcep, le Conseil général de l'économie (CGE) et l'Agence du Numérique [The Digital Barometer 2017. ARCEP, the General Council for Economy (GCE) and the Digital Technology Agency]. Paris, Novembre 2017. (In French)

Le compte rendu des travaux 2016 du GRACO. La régulation au service des territoires connectés. L'Arcep [A Report on the Work of GRACO in 2016. Service Regulation on Connected Territories]. Janvier 2017. (In French)

Les visites patrimoniales progressent encore chez les Français, signe d'un attachement fort et durable [Patrimonial Visits Are Still Progressing Among the French, a Sign of Strong and Lasting Attachment]. Crédoc, Avril 2017. (In French)

Nicolas Teisseyre. Etat des lieux numériques de la France [The State of Digital Networks in France]. Google, January 2017. (In French)

Présentation de quelques élé ments de l'enquête Conditions de vie et Aspirations CREDOC sur les usages du numérique dans les relations aux services publics [Presentation of Part of a Research Project "Living Conditions and Trends" by CREDOC Devoted to Digital Technologies in Public Utilities]. Crédoc, Mai 2017. 34 p. (In French)

The Internet and Network Neutrality. Proposals and Recommendations. L'Arcep, Septembre 2017. P. 62. (In French)

The State of the Internet in France. L'Arcep, May 2017. 87 p.

References

Fornerino M. (2003) Internet Adoption in France. *The Service Industries Journal* 1 (23): 119–135. DOI: https://doi.org/10.1080/0264206041233130081 2

Jackson N., Lilleker D. G. (2013) *Political Campaigning, Elections and the Internet: Comparing the US, UK, France and Germany.* Routledge.

Kiriya I. V. (2005) *Televideniye i internet Frantsii na puti k informatsionnomu obshchestvu* [Television and the Internet of France on the Way to the Information Society]. Moscow. (In Russian)

Morganti E. et al. (2014) The Impact of E-Commerce on Final Deliveries: Alternative Parcel Delivery Services in France and Germany. *Transportation Research Procedia* 4: 178-190. DOI: https://doi.org/10.1016/j.trpro.2014.11.014

Sharonchikova L. V. (2009) Krizis frantsuzskoy pressy v epokhu tsifrovykh tekhnologiy [The Crisis of the French Press in the Era of Digital Technologies]. *Mediaskop* 3. (In Russian)

Sharonchikova L. V. (2012) Mond v menyayushchemsya mire (evolyutsiya i traditsii kachestvennoy gazety v tsifrovuyu epokhu) [Le Mond in a Changing World (Evolution and Traditions of a Quality Newspaper in the Digital Age)]. *Mediaskop* 3. (In Russian)

Vaccari C. (2008) Surfing to the Elysee: The Internet in the 2007 French Elections. *French Politics* 1 (6): 1–22.

Zakharova M. V. (2018) Audiovizualnyye SMI v period vyborov vo Frantsii: transformatsiya formatov (po itogam prezidentskoy kampanii 2017 g.) [Audiovisual Media During the Election in France: Transformation of Formats (following the results of the 2017 presidential campaign)]. *Mediaalmanakh* 1: 126–137. (In Russian)

Zakharova M. V. (2010) Frantsiya prinimayet zakony o soblyudenii prav intellektualnoy sobstvennosti v internete [France Adopts Laws on the Observance of Intellectual Property Rights on the Internet]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika* 2: 45–56. (In Russian)

Zakharova M. V., Semina M. P. (2012) Funktsionirovaniye zakona o soblyudenii prav intellektualnoy sobstvennosti v internete vo Frantsii (2010–2011 gg.) [Operation of the Law on the Observance of Intellectual Property Rights on the Internet in France (2010–2011)]. *Mediaskop* 2. (In Russian)

Поступила в редакцию
03.08.2018

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика» — рецензируемое научное издание с периодичностью выхода 6 раз в год. Публикуемые в нем материалы посвящены проблемам журналистики, СМИ, массовой коммуникации. Журнал ориентирован на публикацию статей, представляющих собой результаты самостоятельного исследования, организованного и проведенного в рамках научного подхода. Авторы — ведущие российские и зарубежные ученые и исследователи.

Журнал имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете (для подписчиков), включен в систему Российского индекса научного цитирования, оформляется в соответствии с требованиями ВАКа. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Плата за публикацию в «Вестнике Московского университета. Серия 10. Журналистика» с авторов не взимается.

Статьи в журнале публикуются только после получения положительной рецензии. Рецензентами могут выступать все кандидаты и доктора наук факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, а также сотрудники иных образовательных учреждений Российской Федерации и зарубежных стран, имеющие достаточную квалификацию в соответствующей научной области, получившие ученую степень и обладающие авторитетом в научной среде. Редакционная коллегия принимает на себя обязательства по поиску рецензентов и организации процесса рецензирования.

По решению редакционной коллегии рукопись принимается, отвергается или возвращается автору на доработку. Авторы обязаны учесть замечания рецензента и внести в статью соответствующие исправления. В случае отклонения статьи редакционная коллегия направляет автору мотивированный отказ. Рецензии хранятся в редакции, копии их предоставляются по требованию авторам рукописей.

Статьи авторам необходимо отправлять на электронную почту журнала vestnik_journ@mail.ru. Материалы размещаются в номерах по тематическому принципу либо согласно дате поступления в редакцию в соответствующие рубрики.

Все присылаемые статьи должны содержать следующие обязательные элементы:

1) Сведения об авторе на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, место работы, контактная информация автора (телефон и электронный адрес).

2) Аннотация (abstracts) и ключевые слова (key words) на русском и английском языках. Аннотация должна кратко излагать проблематику статьи и основные содержащиеся в ней выводы. Ключевые слова после аннотации отражают основное содержание текста.

3) Примечания, оформленные в виде концевых сносок (если есть). Через концевые сноски также оформляются библиографические ссылки на периодику (газеты, журналы общего интереса); интернет-источники; художественную, деловую, научно-популярную литературу; словари, справочники, отраслевые доклады; учебники и учебные пособия; архивные данные.

4) Пристатейные библиографические списки (Библиография) у всех статей – в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования.

В список литературы включаются: монографии; сборники научных статей; научные статьи, опубликованные в научных журналах и сборниках. В список литературы вносятся только источники, на которые есть внутритекстовые библиографические ссылки.

Ссылки в тексте приводят в круглых скобках – в них указывается фамилия автора, год издания произведения и номер страницы, который отделяется от года двоеточием. Например: (Иванов, 1998: 125). При повторном цитировании: (там же: 128) для русскоязычных источников или (Ibid: 123) для иностранных источников.

Объем рукописи не должен превышать один печатный лист (40 тыс. знаков с пробелами). Оптимальный размер статьи – 20–30 тыс. знаков с пробелами. Текст статьи должен создаваться в формате doc (docx, rtf), шрифтом Times New Roman, 12 кеглем, с полуторным межстрочным интервалом.

Статья должна начинаться с введения (обоснование актуальности и научной значимости исследования, теоретические подходы к проблеме, поставленная автором задача, корпус имеющих отношение к проблеме текстов). Введение может быть дополнено отдельным разделом, в котором предоставляется обзор литературы по проблеме и теоретические выкладки. В этом разделе (разделах) должна быть представлена большая часть отсылок к предыдущим работам по теме материала.

Если в статье есть компонент эмпирического исследования, в ней должны быть отдельные разделы, описывающие методологию и результаты исследования. Основная часть статьи заканчивается выводами.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных, географических данных и иных сведений.

Редакционная коллегия журнала:

- непредвзято, взвешенно и объективно оценивает все поступающие материалы;
- при работе с материалами руководствуется лишь критериями оригинальности, научной значимости и актуальности текстов;
- до публикации обеспечивает конфиденциальность всех рассматриваемых текстов;
- гарантирует отсутствие личных интересов в работе с материалами сторонних авторов;
- не принимает от авторов вознаграждений в явной или неявной форме;
- борется с плагиатом всеми доступными способами;
- строго следует нормам законодательства, установленным правилам и процедурам.